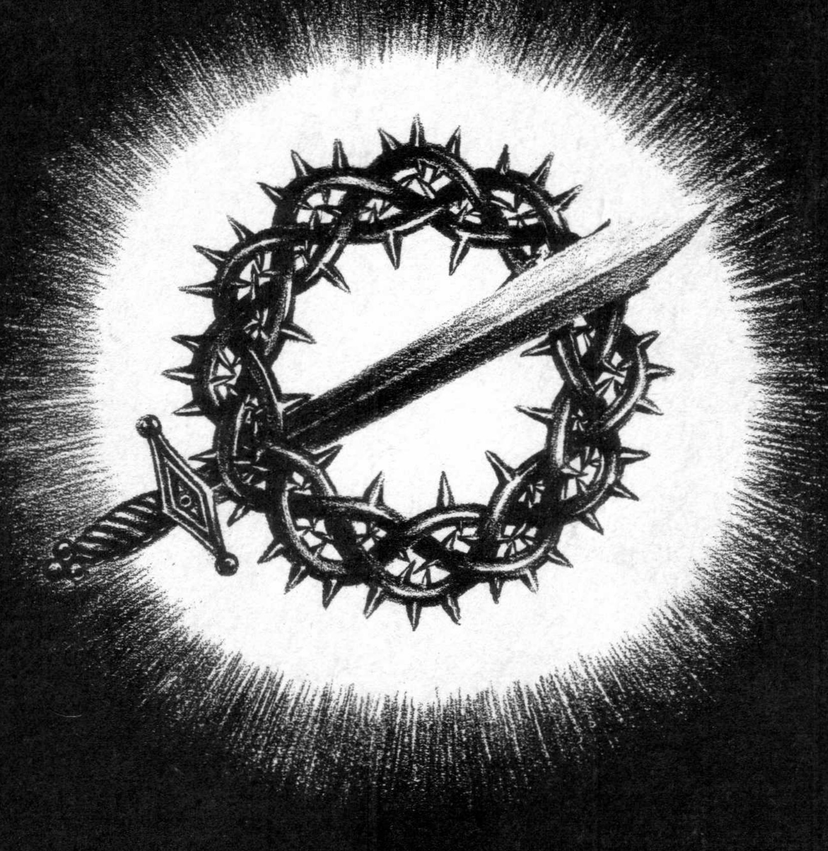


ПЕРВЫЕ-НАЧАВШИЕ

1918-1958

ГГ

Гнаденау

Ставрополь.
Туапсе Геленджик
на север – Орел.

ПЕРВЫЕ НАЧАВШІЕ

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ СОЮЗА УЧАСТНИКОВЪ
1-ГО КУБАНСКАГО ПОХОДА

Подъ редакціей Ген. Шт. Полковника С. Н. Ряснянскаго

Обложка работы подпоручика Г. Гольдшмидта

1958

RUSSIAN PRINTING & PUBLISHING HOUSE
505 East 175 Street, New York 57, N. Y.

ОТЪ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ СОЮЗА УЧАСТНИКОВЪ ПЕРВАГО КУБАНСКАГО ПОХОДА

Въ этомъ году исполнилось 40 лѣтъ со времени нашего 1-го Кубанскаго похода. Насъ осталось мало, и большинство изъ насъ далеко перешло «предѣльный возрастъ». Мы издаемъ эту «Памятку» съ опасеніемъ, что къ 50-лѣтію похода полувѣковый юбилейный сборникъ изданъ врядъ ли будетъ. Поэтому мы хотѣли бы помѣстить въ ней то, что особенно памятно для всѣхъ участниковъ похода и что нашему потомству — русскому юношеству, — полезно знать о началѣ борьбы съ большевиками-коммунистами, до сихъ поръ правящими нашимъ несчастнымъ отечествомъ.

Нашъ походъ, гдѣ столько было проявлено мужества и самопожертвованія и столько потеряно жизней, не увѣнчался успѣхомъ и мы — старые добровольцы — не сложившіе оружія, но не могущіе его примѣнить на дѣлѣ, въ силу міровой политики «сосуществованія» съ коммунистами, говоримъ: «походъ продолжается» и надѣемся, что идущія намъ на смѣну молодыя поколѣнія, рожденныя и въ изгнаніи и въ нашемъ Отечествѣ (нынѣ еще СССР), закончатъ этотъ походъ сверженіемъ коммунистовъ и возстановленіемъ РОССІИ на исконныхъ историческихъ началахъ Святой Руси.

Предсѣдатель Главнаго Правленія
Генералъ Майоръ **Череповъ**

Члены Главнаго Правленія:

Кубанскій Атаманъ Ген. Шт. Ген.-М. **Науменко**
Ген. Штаба Полковникъ **Ряснянскій**
Полковникъ **Третьяковъ**
Подпоручикъ **Гольдшмидтъ**
Корнетъ **Череповъ**

Генералъ
Лавръ Георгіевичъ Корниловъ

Генералъ
Антонъ Ивановичъ Деникинъ

ПОЧТО-ГРАММА

Парижъ, 10-го февраля 1958 года.

Предсѣдателю Союза участниковъ Перваго Кубанскаго Генерала Корнилова похода генералъ-маіору Черепову.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, 22-го февраля 1918 года только что героическими усиліями созданная Добровольческая Армія ушла въ свой Первый Походъ...

Ушла въ незвѣстное, мало снабженная, плохо вооруженная, пошла только во имя Вѣрности Россіи, Вѣры въ свой долгъ служить Ей, среди той безпримѣрной бѣды, которая нависла надъ страной!

Изъ многомилліонной Русской Арміи пошла горсть, едва достигшая четырехъ тысячъ человѣкъ, то-есть полка военнаго времени. Пошла за генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ. Создала — «Анабазисъ Россійскій», повторила подвигъ героической горсти грековъ совершившихъ такой же подвигъ, почти въ той же части земли за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до подвига генерала Корнилова и его Арміи.

Побѣды не было. Въ бою палъ генералъ Корниловъ. Пали многіе, кто пошелъ съ нимъ... Но начало было положено и подвигъ «Перваго Похода» легъ въ основу историческаго Бѣлаго Движенія, которое спасло честь Русской Арміи и самой Россіи!

Привѣтствую въ этотъ историческій день Васъ и чиновъ Союза и шлю всѣмъ пожеланія твердости духа и физическихъ силъ для дальнѣйшей службы Родинѣ, когда она отъ насъ этого потребуетъ!

Начальникъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза
Генеральнаго штаба
Генералъ-Маіоръ Лампе

ГИМНЪ «БѢЛЫХЪ».

Мы дѣти Россіи, мы слуги народа.
Мы вѣрные рыцари «Бѣлой Мечты».
Нашъ лозунгъ: Отчизна, Законъ и Свобода,
Державная воля родимой страны!..
Отвергли мы иго кроваваго строя,
Подъ красное знамя служить не пошли,
Подъ флагомъ трехцвѣтнымъ, по зову героя,
Распятой Отчизны мы честь сберегли.
Подъ небомъ свинцовымъ, не видя лазури,
По моря житейскому яростныхъ волнъ
Плылъ смерти навстрѣчу, средь грома и бури,
Подъ парусомъ бѣлымъ отважно нашъ челнъ.
Испытанный кормчій желѣзной рукою
Нашъ челнъ направлялъ сквозь туманы и мракъ,
И ярко горѣлъ лучезарной звѣздою
На стѣнахъ Кремля путеводный маякъ!..
Но Богъ ниспослалъ испытанье Россіи.
Побѣды намъ не далъ безжалостный рокъ;
Слѣпыми волнами безумной стихіи
Смытъ вождь незабвенный, разбитъ нашъ челнокъ.
Кружимся по свѣту мы пылью людскою,
Страдаемъ и гибнемъ по лику земли,
Но свято хранимъ мы своею душою
Нашъ кличъ боевой: Все для счастья Руси!
Мы дѣти Россіи, мы слуги Народа,
Мы вѣрные рыцари «БѢЛОЙ МЕЧТЫ»...
Нашъ лозунгъ — Отчизна, Законъ и Свобода,
Державная ВОЛЯ Великой страны!..

«Первопоходникъ»

Царь-градъ, 1920 годъ.

ШТАБЪ
Добровольческой Арміи въ 1-омъ Кубанскомъ Генерала Корнилова походѣ 9-го февраля-1-го мая 1918 года

Верховный Руководитель. Г. Шт. Генералъ отъ инфантеріи М. В. Алексѣевъ.
Командующій арміей — Г. Шт. Генералъ отъ инфантеріи Л. Г. Корниловъ до 31 марта — дня смерти.
Помощникъ Командующаго арміей и Первый Замѣститель Командующаго арміей — Ген. Шт. Генералъ - Лейтенантъ Деникинъ. Отъ 31 марта 1918 г. Командующій арміей.
Начальникъ Штаба арміи — Г. Шт. Генералъ-Майоръ И. П. Романовскій.
Генералъ для порученій при Командующемъ Арміей Ген.- Майоръ А. Н. Череповъ
Начальникъ Отдѣла Снабженій — Г. Шт. Ген.-Лейтенантъ Эльснеръ
Начальникъ Артиллерійской части — Полковникъ Мальцевъ
Нач. Инженерной части Чл. Гос. Думы — инж. Л. Половцевъ
Нач. Санитарной части Полк. Всеволожскій, а съ 30 марта Н. М. Родзянко
Нач. Политической части Ст. Совѣтникъ Шеншинъ, а съ 30 марта Гв. Ротмистръ Шапронъ
Нач. строевого отдѣла Г. Шт. Генералъ-Майоръ Трухачевъ
Нач. оперативнаго отд. Г. Шт. Подполковникъ Сальниковъ
Нач. общаго отд. Гв. Полковникъ кн. Гагаринъ
Нач. развѣдывательнаго отд. Полковникъ Баркаловъ
Нач. контрразвѣд. отд. Г. Шт. Подполков. С. Н. Ряснянскій
Нач. отд. связи Гв. Полковникъ Л. Н. Трескинъ
Нач. отд. формированій Г. Шт. Полковникъ Барцевичъ
Нач. журнальной части Капитанъ Федоровскій
Комендантъ Штаба Полковникъ Корвинъ-Круковскій
Штабъ-офицеры для порученій: Г. Шт. Полковникъ Патроновъ и Г. Шт. Подполковникъ Колчинскій
Адъютанты: у ген. Алексѣева Гв. Ротмистръ Шапронъ
у ген. Корнилова Подпоручикъ Долинскій и Корнетъ Резанбекъ-Хаджіевъ
Начальникъ походнаго лазарета Д. Трейманъ
Командиръ охранной роты Полковникъ Дейло
Командиръ Конвоя (Текинскаго) Полковникъ Григорьевъ.

БѢЛАЯ ИДЕЯ
И
ДУХОВНЫЙ ОБЛИКЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

«Великое значеніе Бѣлой Идеи, которая по существу своему является и христіанской, не оцѣнено еще до сихъ поръ. Но придетъ время и Россія воздастъ должную дань ея благороднымъ Рыцарямъ. Я часто говорю, что наше поколѣніе было бы безотвѣтственнымъ передъ Судомъ Исторіи, если бы оно не породило героевъ Бѣлаго Движенія, которые будутъ нашимъ оправданіемъ передъ лицомъ будущей свободной Россіи.

«Бѣлая идея, по внутреннему существу своему не только глубоко нравственная, но даже религіозная идея. Она знаменуетъ собой борьбу не только за Національную Россію, но за вѣчныя общечеловѣческія начала... Это брань Свѣта съ тьмою, Истины съ ложью, Добра со зломъ, Христа съ его противникомъ Антихристомъ».

Митрополитъ Анастасій

Добровольческая Армія не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ, кромѣ поставленной цѣли — спасенія РОДИНЫ.

Добровольческую Армію купить нельзя.

Генералъ Алексѣевъ

Наше Добровольческое движеніе въ свое время послужило тѣмъ оплотомъ, который предохранилъ Европу и міръ отъ затопленія красной волной.

Наше Добровольческое движеніе было самымъ яркимъ, самымъ чистымъ воплощеніемъ борьбы освободительной. Ибо тернистый путь его отмѣченъ смѣлымъ дерзаніемъ, высокимъ подвигомъ и несчетными могилами павшихъ за Родину. Ибо оно и только оно одно — не преслѣдовало никакихъ эгоистическихъ цѣлей ни политическихъ «самоопредѣленій», ни бытовыхъ привилегій, ни соціальныхъ домогательствъ, ни экономическихъ выгодъ.

Только — избавленіе Россіи отъ коммунистическаго ига.

Богъ не судилъ намъ успѣха, мы не достигли цѣли. Потому, главнымъ образомъ, что мы были одиноки. И у себя, и во внѣ...

Въ самые тяжкіе дни нашей борьбы, въ дни Первыхъ походовъ, когда мы, отрѣзанные отъ внѣшняго міра, зате-

рянные въ бушующемъ большевицкомъ морѣ, пробивали себѣ путь «въ неизвѣстное», даже въ эти дни развѣ могло появиться у насъ малѣйшее сомнѣніе въ правотѣ нашего дѣла, въ значеніи Добровольческаго подвига. Конечно, нѣтъ. Тогда все было просто и ясно. Ибо надъ нашимъ становъ, надъ городами и вѣсями, занимаемыми Добровольцами, рѣялъ трехцвѣтный флагъ — символъ освобожденія державной Россіи отъ власти большевиковъ.

Много уже написано, еще больше напишутъ о духовномъ обликѣ Добровольческой арміи. Тѣ кто видѣлъ въ ней осѣянный страданіями и мученичествомъ подвигъ — правы. И тѣ, кто видѣлъ грязь, пятнавшую чистое знамя, во многихъ случаяхъ искренни. Весь вопросъ въ правильномъ синтезѣ ряда сложныхъ явленій въ жизни арміи — явленій, рожденныхъ войной и революціей. Такъ, каждый въ отдѣльности офицеръ, выведенный въ купринскомъ «Поединкѣ», — живой человѣкъ, но такого собранія офицеровъ, такого полка въ русской арміи не было.

Въ нашу своеобразную Запорожскую сѣчь шли всѣ, кто дѣйствительно сочувствовалъ идеѣ борьбы и былъ въ состояніи вынести ея тяготы. Шли и хорошіе и плохіе. Но четыре года войны и кошмаръ революціи не прошли безслѣдно. Они обнажили людей отъ внѣшнихъ культурныхъ покрововъ и довели до высокого напряженія всѣ ихъ сильныя и всѣ ихъ низменныя стороны. Было бы лицемѣріемъ со стороны общества, испытавшаго небывалое моральное паденіе, требовать отъ добровольцевъ аскетизма и высшихъ добродѣтелей. Былъ подвигъ, была и грязь. Героизмъ и жестокость. Состраданіе и ненависть. Соціальная терпимость и инстинктъ классовой розни. Первыя явленія возносили, со вторыми боролись. Но вторыя не были отнюдь преобладающими; исторія отмѣтитъ тотъ важный для познанія русской народной души фактъ, какъ на почвѣ кровавыхъ извращеній революціи обывательской тины и интеллигентскаго маразма могло выросги такое положительное явленіе какъ добровольчество, при всѣхъ его тѣневыхъ сторонахъ сохранившее героическій образъ и національную идею.

Добровольцы были чужды политики, вѣрны идеѣ спасенія страны, храбры въ бояхъ и преданы Корнилову. Впереди ихъ ждало увѣчіе, скитаніе, многихъ — смерть; побѣда представлялась тогда въ далекомъ будущемъ. Они дрались на подступахъ къ Ростову, зная, что сотни тысячъ казаковъ и ростовской буржуазіи за ихъ спиной живутъ легко и привольно. Они были обобраны, мерзли и голодали, видя какъ бѣснуется и веселится богатѣйшій Ростовъ, финансовая знать котораго съ большимъ трудомъ «пожертвовала» на армію

два милліона рублей, быстро растворившихся въ бездонной ея нуждѣ. Они встрѣчали въ обществѣ равнодушіе, въ народѣ вражду, въ резолюціяхъ революціонныхъ учрежденій и соціалистической печати злобу, клевету и поношеніе. Одиночные добровольцы, случайно попадавшіе въ Темерникъ — рабочіе кварталы Ростова — часто не возвращались.

Вскорѣ стало извѣстнымъ, что большевики убиваютъ всѣхъ добровольсевъ, захваченныхъ ими, предавая передъ этимъ безчеловѣчнымъ мученіямъ.
Большевики съ самого начала опредѣлили характеръ гражданской войны: Истребленіе.

Среди кроваваго тумана калѣчились души молодыхъ жизнерадостныхъ и чистыхъ сердцемъ юношей.

Генералъ Деникинъ

Пусть наши силы не велики, пусть вѣра наша кажется мечтаніемъ, пусть на пути насъ ждутъ одни лишь терніи и разачарованія, но онъ единственный путь для всѣхъ, кто преданъ Россіи.

Легко быть смѣлымъ и честнымъ, помня, что смерть лучше позорнаго существованія въ оплеванной и униженной Россіи.

Генералъ Марковъ

Знакъ Перваго Кубанскаго Порода даетъ участникамъ его — единственное право, глядя на него, вспомнить всѣ трудности этого похода.

Генералъ Богаевскій

«Часто приходилось слышать, что Бѣлое Движеніе не имѣло успѣха потому, что его лозунги были неопредѣленны и непонятны. Это ложь и лицемѣріе. Поднявъ наше старое трехцвѣтное знамя, Корниловъ и тѣ, кто съ честью носили это знамя послѣ него, обѣщали Отечество. СССР ни для кого не можетъ, да и не хочетъ быть Отечествомъ. Неужели еще есть непонимающіе? Опомнитесь, русскіе люди! Какіе вамъ нужны еще лозунги?

Генералъ Казановичъ

Дѣйствительно, тяжелая участь выпала на нашу долю — видѣть какъ на нашихъ глазахъ, милый нашему сердцу обликъ старой Россіи ушелъ въ безвѣстное прошлое. На наше поколѣніе выпалъ и другой тяжелый, но почетный жребій,— съ Божьей помощью спасти и возродить наше Отечество.

Мы боремся не за тѣ или иные партійные идеалы, мы боремся за то, что выше всѣхъ партій и классовыхъ программъ, — мы боремся за Россію.

Что осталось у офицера? Чувство долга и чести! Онъ помнитъ, что великая честь сложить свою голову за Родину.

Генералъ Кутеповъ

«Собралась кучка рѣшительныхъ и храбрыхъ людей. Безъ снарядовъ и патроновъ, эти четыре тысячи прошли всю южную часть Донской области сѣверомъ Ставропольской губерніи и исколѣсили Кубань. Все, что становилось поперекъ ихъ пути, они отметали и шли туда, куда хотѣли».

Въ хозяйственную часть никто изъ добровольцевъ не шелъ. Были среди нихъ и пожилые штабъ-офицеры, были и спеціалисты, завѣдывавшіе ранѣе хозяйственными частями, но всѣ шли въ строй простыми рядовыми и не соблазнялись тыловыми мѣстами.

— Мы пришли драться, а не бобы разводить, — говорили старики полковники и шли въ роты подъ команду молодыхъ оберъ-офицеровъ военнаго времени.

Это былъ первый призывъ добровольческой арміи, это были убѣжденные люди, искавшіе не карьеры, а стремившіеся исполнить свой долгъ передъ родиной.

Членъ Государственной Думы Л. Половцевъ

Внутренно, по силѣ своего духа, по вѣрѣ въ своего вождя, по рѣшимости идти на неизвѣстное, бросая базу, съ туманной надеждой впереди на соединеніе съ какими-то кубанскими добровольцами, ни численность, ни положеніе которыхъ никому не были извѣстны, Добровольческая Армія эпохи I-го похода является прямо военно-исторической загадкой. Любовь къ Родинѣ и вѣра въ Вождя двигали эту горсть едва вооруженныхъ людей на безпримѣрный въ военной исторіи походъ. Безъ надежды на помощь, безъ тыла, безъ снарядовъ, Добровольческая Армія, высоко поднявъ знамя Единой Великой Россіи, пошла противъ заливавшей Россію красной волны, навстрѣчу неизвѣстному будущему. Врядъ ли за всю свою военную исторію Россія когда нибудь дала равную по героизму добровольцамъ Корнилова армію. Великія потрясенія великой страны родили по духу горсть героевъ.

Профессоръ полковникъ Зайцовъ

«Надо сказать, что это была армія героевъ; не будетъ преувеличеніемъ утверждать, что въ военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ рѣдко встрѣчается такой подборъ героевъ.

Являясь въ военномъ отношеніи лучшей Арміей изъ всѣхъ противобольшевицкихъ вооруженныхъ силъ, она, въ точномъ смыслѣ слова, была тактически непобѣдимой для красныхъ».

Профессоръ Генералъ Головинъ

Русское Бѣлое движеніе имѣетъ свой глубокій и непреходящій смыслъ — религіозный, патріотическій и государственный. Гражданская война противъ интернаціоналистовъ и коммунистовъ была лишь первымъ проявленіемъ его, его героическимъ, военнымъ началомъ — и впереди его ждетъ трудное, но славное будущее. Это есть движеніе національнаго рыцарства — движеніе, не связанное ни съ какимъ сословіемъ и не имѣющее никакой классовой программы; каждый русскій патріотъ можетъ найти въ немъ свое почетное мѣсто. Оно покоится на отборѣ честныхъ и волевыхъ русскихъ гражданъ. Его цѣль — религіозное, государственное и культурное величіе Россіи. Его ближайшая задача — освобожденіе и возрожденіе родины.

Проф. И. Ильинъ

Офицеры арміи занимали мѣста въ строю рядовыми рядомъ съ маленькими кадетами и великовозрастными семинаристами. У всей этой молодежи былъ одинъ порывъ, одна мечта, жертвовать собой для Родины. Этотъ духъ и велъ къ побѣдѣ и этимъ только и объяснялись успѣхи этой кучки людей въ борьбѣ съ врагомъ въ десятки разъ сильнѣйшимъ. Святая любовь и вѣра въ своихъ вождей вела ихъ отъ одного подвига къ другому.

Б. Суворинъ

И. А. Бунинъ писалъ: «Народу, революціи все прощается — «все это только эксцессы». А у бѣлыхъ, у которыхъ все отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родныя колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, — «эксцессовъ», конечно, быть не должно».

Въ своей рѣчи онъ говорилъ:

«Пусть не всегда подобны горнему снѣгу одежды бѣлаго ратника — да святится вовѣки память его. Подъ тріумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылаетъ жаркое пламя надъ гробомъ безвѣстнаго солдата. Въ дикой и нынѣ мертвой русской степи, гдѣ почіетъ бѣлый ратникъ, тьма и пустота. Гдѣ тѣ врата, гдѣ то пламя, что

были бы достойны этой могилы? Ибо тамъ храмъ Христовой Россіи. И только ей одной поклонюсь я — въ день, когда Ангелъ отвалитъ камень отъ гроба ея. Будемъ же ждать этого дня».

***

И. С. Шмелевъ, пожалуй, самый чуткій и совѣстливый изъ русскихъ писателей нашего времени, такъ говоритъ о корниловскомъ походѣ:

«Этотъ подвигъ роднится съ чудеснѣйшими мигами человѣческаго міра, когда на вѣсахъ Совѣсти и Любви взвѣшивались явленія двухъ порядковъ: тлѣннаго и нетлѣннаго, рабства и свободы, безчестія и чести. Это подвигъ — проявленіе высокаго русскаго гражданства: въ подвигѣ этомъ не было ни различія классовъ, ни возраста, ни пола — все было равно, едино, все было — общая жертва жизнью. Ледяной походъ длится. Онъ вѣченъ, какъ безсмертная душа въ людяхъ, — неугасимая лампада, теплящаяся Господнимъ Свѣтомъ».

***

Бѣлая гвардія, путь твой высокъ:
Черному дулу — грудь и високъ.
Божье да бѣлое твое дѣло:
Бѣлое тѣло твое — въ песокъ.
Не лебедей это въ небѣ стая:
Бѣлогвардейская рать святая
Бѣлымъ видѣніемъ таетъ, таетъ...
Стараго міра — послѣдній сонъ:
Молодость — Доблесть — Вандея — Донъ.

Марина Цвѣтаева

ВЫПИСКИ ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ РЯДОВЫХЪ ЧИНОВЪ КОРНИЛОВСКАГО ПОЛКА.

Въ душѣ Корниловцевъ горѣла любовь къ Россіи, вѣра въ Корнилова и вѣрность своему Корниловскому полку.

Это горѣніе у офицеровъ сразу подверглось испытанію еще въ Новочеркасскѣ. Офицеры пріѣзжали въ свой полкъ и почти всѣ становились на положеніе рядовыхъ въ офицерской ротѣ. — «Произвели насъ въ командиры отдѣльныхъ винтовокъ», — какъ они сами шутили надъ собой.

Прапорщикъ Сорокинъ занесъ въ свой дневникъ: «21 января 1918 г. Командиръ полка полк. Нѣженцевъ меня предупредилъ, что должностей у него нѣтъ и я долженъ буду

служить рядовымъ. Я сказалъ, что, поступая въ Добровольческую Армію, я не думалъ о томъ, какую должность займу, а думалъ только о Россіи».

«Мы шли въ походъ за поруганную честь, за идею Великой Россіи, противъ тѣхъ кто предалъ Государство Россійское»...

«Я исполнилъ свой долгъ передъ Россіей, сдѣлавъ все, что могъ, и теперь со спокойной совѣстью могу умереть...»

«На наше мѣсто приходятъ другіе люди, и когда-нибудь отъ зажженнаго добровольцами свѣточа снова возгорится слава Родины».

«Вся надежда на генерала Корнилова... Онъ собралъ насъ и мы вѣримъ въ то, что онъ приведетъ насъ къ завѣтной цѣли...»

«Трудно передать наше горе, когда мы узнали о смерти Корнилова. Закаленные въ бояхъ офицеры, маленькіе кадеты и сестры милосердія плакали, какъ дѣти... Со смертью Корнилова погасла вѣра въ спасеніе Россіи.»

ИЗЪ ПАМЯТКИ МАРКОВЦЕВЪ-АРТИЛЛЕРИСТОВЪ.

«Годы, мѣняясь, пройдутъ...
Пусть же всегда для народа
Жгучимъ примѣромъ живутъ
Дни Ледяного похода.»

П. П. Булыгинъ.

Значеніе походовъ: Ледяного — Корниловскаго, Дроздовскаго — отъ Румыніи до Дона и Степного — въ Сальскія степи, какъ основаніе эпохи бѣлой борьбы, въ дни нашего бездорожья, вѣрнѣе, эмигрантскаго многодорожья, пріобрѣтаетъ особое значеніе: —

Не только, какъ доблести легендарнаго героизма, оставившаго яркій слѣдъ въ нашу эпоху, но и какъ символъ: — поднятіе меча во имя націи, — какъ кристализація національной идеи, начертанной и нынѣ на нашемъ знамени.

«Свѣточъ во тьмѣ», генерала-старца Алексѣева зажегъ многія души, души россійскихъ воиновъ, прошедшихъ сквозь огонь революціи чистыми, пронесшихъ черезъ разложеніе, смерть и большевизмъ свою вѣчную славную традицію — идею, живущую въ вѣкахъ — от дней Олега и Игоря до Александра Невскаго, отъ Петра Великаго до нашихъ дней,

— идею борьбы за Россію — Націю.

Этой идеей борьбы за Россію, столь ярко вспыхнувшей въ походахъ, проникнута многовѣковая душа русскаго воина и характеризуется она необычайной простотой, силой и жертвенностью подвига.

Стирая историческія грани, мы видимъ единый ликъ россійскаго воина въ его порывѣ подвига - жертвы: на полѣ Куликовомъ, у Суворова — подъ Очаковымъ и Измаиломъ, на полѣ Бородинскомъ, у Корнилова — въ Кубанской степи.

Тотъ же обликъ россійскаго воина повсюду, на всѣхъ дорогахъ исторіи россійской, повторяющей слова преобразователя: «Петру жизнь не дорога, жива была бы Россія во Славѣ и Благоденствіи».

И они гибли безъ конца и края, строя, укрѣпляя и расширяя до предѣловъ сказки Россію — Націю, часто сознавая своего творческаго героизма.

Отсюда мы, — солдаты и казаки — русскіе воины, считаемъ себя прямыми наслѣдниками тѣхъ, чьи кости тлѣютъ на Калкѣ, въ поляхъ Бородинскихъ, среди сопокъ и переваловъ Манчжуріи.

Право на это основано на нашей крови въ борьбѣ за Россію.

Наслѣдство наше — старыя знамена полковъ Россійской Императорской Арміи и гордость - наше Корниловское знамя.

Идея борьбы окрѣпла у насъ на крови.

Въ Ледяномъ, Дроздовскомъ, Степномъ, Сѣверномъ, Сибирскомъ, Петербургскомъ походахъ выковалась она изъ желѣза, свинца и крови и ей мы вѣрны до конца — до тѣхъ свѣтлыхъ дней, когда оставшіеся въ живыхъ передадутъ священный огонь неугасаемой лампады — традицію россійскаго воинскаго духа — освобожденной и обновленной арміи Великой Россіи.

Вотъ наша цѣль и нашъ первый долгъ.

Наши вожди гибли и гибнутъ, умирая на посту; ихъ смѣняютъ новые, не мѣняя единаго пути.

Молитвенно мы чтимъ память Алексѣева, Корнилова, Колчака, Маркова, Дроздовскаго, Каппеля, Дутова, Врангеля, Кутепова, Миллера и другихъ, но мы знаемъ, что имъ смѣна есть въ нашихъ же рядахъ, смѣна достойная, ибо мы братья и дѣти ихъ — кость отъ кости и плоть отъ плоти — Россійскіе воины.

Идея непрерывной борьбы за національную Россію есть неумирающій и неизмѣнный нашъ лозунгъ.

Походы и борьба закалили наши души, унаслѣдованное нами отъ россійскаго воина напряженное національное сознаніе указываетъ пути въ безвременьѣ, а потому не ищемъ мы иныхъ, болѣе легкихъ, путей черезъ открытыя двери, а

просто зовемъ русскихъ людей быть вмѣстѣ съ нами, а чуткую къ правдѣ и подвигу нашу молодежь ждемъ подъ славныя знамена непримиримой борьбы за Россію.

В. Лоріоновъ.

***

Въ Арміи — и до Корниловскаго похода, и во время него, и въ послѣдующіе годы — были и «дѣти», и «юныя нѣжныя дѣвушки». Всякое большое жертвенное, искреннее движеніе привлекаетъ къ себѣ чистыя души. Но отличительной, возможно, — не имѣющей примѣровъ въ міровой исторіи, и самой трагической чертой Бѣлаго Добровольчества, особенно в первомъ походѣ, было нѣчто иное.

Это была «Лебединая пѣснь» смертельно раненой, умирающей Русской Арміи...

Это была послѣдняя жертва Русской Арміи на алтарь Отечества...

Каковы были политическія убѣжденія этихъ людей, вѣрнѣе — какія настроенія среди нихъ преобладали, — объ этомъ лучше здѣсь не говорить, во избѣжаніе безцѣльныхъ споровъ, тѣмъ болѣе, что тогда добровольцы объ этомъ другъ друга не спрашивали. Несомнѣнно одно, — никто не выявлялъ себя защитникомъ какихъ бы то ни было имущественныхъ, сословныхъ или классовыхъ интересовъ или привиллегій. Здѣсь собрались представители всѣхъ безъ исключенія слоевъ русскаго народа, плоть отъ плоти его и кровь отъ крови. Всѣхъ объединяла и надъ всемъ доминировала идея Родины.

Во имя Ея спасенія лучшіе представители «вооруженнаго народа», которымъ стала въ міровую войну Русская Армія, готовились безстрашно отдать свои жизни.

14 февраля Армія выступила въ походъ, который называютъ «Корниловскимъ», «Первымъ Кубанскимъ», «Ледянымъ»... Выступила, при всей своей малочисленности, какъ самодовлѣющая, ни отъ кого не зависимая, военно-политическая сила. Она приняла на свои слабыя плечи не только роль и права преемницы, былой Русской Арміи, но еще и высшую обязанность представлять въ своемъ лицѣ національную идею Россійской Государственности. Притомъ, послѣ разгона Учредительнаго Собранія, она являлась ея единственнымъ носителемъ.

Все это было исторической неизбѣжностью, ибо эта идея не могла умереть безславно. Именно Первый Походъ Кубанскій не далъ ей угаснуть, запечатлѣвъ ея жизненность кровью большинства своихъ участниковъ и смертью половины изъ нихъ — съ самимъ Главнокомандующимъ Лавромъ

Георгіевичемъ Корниловымъ, во главѣ.

Идея вдохновила — возникшее вокругъ вернувшейся изъ Кубанскаго похода снова на Донъ и снова пошедшей во Второй Кубанскій походъ Добровольческой Арміи — Бѣлое Движеніе. Оно поставило себѣ тѣ же задачи, какія ставили осенью 1917 года генералы Корниловъ и Алексѣевъ.

«Перекличка». **В. Б.**

***

Къ сожалѣнію, законы жизни таковы, что если не забываются вовсе, то блѣднѣютъ, тускнѣютъ въ памяти даже самыя трагическія и мучительныя воспоминанія. Жизнь неумолимо идетъ впередъ, оттѣсняя прошлое все дальше и дальше. И, однако, мы можемъ быть увѣренными въ томъ, что эпопея перваго кубанскаго похода, начавшегося въ Ростовѣ на Дону сорокъ лѣтъ тому назадъ — 9 февраля 1918 года— **никогда** не будетъ забыта русской исторіей. Она не можетъ быть забыта потому, что эпопея эта — историческое явленіе, не имѣющее примѣра, являющееся чѣмъ-то, что не укладывается въ обычныя, привычныя жизненныя рамки. Первые добровольцы, вышедшіе въ походъ съ ген. Корниловымъ, вздернули на дыбы человѣческую природу, потребовавъ отъ нее такого невѣроятнаго напряженія духовныхъ и физическихъ силъ, которое обратило жизнь въ подлинную легенду, въ сверкающій и ослѣпляющій мифъ, бывшій, однако, самой настоящей былью.

Въ извѣстной степени, подвиги первыхъ добровольцевъ можно сравнить съ подвигами суворовскихъ «чудо-богатырей». И тѣ и другіе въ невѣроятномъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ — покорили самую природу. Однако, при всемъ нашемъ восхищеніи и изумленіи передъ русскими орлами, одолѣвшими, въ свое время, Альпы, мы, сравнивая обстановку и условія обоихъ походовъ, не можемъ не признать того, что потомки суворовскихъ воиновъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, превзошли своихъ предковъ.

Какъ бы ни были тяжки условія швейцарскаго похода Суворова, какъ бы ни были невыносимы страданія и лишенія его войскъ, — каждый гренадеръ, егерь, казакъ и драгунъ суворовской арміи, зналъ, что впереди у него, за туманами и мглой горныхъ ущелій и обрывовъ, гдѣ-то вдали находится славное и могущественное Отечество, родной домъ, свой народъ, высоко цѣнящій труды и подвиги своихъ доблестныхъ героевъ.

У тѣхъ же, кто сорокъ лѣтъ тому назадъ оставлялъ враждебный Ростовъ и уходилъ въ пугающую неизвѣстность, не было не только дома, спокойнаго тыла, базъ пополненія и

снабженія, но не было даже — въ буквальномъ смыслѣ слова — пяди земли, гдѣ они могли бы преклонить для короткаго отдыха свои усталыя и обреченныя головы..

Въ мертвящія стужи, на ледяномъ вѣтрѣ, когда истрепанныя солдатскія шинели покрывались ледяной коркой, почти въ каждодневныхъ бояхъ (изъ 80-ти дней похода — 44 дня шли съ боями) — шли добровольцы, въ сущности, туда, куда глаза глядятъ. Впереди для измученныхъ, изстрадавшихся, смертельно усталыхъ людей — не виднѣлось никакихъ вѣрныхъ цѣлей, ничего такого, что могло бы дать имъ крѣпкую надежду и увѣренность въ будущемъ. Только колеблемое и задуваемое враждебными вихрями пламя свѣточа, зажженнаго ген. Алексѣевымъ, увлекало ихъ туда, гдѣ должна была быть Россія. Но въ тѣ страшные дни Россіи не было! Казалось, что она умерла навсегда, брошенная всѣми, опозоренная и поруганная. И, дѣйствительно, она жила тогда только въ сердцахъ тѣхъ, кто вышелъ, ведомый ген. Корниловымъ, на ея поиски.

Для героевъ ледяного похода нельзя найти болѣе вѣрной и достойной эмблемы, нежели та, которая украсила грудь участниковъ этого похода — обнаженный мечъ въ терновомъ вѣнцѣ. По справедливости, вѣнецъ этотъ, обагренный кровью, долженъ бы быть украшенъ лаврами. Но, такихъ лавровъ не оказалось. Россія до сихъ поръ не смогла вплести лавровые вѣтви славы въ терновый вѣнецъ первопоходниковъ. Несомнѣнно, что наступитъ время, когда она это сдѣлаетъ, но пока генералы Корниловъ и Марковъ и многіе другіе, великіе и малые, павшіе за нее, предстали предъ Господомъ не въ сіяніи славы и не въ ореолѣ побѣды, а въ величіи страданій, съ челомъ, покрытомъ каплями крови, струящейся отъ ранящихъ шиповъ, надѣтаго на себя добровольно, вѣнца изъ терній.

Будемъ ждать! Не будемъ сдаваться, будемъ такъ же неустрашимы и крѣпки, какъ были неустрашимы и крѣпки тѣ, кто сорокъ лѣтъ тому назадъ вышли въ ледяной походъ — навстрѣчу страданіямъ и смерти ради Россіи!

Г. Мѣсняевъ

**
*

Я знаю, что скоро умру, но смерть за вѣру, за Россію можно съ радостью принять.

17-го марта 1918 г. Послѣднія слова умирающаго отъ ранъ въ I-омъ Походѣ 15-лѣтняго кадета 5-го класса Донского Кадетскаго Корпуса
Алексѣя Тихонова.

**
*

КАДЕТЪ III МОСКОВСКАГО КОРПУСА ГЕОРГІЙ ПЕРЕВЕРЗЕВЪ, 16 ЛѢТЪ, УБИТЪ 27 МАРТА 1918 ГОДА ВЪ БОЮ ПОДЪ ЕКАТЕРИНОДАРОМЪ.

Въ 1917 году при октябрьскомъ выступленіи большевиковъ въ Москвѣ не могъ спокойно сидѣть за запертыми дверьми корпуса. Съ друзьями-кадетами спустился по водосточной трубѣ съ третьяго этажа зданія и пробрался въ Алексѣевское военное училище. Начальникъ Училища принялъ кадетъ и они вмѣстѣ съ юнкерами участвовали въ бояхъ противъ большевиковъ. Бой окончился трагически и Г. Переверзевъ съ друзьями попалъ въ большевицкую тюрьму, откуда чудомъ ему удалось бѣжать, и въ началѣ декабря онъ уже былъ на Дону, въ рядахъ Добровольческой Арміи.

Много позже уже въ эмиграціи его другъ — кадетъ К. Фіалковскій сообщилъ въ письмѣ его роднымъ:

«Георгій участвовалъ въ бояхъ до и во время I-го Кубанскаго похода. Въ бою подъ Екатеринодаромъ 27 марта 1918 года, въ числѣ многихъ другихъ, палъ смертью храбрыхъ. Ввиду того, что г. Екатеринодаръ нами взятъ не былъ и мы отступили отъ него, тѣло Георгія вынести изъ боя мы не смогли и оно осталось около Самурскихъ казармъ. Мы были съ нимъ въ ротѣ, въ которой были всѣ кадеты и чувствовали себя какъ братья. На немъ, какъ и на многихъ другихъ, былъ отпечатокъ какого-то предчувствія, чего-то неизбѣжнаго. Онъ былъ какъ-то особенно кротокъ и добръ въ отношеніи къ окружающимъ. Я лично видѣлъ его мертвымъ, убитъ онъ былъ въ грудь, пуля попала въ сердце, такъ что лицо обезображено не было, только на губахъ застыла кровь. Не печальтесь, онъ палъ за святое дѣло».

—о—

Ноябрь

Обыкновенный мѣсяцъ, одинъ изъ двѣнадцати — октябрь, принялъ съ 1917 г. зловѣщую окраску. Теперь при этомъ словѣ нѣчто тяжелое и страшное падаетъ на душу. «Октябрьскій переворотъ», «люди октября» — отъ этого вѣетъ жутью.

Послѣ октября въ календарѣ — ноябрь. Въ этомъ мѣсяцѣ началось сопротивленіе сыновъ Россіи октябрьскому безумію. Пусть ихъ было немного, только сотни и тысячи среди милліоновъ, но они были. И со всѣхъ концовъ Россіи, съ величайшими трудностями, они стянулись въ то мѣстечко на Югѣ, гдѣ «зажигался свѣточъ». Это были россійскіе лю-

ди: русскіе — съ сѣвера, съ Волги, съ юга изъ казачьихъ областей; калмыки, текинцы Средней Азіи, кавказскіе горцы, татары; отъ юныхъ гимназистовъ до сѣдовласыхъ генераловъ и членовъ Думы, молоденькіе дѣвушки въ солдатской одеждѣ и съ винтовками, сестры милосердія.

Самые обыкновенные люди. Но въ жизни случилось нѣчто необыкновенное. Вдругъ возникла опасность небывалая, страшная угроза всему — родинѣ, семьѣ, человѣческой душѣ. И не то, что сразу отдали себѣ въ этомъ ясный отчетъ, но почуяли въ глубинахъ сердецъ — не бывало еще такой опасности. Проснулся безсознательно героизмъ и самопожертвованіе, какъ неизмѣнно просыпались во всѣ опасныя времена нашей исторіи — когда Александръ Невскій собиралъ свою рать, при защитѣ Троицко-Сергіевской Лавры, въ Куликовской и Бородинской битвахъ, въ Суворовскихъ походахъ и на кровавыхъ поляхъ послѣднихъ войнъ.

И безъ громкихъ фразъ поняли:

Надо бороться со страшнымъ насиліемъ. И пошли.

Начало Бѣлой борьбы. Маленькая нищая армія, плохо одѣтая, плохо вооруженная, отрѣзанная отъ всего міра въ далекихъ донскихъ и кубанскихъ степяхъ, отбивались отъ вдесятеро, во сто кратъ сильнѣйшаго врага. Полки, въ которыхъ оставалось по нѣсколько десятковъ человѣкъ, шли, не залегая, въ штыковыя атаки за храбрѣйшимъ Нѣженцевымъ, за «желѣзнымъ Степанычемъ*, за легендарнымъ Марковымъ. И бойцы знали, что для раненыхъ лазаретовъ нѣтъ...

Не было тогда ни «программъ», ни «оріентировокъ», ни политическихъ «платформъ», ни «генеральныхъ линій». На подвигъ и смерть двигало одно — стремленіе спасти Россію.

Въ совѣтской печати того времени я прочла фразу на эту тему:

«Безконкретность недетализированной формулировки деклараціонной программы контрреволюціонныхъ бѣлогвардейскихъ бандъ была...»

М. б. эта безпросвѣтная скука и называется на совѣтскомъ языкѣ — «діалектикой». А вотъ что называется «исторіей»:

«Деникинщина» — это режимъ антинародный, буржуазно-помѣщичьей военной диктатуры, установленный... американскими и англо-французскими интервентами съ помощью ихъ ставленника бѣлогвардейскаго генерала Деникина».

Для чего?

«Американскіе и англо-французскіе империалисты стре-

---

* Полковникъ, потомъ — генералъ «Желѣзной дивизіи» — Н. С. Тимановскій.

мились уничтожить Совѣтскую власть и превратить Россію в свою колонію». «Деникину поручили захватить важнѣйшіе промышленные и сельско-хозяйственные районы и принять участіе въ первомъ походѣ Антанты». «Борьбу Деникина и Колчака... имперіалисты склонны изображать, какъ борьбу исключительно внутреннюю. Но мы всѣ знали, и не только мы, но и весь міръ знаетъ, что за спиной этихъ контрреволюціонныхъ русскихъ генераловъ стояли имперіалисты Англіи и Америки, Франціи и Японіи». «Бѣлогвардейцы были наемниками иностранныхъ имперіалистовъ, выполняя заданіе своихъ хозяевъ... На захваченной территоріи интервенты отбирали у крестьянъ землю, грабили и расхищали богатства страны, устанавливали колоніальный режимъ, рабочіе и крестьяне лишались всѣхъ политическихъ правъ, проводилась политика жестокаго національнаго угнетенія».

Это — Бѣлое движеніе подъ ядовитымъ краснымъ соусомъ Совѣтской Энциклопедіи (Томы — 14 и 16, стр. 23 и 620).

Одинъ языкъ этихъ казенныхъ большевицкихъ писаній чего стоитъ! Въ немъ не только могильная скука, но вся абсолютная безсовѣстность самой совѣтской сути.

***

Врядъ ли много въ русской исторіи такихъ оклеветанныхъ страницъ, какъ противобольшевицкая Бѣлая борьба. Вся бѣшеная злоба совѣтской пропаганды и ихъ «аппарата» — понятна, но другіе фланги россійской общественности, соціалистическій и монархическій?!

Еще въ 30-хъ годахъ ген. Деникинъ говорилъ:

«Въ нашемъ моральномъ багажѣ есть большая цѣнность. Правда невѣсомая и плохо котируемая на современной биржѣ — вѣра въ правоту нашей борьбы и въ конечное возрожденіе Россіи. И вотъ, это послѣднее наше моральное достояніе находится нынѣ въ опасности, идетъ на него походъ съ разныхъ сторонъ, и справа, и слѣва. Чернятъ Бѣлое движеніе и извращаютъ его, хулятъ почившихъ вождей и въ души слабыхъ, надломленныхъ безпросвѣтной жизнью, бросаютъ сомнѣніе — вѣренъ ли былъ пройденный путь?

Кому это нужно? И что сдѣлали тѣ, которые говорятъ такъ?

Да. Что **они** сдѣлали?

Вотъ этотъ послѣдній вопросъ долженъ горѣть въ совѣсти людской...

Обликъ Бѣлаго движенія... Я передамъ его словами рядового участника:

«Богу и судьбѣ было угодно, чтобы наша жизнь была настигнута великой русской смутой, имя которой — революція, гражданская война, коммунизмъ. Не мы вызвали эту

смуту, не мы хотѣли революцію, не мы начали гражданскую войну. Многіе изъ насъ мечтали иначе служить Россіи. Но предотвратить трагедію было не въ нашихъ силахъ. Мы могли только мужественно принять и изжить ея въ честной борьбѣ. И не личная ненависть водила насъ въ бой, не личная злоба, и не мести искали мы.

Передъ нами было одно заданіе, одинъ исходъ: надо было спасать Россію, надо было остановить ея распаденіе и гибель. И гражданская война стала для насъ неизбѣжностью. Мнѣ хочется напомнить здѣсь слова, сказанныя генераломъ А. И. Деникинымъ:

— Если бы въ этотъ трагическій моментъ нашей исторіи не нашлось среди русскаго народа людей, готовыхъ возстать противъ безумія и преступленія большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину — это былъ бы не народъ, а навозъ для удобренія безпредѣльныхъ полей стараго континента.

Къ счастью этого не случилось. Россія нашла въ себѣ такихъ людей. Она нашла ихъ въ лицѣ генерала Корнилова и его сподвижниковъ, и въ нашемъ лицѣ — его послѣдователей. И если бы исторія могла вернуться вспять, мы совершили бы опять то же самое». (Корниловецъ. «Вѣстникъ О-ва Галлиполійцевъ». 1934 г. Сентябрь).

Подобную же оцѣнку смысла Бѣлой борьбы дали многіе выдающіеся люди, я уже приводила ея въ своихъ печатныхъ выступлѣніяхъ, сегодня прибавлю еще одно мнѣніе, особенно значительное въ устахъ человѣка лѣваго лагеря — писательницы Зинаиды Гиппіусъ. Изъ ея дневника:

«Главная причина гибели Добровольческой арміи — это ея полная покинутость... Если бы Добровольческой войны не было — вѣчный стыдъ легъ бы на Россію, сразу нужно было бы оставить надежду на ея воскресенье... При этихъ условіяхъ какой успѣхъ могла имѣть **святая** бѣлая борьба съ зараженнымъ русскимъ народомъ? Я подчеркиваю — **святая,** потому что такой она и была».

***

Есть еще одинъ аспектъ нашей Бѣлой борьбы. Въ 1920 г. ген. Деникинъ на пріемѣ англійскими парламентаріями, сказалъ:

«Въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ Бѣлая армія боролась съ совѣтской властью, мѣшая ея укрѣпленію, препятствуя ея распространенію. Большевицкія вооруженныя силы были нами связаны и прикованы. Эти годы были даны европейскимъ демократическимъ странамъ, чтобы понять и опредѣлить сущность этого новаго явленія — абсолютной диктаторской власти, разрушающей культуру, уничтожающей человѣческую свободу, и приготовиться къ защитѣ».

Еще точнѣе опредѣлилъ эту роль Черчиль. Въ своей рѣчи въ парламентѣ (1919 г.) онъ сказалъ:

— «Не колеблющемуся, трескающемуся по всѣмъ швамъ оплоту западныхъ лимитрофовъ, а борьбѣ Востока и Юга Россіи обязана Европа тѣмъ обстоятельствомъ, что волна большевицкой анархіи не захлестнула ее».

Надо вспомнить въ какомъ состояніи была Европа къ концу 1917 года. Обезсиленная тяжкой войной, съ подорванной моралью, Франція и Англія, революціонное броженіе въ рядѣ странъ, — Спартаковское движеніе въ Германіи, революціонныя вспышки въ Венгріи, въ Австріи, въ Баваріи, экономическій кризисъ, — все это прекрасно учитывали большевики и готовились использовать положеніе и осуществить І-ю заповѣдь коммунизма: захватъ Европы — первый шагъ къ быстрому покоренію міра. Красная армія формировалась исключительно подъ интернаціональными лозунгами, въ составъ ея входили части — латышскія, китайскія, венгерскія и даже нѣмецкія; ея создатель и первый водитель — Левъ Троцкій громко провозглашалъ ея цѣль — міровая революція.

И вотъ, поперекъ этихъ плановъ встали Бѣлыя арміи Юга и Востока, быстро выросшія въ грозную силу. И, вмѣсто міровой революціи, пришлось Ленину со всей силой своего авторитета бросить другой лозунгъ. Въ своемъ «историческомъ письмѣ», какъ выражается совѣтская энциклопедія, онъ обратился 9 іюля 1919 г. къ странѣ съ приказомъ: «Всѣ — на борьбу съ Деникинымъ».

Въ этомъ, 1919 году, совѣтская власть висѣла на волоскѣ... И если бы немного помогли противобольшевицкимъ силамъ, судьба міра пошла бы, вѣроятно, другимъ путемъ...

Итакъ, Европу спасли отъ затопленія коммунизмомъ Бѣлыя арміи. Сражаясь съ большевиками, онѣ сражались за весь міръ, за всю его культуру и свободу, даже сами не зная этого тогда. Черчиль раньше насъ понялъ это значеніе Бѣлой борьбы.

Но теперь оно становится ясно всѣмъ. И мы имѣемъ основаніе сказать, что если въ странѣ, насъ пріютившей, не развѣвается еще красный флагъ, то доля заслуги въ этомъ принадлежитъ тому Бѣлому воину, который спитъ въ безвѣстной могилѣ далекихъ русскихъ степей.

—о—

Еще нѣсколько словъ о тѣхъ, что остались. Послѣднихъ изъ поколѣнія, принесеннаго въ жертву. Міровыя событія раскидали ихъ, но Бѣлая идея продолжаетъ жить — въ угольныхъ шахтахъ Бельгіи, въ джунгляхъ Парагвая, на апельсиновой фармѣ въ Калифорніи, въ степяхъ Австраліи, всюду, гдѣ они тяжко работаютъ.

Они держатъ связь, состоятъ въ своихъ организацiяхъ, пытаются издавать свои журналы (охъ, какъ это трудно!), помогаютъ своимъ инвалидамъ.

Передамъ опять слово Корниловцу.

«Мы знаемъ другъ друга. Мы спаяны любовью къ Россiи и кровью, пролитой на поляхъ чести. Наша святыня живетъ въ насъ и мы ей преданы безъ всякаго принужденiя и приказовъ. Именно въ этомъ наша сила, такъ какъ нѣтъ болѣе крѣпкой, неразрушимой дисциплины, чѣмъ та, которая рождена свободной и убѣжденной волей. Ей не срашны никакiя испытанiя, страхи и трудности. И что бы ни случилось съ нами, какiе бы удары ни были нанесены — наша спайка переживетъ все и сохранится до конца».

И вотъ, когда я бываю среди нихъ и смотрю на эти сѣдыя головы, усталыя лица, согбенныя спины, я думаю, что узнала бы ихъ среди тысячъ другихъ. Узнала бы своихъ по выправкѣ, сохранившейся, не взирая на раны, годы и тяжелую работу, по значку, по чеканному оттѣнку въ голосѣ, по глазамъ, въ которыхъ слѣды страшной бури, по шраму, по офицерскому поклону, гдѣ столько рыцарской русской красоты...

И слушаю воспоминанiя о молодости и дерзанiи, о далекихъ дняхъ героической борьбы, объ оставленныхъ навсегда въ родной землѣ товарищахъ и вождяхъ.

«Чтожъ, можетъ быть, въ твоей оправѣ,
Нью Iоркъ, смѣшенъ теперь нашъ бредъ,
Но затерѣть никто не вправѣ
Тѣхъ дней неизгладимый слѣдъ» **

Ксенiя Деникина

———ooOoo———

Первые Добровольцы

40 лѣтъ тому назадъ 1-14 мая 1918 г. отзвучали послѣднiе выстрѣлы въ бою у разъѣзда Прощальнаго на Дону. Этимъ боемъ закончился тяжкiй, но славный Первый Кубанскiй Походъ. Походъ совершенный добровольцами во имя спасенiя Родины.

Первые добровольцы... Сколько клеветы, сколько злобы было вылито на этихъ мучениковъ долга и чести. Сколько равнодушiя, презрѣнiя черни и открытой ненависти увидѣли они на своемъ тернистомъ пути жертвеннаго служенiя Родинѣ. Ихъ безкрестныя могилы не овѣяны славой «неизвѣстнаго солдата». Ихъ праху не воздавались воинскiя почести,

** Н. Туровѣровъ.

но память о нихъ сохранится не только въ сердцахъ матерей, женъ и ихъ близкихъ, но въ будущемъ явится достояніемъ національной Россіи, которая никогда не забывала своихъ сыновъ, «положившихъ душу свою за други своя».

Основу Добровольческой Арміи составили офицеры. Русскій офицеръ всегда былъ мученикомъ своего воинскаго долга. Я говорю не о персонажѣ «Изъ жизни маленькаго гарнизона» фонъ Бильзе или Купринскаго «Поединка». То были люди 20-го числа, для которыхъ было рѣшительно все равно быть ли офицерами или чиновниками. Купринскіе герои проиграли японскую кампанію, позже они составили группу выжидающихъ, готовыхъ служить и бѣлымъ, и краснымъ.

Но мы знаемъ и другіе образы русскаго офицера — это Пушкинскіе Гриневы, Лермонтовскіе Максимы Максимычи, Толстовскіе Тушины. Они доблестно гибли въ альпійскихъ снѣгахъ Суворовскаго похода, они стѣной отстаивали Москву на дымномъ поле Бородина, умирали на бастіонахъ Севастополя, десятки лѣтъ вели суровую войну за покореніе Кавказа и охраняли дальнія границы Государства Россійскаго. Они бились на перевалахъ Шипки и брали Плевну. Ихъ душили ядовитыми газами и рвали на части «чемоданы» на равнинахъ родной земли отъ моря до моря въ годины Великой войны, наконецъ, ихъ же бросали въ топки паровозовъ и вырѣзывали на ихъ кожѣ погоны и лампасы въ мрачныхъ застѣнкахъ Че-Ка.

Горсть такихъ офицеровъ, вѣрныхъ долгу, ставившихъ превыше жизни подвигъ за бытіе своей Родины и составляли скелетъ Добров. Арміи въ Первомъ Кубанскомъ Походѣ. Зачастую сотнями комадовали поручики, на взводахъ стояли капитаны, в строю шли полковники. Мы помнимъ, какъ генералъ Казановичъ, будучи рядовымъ одного изъ полковъ, на приказъ отходить, отвѣтилъ: «Я не отступлю!» и продолжалъ одинъ стрѣлять по врагу. Мы знаемъ, какъ ген. Алексѣевъ въ тягчайшій моментъ боя вышелъ въ цѣпи въ видѣ послѣдняго резерва Арміи. Мы помнимъ, какъ ген. Марковъ лично взялъ бронепоѣздъ. Примѣровъ героическихъ подвиговъ перечислить невозможно, но были подвиги и незамѣтные, свидѣтельствующіе о высокомъ подъеме духа первыхъ добровольцевъ.

Съ первыхъ же дней зарожденія Арміи въ ея ряды влилось много молодежи. Вы Ростовѣ кадеты и юнкера, въ Екатеринодарѣ — реалисты и тоже юнкера. Эти дѣти, эти «жертвы вечерние» вступили въ борьбу на зарѣ своей юности. Лучшіе свои годы они отдали кровавымъ кошмарамъ братоубійственной брани. Нельзя обойти молчаніемъ ихъ молодой порывъ и безконечный героизмъ и тѣ жертвы,

которыя они принесли въ этой борьбѣ.

Орлята разрушеннаго гнѣзда — по образному выраженію ген. Алексѣева — гибли за грѣхи дѣдовъ и отцовъ и, можетъ быть, ихъ молодая кровь зажгла огнемъ стыда сердца многихъ и заставила ихъ принять участіе въ борьбѣ за Родину.

Особое мѣсто надо отнести въ походѣ русской женщинѣ. Здѣсь, въ вихрѣ боевъ, въ тяжкихъ переходахъ, ярко проявился прекрасный образъ русской женщины и всѣ качества ея богатой души. Были женщины-бойцы. Это прапорщики, доблестно сражавшіеся въ рядахъ добровольцевъ и проявлявшія храбрость и выносливость, временами превыше мужчинъ. Глубокое уваженіе къ памяти павшихъ женщинъ-офицеровъ и добровольцевъ да послужитъ имъ памятникомъ на ихъ безвременныхъ могилахъ.

Никто изъ добровольцевъ не забудетъ подвиговъ милосердія, подвигъ высокой жертвенности русской женщины к раненымъ въ тяжкихъ условіяхъ похода. Это были тѣ женщины, о которыхъ сказалъ поэтъ Некрасовъ:

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ — словно солнцемъ освѣтитъ,
Посмотритъ — рублемъ подаритъ.»

И какъ солнце оживляетъ все живущее, такъ и ихъ милосердіе и любовь давали силы для борьбы за жизнь тяжко раненымъ. Въ походѣ не было ни лекарствъ, ни перевязочныхъ матеріаловъ. Въ бою сестры выносили раненыхъ изъ огня, часто платя жизнью за свой подвигъ. Въ хатахъ они перевязывали, разрывая на бинты свое белье. При тяжкихъ операціяхъ безъ наркоза, сестры болѣли болями страдальцевъ, часто плача отъ безсилья облегчить невѣроятныя муки. Наконецъ, вмѣсто отдыха послѣ утомительныхъ переходовъ, пешкомъ по грязи, сестры ночи напролетъ просиживали у изголовья мятущихся въ жару или страдающихъ отъ жестокихъ болей мучительныхъ ранъ. Мать, сестру, друга онѣ замѣняли страдальцамъ въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ находился обозъ съ ранеными.

Писатель И. А. Родіоновъ въ своихъ «Жертвахъ вечернихъ», рисуетъ образъ пожилой сестры милосердія, суровой на видъ, но отдававшей вся свою душу раненымъ, за что ей и платили чисто сыновьей любовью. Тѣ, кто жилъ въ Бѣлградѣ, легко узнали бы въ этомъ прекрасномъ образѣ сестры — Евдокію Григорьевну Руцкую — Первопоходницу, умершую въ преклонныхъ годахъ въ домѣ для престалѣлыхъ — да будетъ благословенна ея память!

Жертвенность русской женщины, ея заботливость и твердость духа, давали многимъ изъ насъ силы переносить, казалось, небывалыя трудности и не падать духомъ въ са-

мыхъ тяжкихъ бояхъ. Отрѣшившись отъ всего земного и не думая о прошломъ, ни о завтрашнемъ днѣ, мы становились чище духомъ.

Это была армія рыцарей Крестовыхъ походовъ, шедшихъ съ чистымъ сердцемъ освобождать Гробъ Господенъ въ образѣ Великой многострадальной Россіи.

Ген. Шт. пполк. **К. Н. Николаевъ.**

—o—

«ДОБРОВОЛЬЦЫ»

Мы оборваны, мы голодны,
Но въ рукахъ у насъ мечи,
Мы устали, наги, холодны,
Но в душѣ горятъ лучи...
Мы несемъ свой крестъ безъ ропота,
Не боимся страха шепота: —
«Берегитесь, врагъ кругомъ».
Чрезъ пустыню, съ вѣрой ясною
Мы въ страну свою прекрасную
Обновленные войдемъ.
Вѣрьте, вѣрьте. Пусть печальные
Намъ пути вдали грозятъ,
Въ неба высь, гдѣ звѣзды дальнія,
Обращайте гордый взглядъ.
Пусть мы наги, блѣдны, голодны —
Страха нѣтъ у насъ въ груди,
Мы въ бою — спокойно холодны,
Край родимый впереди.
За него съ надеждой ясною
Жизнь не жалко намъ отдать,
Жертва будетъ не напрасною,
Встанетъ Родина опять.
И, пустынями палимыми,
Не боясь въ нихъ ничего,
Подойдемъ мы — пилигримами
Къ Граду Бога своего.
И измученные, блѣдные,
У подножія креста
Сложимъ мы мечи побѣдные,
Славя Господа Христа.

Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій

Сестры Милосердія въ Походѣ

Въ Добровольческой Арміи сестеръ милосердія называли ласково по именамъ, часто не знали ни отчества, ни фамиліи сестры, но по имени сестру часто зналъ весь полкъ.

СЕСТРА ШУРА.

Гимназистка 6-го класса Ростовской женской гимназіи, выросшая въ хорошей патріотической семьѣ, подъ вліяніемъ разговоровъ дома и происходящаго вокругъ, рѣшила послужить Родинѣ по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ. Подговорила свою репетиторшу, слушательницу Высшихъ Женскихъ Курсовъ и тайкомъ отправилась на вокзалъ, гдѣ въ это время готовился къ отходу на фронтъ въ Батайскъ эшелонъ юнкеровъ и кадетъ. — «Возьмите насъ съ собой, мы будемъ перевязывать раненыхъ и ухаживать за больными». — «А вы умѣете?» — съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ задали вопросъ юнкера, видя предъ собой двухъ юныхъ дѣвушекъ, мало похожихъ на опытныхъ сестеръ милосердія. «О, мы все умѣемъ!» — «Пожалуйста, садитесь, но чтобы начальство не видѣло».

Уже въ пути о новыхъ сестрахъ было доложено начальству, которое еще съ большимъ сомнѣніемъ отнеслось къ ихъ медицинскимъ познаніямъ, но все же ихъ приняли.

Первое «боевое крещеніе» и первый опытъ перевязки произошелъ вскорѣ, подъ Батайскомъ. Нужно было сдѣлать перевязку раненому въ лицо. Шура подошла съ приготовленнымъ бинтомъ къ юнкеру, но увидѣвъ все лицо въ крови такъ испугалась, что начала рыдать навзрыдъ и бѣдному раненому пришлось ее не только успокаивать, но и доказывать, что раненіе нестрашное и ему «даже не больно». Но слишкомъ часто и много стало видно крови, и юная Шура къ ней «привыкла» и ее офиціально признали сестрой юнкерскаго батальона. Въ бою не отставала отъ роты, перевязывала раненыхъ тамъ же на мѣстѣ, переходя подъ огнемъ отъ одного раненаго къ другому. Это хожденіе подъ огнемъ, а не перебѣжки, дѣйствовали на лежащихъ въ цѣпи, которымъ казалось «стыдно лежать» въ то время, какъ сестра Шура, да и другія такія же сестры — Оля, Вася, Таня, ходятъ и сгибаются не передъ пулями, а передъ ранеными.

Но перевязать легко раненаго, ккоторый къ тому же не желаетъ уходить изъ строя, не такъ тяжело, а вотъ перенести тяжело раненаго изъ цѣпи на пулеметную двуколку или повозку было много труднѣе для слабыхъ дѣвичьихъ рукъ. А

отнеся вдвоемъ или втроемъ съ другими сестрами раненаго на повозку, обратно къ цѣпи шла не съ пустыми руками: «Сестрица. отнесите въ цѣпь патроны, а то мнѣ одному не разорваться», и Шура беретъ патроны и несетъ.

Шура настолько привыкла къ перевязкамъ и осмѣлѣла, что во время одного сильнаго боя, когда осколокъ снаряда такъ сильно поранилъ руку офицера, что кисть держалась только на сухожиліи, — перевязала руку. Къ счастью зараженія крови не произошло и этотъ раненый остался живъ.

Особенно памятенъ для Шуры былъ бой подъ Екатеринодаромъ. Она была тогда въ офицерской ротѣ у полковника Кутепова. Бой былъ жаркій, нѣсколько разъ рота бросалась въ штыки. Было много убитыхъ и раненыхъ. Шура бѣгала по полю и дѣлал перевязки, не обращая вниманія на крики ген. Маркова: «ложитесь, подстрѣлятъ». Когда былъ израсходованъ весь перевязочный матеріалъ, то на перевязки пошла гимнастерка и юбка.

При перевязкѣ раненыхъ въ этомъ бою съ ней произошелъ такой слусай: подходитъ Шура къ тяжело раненому въ животъ, становится на колѣни и хочетъ перевязать, а онъ открылъ глаза и началъ рыться въ карманахъ. Съ трудомъ вытащилъ револьверъ и хотѣлъ стрѣлять въ Шуру, но былъ настолько слабъ, что револьверъ выпалъ у него изъ рукъ. Тогда онъ крикнулъ: «не тронь меня», и сталъ ругать ее отборной бранью. Оказалось, что это былъ большевикъ.

Господь ее хранилъ, стало темнѣть, перестрѣлка затихла, стали слышнѣе стоны раненыхъ. Шура осталась одна. Стало совсѣмъ темно и тутъ ей стало жутко. Куда идти къ своимъ? Побѣжала наугадъ и, слава Богу, наткнулась на Корниловскую батарею. Видъ у Шуры былъ ужасный, вся въ крови въ остаткахъ платья, испуганная. Корниловцы приняли ее сначала за большевичку, но скоро распознали: «Да это сестра Шура Офицерскаго полка».

Денисъ Давыдовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній писалъ: «Бой умолкъ, а вечеркомъ снова ковшикъ шевелится». Но это было въ эпоху давно прошедшихъ временъ и относилось къ воинамъ. Не то было въ Кубанскомъ походѣ. Бой умолкъ, а сестрамъ — Шурѣ и подобнымъ ей, нужно было найти пріютъ измученнымъ и голоднымъ раненымъ, снять ихъ съ тряскихъ повозокъ и уложить хотя бы на солому, дать поѣсть, умыть, помочь врачамъ сдѣлать перевязки. Мечется Шура отъ одного дѣла къ другому, чтобы ни одинъ изъ раненыхъ не остался заброшеннымъ, часы бѣгутъ и едва-едва все сдѣлано къ полуночи. Нужно и самой устраиваться на ночлегъ для краткаго отдыха. Условія для этого у сестеръ гораздо хуже, чѣмъ для добровольцевъ. Имъ все время приходится вращаться въ массѣ мужчинъ, что ихъ

стѣсняетъ. Тяжело переносить грязь. Мужчины какъ-то легче къ ней привыкаютъ. Хочется помыться, переодѣться, а такъ трудно выбрать и время и мѣсто для этого, несмотря на то, что добровольцы всегда были предупредительны къ своимъ сестрамъ и со своей стороны старались помочь имъ, бывшимъ для нихъ въ походѣ не только заботливыми сестрами, но и любящими матерями.

Ну, наконецъ, можно спать, на кровати лежатъ раненые, полъ грязный. Находится мѣсто гдѣ нибудь въ уголкѣ.

Едва разсвѣтъ, какъ Шура вскакиваетъ и бѣжитъ кипятить чай для своихъ поднадзорныхъ, а потомъ съ помощью возчиковъ укладываетъ раненыхъ на повозки. Кому успѣла перевязала пропитанную кровью повязку. Нѣтъ полотна для бинтовъ, но на окнѣ виситъ прекрасная полотняная и еще совсѣмъ чистая занавѣска. Моментъ, и изъ занавѣски вышло нѣсколько полосъ прекрасныхъ бинтовъ.

Много подружекъ Шуры въ походѣ было ранено и убито, но Богъ хранилъ Шуру и до Медвѣдовской она была цѣла. Но при взятіи бронепоѣзда ген. Марковымъ Шура была ранена въ грудь и въ руку съ переломомъ кисти. Пришлось и ей лечь на повозку и переносить всѣ тяготы уже какъ раненой. Будучи здоровой, Шура не думала о томъ, что у Добровольцевъ нѣтъ тыла, но попавъ въ обозъ, она это почувствовала, т. к. въ обозѣ и раненые и медицинскій персоналъ подвергались не меньшей опасности чѣмъ строевыя части, ибо не разъ обозъ прострѣливался насквозь артиллеріей противника, да и подъ ружейнымъ огнемъ не разъ побывалъ. Что ожидаетъ сестру изъ Добровольческой арміи? Даже и подумать страшно! Однажды Шура избѣжала этой участи. Въ одной изъ станицъ были оставлены раненые и съ ними три сестры милосердія и докторъ. Шура тоже хотѣла съ ними остаться, но ея ротный командиръ полк. Кутеповъ не разрѣшилъ, сказалъ, что она нужна въ ротѣ. Когда эта станица была вновь занята, то узнали, что всѣ раненые и докторъ были убиты большевиками, а трупы сестеръ были найдены изуродованными, имъ выкололи глаза, отрѣзали груди и все тѣло ихъ было покрыто синяками.

Шура была сестрой милосердія добровольцей, такихъ въ походѣ было большинство — это были вчерашнія гимназистки, институтки и едва окончившія школу молодыя дѣвушки. Кадровыхъ, опытныхъ сестеръ было очень немного. Эти молодыя дѣвушки заслужили всеобщую любовь и уваженіе добровольцевъ, какъ своимъ самоотверженнымъ уходомъ за ранеными, такъ и своею доблестью и пренебреженіемъ къ смерти.

Сестра Шура продѣлала всю страду гражданской войны на югѣ Россіи, окончивъ ее при 1-ой особой ротѣ штаба ген.

Врангеля въ Крыму и въ настоящее время она — Александра А. Бартошъ рожденная Викторова, находится въ Бельгіи.

***

СЕСТРА ВАСЯ.

Кто изъ добровольцевъ не помнитъ милую сестру Васю.

Одѣтая съ самаго начала похода солдатомъ, грубоватая, но безконечно добродушная, она вносила съ собой всегда шумъ и оживленіе.

Со смѣхомъ исполняла Вася самыя тяжелыя и грязныя работы, веселой шуткой разсѣивала мрачное настроеніе раненыхъ.

И это безобидное существо испытало впослѣдствіи ужасныя страданія.

Прежде всего пришло извѣстіе, что ея мужъ и маленькій сынокъ замучены большевиками.

Ужасное горе сковало смѣявшіяся когда-то уста Васи, и добрые глаза ея потухли, вспыхивая лишь временами мрачнымъ, почти безумнымъ огнемъ.

Черезъ нѣсколько дней отрядъ, при которомъ она состояла, былъ разбитъ, окруженъ, и Вася попала въ плѣнъ къ большевикамъ.

За отказъ исполнить позорныя требованія, пять дней били ее желѣзными шомполами и окрававленную, истерзанную бросили въ сырой и холодный подвалъ.

Все выдержала желѣзная натура Васи. Она могла бы избавиться отъ мученій: у нея былъ съ собой, какъ и у другихъ сестеръ, стрихнинъ.

Но Вася не хотѣла умирать. Она чего-то какъ бы ждала, и дождалась.

Заболѣлъ комиссаръ отряда и ей приказали за нимъ ходить. Вася аккуратно исполняла свои обязанности.

Однажды вечеромъ навѣстить больного пріѣхали два другихъ сосѣднихъ комиссара, и началось пьянство. Вася развела стрихнинъ, подмѣшала его къ вину и исчезла. На утро въ квартирѣ нашли три ужасныхъ трупа.

***

СЕСТРА ДУСЯ.

Пріѣхала въ Добровольческую Армію въ Новочеркасскъ съ западнаго фронта, уже «опытной сестрой», хотя ей всего было 18 лѣтъ и поступила въ Партизанскій полкъ, а позже перешла въ Корниловскій. По своей скромности о тяготахъ своего служенія ближнему не говоритъ. Горюетъ, что тяжело было больнымъ и раненымъ трястись въ телегахъ, что въ

бинтахъ заводятся вши и трудно найти матеріала для перевязокъ. Боялась какъ бы «ея» раненыхъ не оставили гдѣ нибудь въ станицѣ и неотступно за ними слѣдила. Трудно бывала и съ ночлегами. Въ одной станицѣ пришлось на боль-

Евдокія Шмидтъ — Сестра Дуся и прапорщикъ Реформатская.

шой кровати положить поперекъ ея восемь раненыхъ. Мѣста для нея въ комнатѣ этого дома не нашлось, но въ кладовкѣ были полки для провизіи. Худенькая и маленькая Дуся, подложивъ шинель подъ голову залезла на полку и мирно заснула. Большое огорченіе для нея были большіе сапоги, они натирали ноги и были въ грязь неимовѣрны тяжелы. Вывезенныя изъ Новочеркасска изящныя туфли на одномъ изъ переходовъ были потеряны — это было большимъ огорченіемъ, но была и радость, вмѣсто потерянныхъ туфель, однополчане подарили ей пудренницу. Кромѣ большевиковъ ея врагами были также злыя собаки въ станицахъ, ихъ она боялась больше чѣмъ большевицкихъ пуль. Во второмъ Кубанскомъ походѣ она была тяжело ранена съ раздробленіемъ кости, была при смерти, а потомъ долгіе годы страдала отъ этой раны. Въ настоящее время она — Евдокія Васильевна Веллсъ, рожденная Шмидтъ, — живетъ въ Нью Іоркѣ и по прежнему работаетъ какъ сестра милосердія.

**
*

ПОДВИЖНОЙ ЛАЗАРЕТЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ И СЛУЖБА СЕСТЕРЪ ВЪ НЕМЪ.

Подвижной лазаретъ онъ же санитарный обозъ съ нѣсколькими сотнями раненыхъ, покрытыхъ то одѣялами, то попонами или просто шинелями, втиснутыхъ съ предѣльной плотностью на подводы представлялъ по истинѣ трагическое зрѣлище. Этотъ обозъ, по мѣрѣ надобности, то вытягивался въ тонкую линію верстъ на десять, то выстраивался въ колонну по 4-6 повозокъ въ рядъ и несся галопомъ подъ артиллерійскимъ обстрѣломъ, безъ дорогъ, унося на деревенскихъ возахъ людей съ перебитыми костями и простреленны животами, жестоко страдавшихъ отъ этой встряски, то при ночныхъ переходахъ черезъ желѣзныя дороги, стремительно перескакивалъ черезъ желѣзнодорожные переѣзды во избѣжаніе обстрѣла бронепоѣздами.

Лазаретъ испытывалъ большой недостатокъ въ медикаментахъ и перевязочныхъ матеріалахъ, и если съ первымъ еще можно было мириться, то недостатокъ второго создавалъ трагическое положеніе и являлся источникомъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній для персонала лазарета. Этотъ недостатокъ не могъ быть пополненъ, ни изъ больницъ, которыя давно были лишены этого, ни изъ станичныхъ аптекъ. Для перевязокъ сестры были вынуждены пользоваться одѣялами и простынями, которыя нужно было какъ-то добывать у мѣстнаго населенія и рѣзать на бинты. Но и ихъ было недостаточно. Много заботъ доставляло питаніе раненыхъ. Условія подвижного лазарета весьма усложняли эту, казалось

бы, простую процедуру и отнимало много времени для хожденія по повозкамъ съ пищей и кормленія тяжело раненыхъ, къ тому же и время питанія не поддавалась какому либо урегулированію, опредѣляясь условіями боевой обстановки и происходило въ разное время не только дня, но и ночи.

Забота о раненыхъ лежала главнымъ образомъ на сестрахъ милосердія. Привлеченіе знаменитымъ хирургомъ Пироговымъ женской сестринской заботы о раненыхъ воинахъ стало началомъ вѣкового уже нынѣ подвига русской женщины въ военныхъ госпиталяхъ и на поляхъ сраженій.

Первая міровая война съ ея многомилліонными арміями потребовала для обслуживанія фронта огромное количество сестеръ изъ запаса военнаго вѣдомства, а также краснокрестовскихъ сестеръ и добровольныхъ сестеръ въ общественныхъ организаціяхъ. Работая въ госпиталяхъ,въ санитарныхъ поѣздахъ и даже въ передовыхъ перевязочныхъ отрядахъ, сестры находились въ довольно благопріятныхъ условіяхъ. Почти всегда онѣ имѣли удобныя жилища, хорошее питаніе и возможность содержать себя въ чистотѣ и порядкѣ. Почти всюду имѣлся полный штатъ, что исключало большую перегруженность въ ихъ повседневной работѣ. Санитарныя учрежденія фронта были полностью снабжены медикаментами и необходимымъ перевязочнымъ матеріаломъ. Подъ огнемъ, даже артиллерійскимъ, сестры почти никогда не находились во время своей работы.

Совершенно въ другихъ, неизмѣримо худшихъ, условіяхъ находились сестры въ нашемъ подвижномъ лазаретѣ. Мѣстомъ ихъ работы было открытое поле и обозныя повозки не защищенныя отъ стужи и частыхъ во время похода холодныхъ дождей, только обутыя въ высокіе сапоги наши сестры могли ходить по вязкой и глубокой грязи кубанскихъ степей. Количество сестеръ было явно недостаточнымъ. Жилищемъ сестеръ были повозки — днемъ и станичныя хаты (но и то не всегда) ночью. На ряду съ ранеными наши сестры терпѣли личную жуткую антисанитарію, и огромная вшивость, мучившая нашихъ раненыхъ, мучила и сестеръ у которыхъ не было ни мѣста, ни времени съ ними бороться. Сестрамъ приходилось ежедневно за отсутствіемъ санитаровъ-носильщиковъ, самимъ нагружать на подводы и выгружать съ нихъ раненыхъ, что было непосильной для нихъ работой. За отсутствіемъ санитаровъ сестрамъ вмѣстѣ съ врачами нужно было выѣзжать въ санитарныхъ повозкахъ (т. н. летучкахъ) къ цѣпямъ для вывоза раненыхъ, находясь при этомъ подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, въ меньшей степени, но такая же опасность была и въ обозѣ лазарета, когда армія, находясь въ окруженіи врага, подвергалась со всѣхъ сторонъ обстрѣлу.

Приведемъ два примѣра изъ жизни нашего подвижнаго лазарета.

«Я лежалъ въ повозкѣ съ сотникомъ М. тяжело раненымъ въ позвонокъ. Въ бою подъ Новодмитрiевской, когда началась переправа черезъ рѣчку, нашъ возчикъ сбился съ брода, повозка нырнула и мы очутились подъ водой. Наше счастье, что передъ переправой наша сестра милосердiя Катя покрыла насъ съ головой большимъ рядномъ. Но все таки, хотя воды мы не хлѣбнули, но промокли до нитки. Правда это былъ только мигъ, лошади рванули и вынесли повозку на берегъ. Переправившiйся обозъ сталъ въ полѣ, ожидая очищенiя станицы отъ красныхъ. Было морозно и покрывающее насъ рядно замерзло, образовавъ твердую крышу, подъ которой стало теплѣе, но снизу шинель примерзла и повернуться было невозможно. Мой сосѣдъ тихо стоналъ, а я впалъ въ забытье. Очнулся когда кто-то поднялъ меня и внесъ въ домъ. Это сдѣлалъ нашъ возница, который, какъ только было разрѣшено обозу въѣзжать въ станицу, быстро выскочилъ со своей повозкой впередъ, остановился у перваго большого дома, топоромъ разрубилъ замерзшее надъ нами рядно и внесъ насъ обоихъ въ домъ, спасши этимъ насъ отъ смерти. Я даже не смогъ его поблагодарить, т. к. онъ сразу же уѣхалъ».

2-ой случай:

«Какъ-то во время привала я забрался въ самую гущу стонущаго и хрипящаго обоза и услышалъ, что кто-то окликнулъ меня. Это былъ мой старый знакомый Сергѣй Ш-въ, у котораго была раздроблена кость выше колѣна. На телѣгѣ вмѣстѣ съ нимъ было еще двое. «Дай пить». Къ счастью со мной была фляга съ мутной водой. Раненый съ жадностью поднесъ флягу къ пересохшимъ губамъ. «Убери этого... воняетъ». Онъ указалъ глазами на лежащаго рядомъ мертвеца. При помощи возчика мы осторожно стянули съ подводы трупъ, положили его около дороги на сухую прошлогоднюю траву и вернулись къ подводѣ. «Ѣсть хочешь?» — «Нѣтъ... вши заѣдаютъ... а этотъ тоже...» Сергѣй указалъ головой на другого еще живого спутника. Это былъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Онъ былъ безъ сознанiя и быстро шевелилъ губами. Глаза его были закрыты».

Командующiй армiей оцѣнилъ исключительно тяжелую работу сестеръ подвижнаго лазарета и на ряду со строевыми частями персоналъ лазарета былъ награжденъ знакомъ «Терноваго Вѣнца» I-ой степени, на георгiевской лентѣ, «за понесенные безмѣрные труды и лишенiя» въ I-омъ Кубанскомъ походѣ.

Врачъ 6-го отдѣленiя лазарета
Др. В. Иляхинскiй

ДНЕВНИКЪ 1-го КУБАНСКАГО ПОХОДА

«Думаю, что благодать Духа Божія скорѣе исполняетъ тѣхъ, кои отъ сердца вступаютъ въ подвигъ.»

Антоній Великій

«У русскихъ тыла нѣтъ.»

Суворовъ

ВВЕДЕНІЕ.

Для всѣхъ насъ, кого революція 1917 года застала на фронтѣ, выявивъ сразу свой звѣриный, безбожный, анти-русскій, анти-моральный ликъ, не было никакого сомнѣнія, что она не только означала безславный проигрышъ для Россіи І-ой міровой войны, но еще вступила на путь открытой борьбы противъ самыхъ священныхъ устоевъ, на которыхъ многими столѣтіями, въ невыразимыхъ мукахъ, создавалась нашими предками «Святая Русь».

Мало кто это понималъ въ началѣ революціи, когда съ преступнымъ легкомысліемъ разрушалась Армія, гражданская Администрація и Судъ; когда всѣ самые вѣрные слуги Россійскаго государства были взяты подъ подозрѣніе и немилосердно устранялись, какъ несозвучные революціи; когда Армія призывалась не къ защитѣ своей Родины, а къ «защитѣ революціи».

Даже теперь, послѣ 40 лѣтъ, прошедшихъ съ того, мрачнаго времени, вспоминаешь объ этомъ съ чувствомъ величайшаго отвращенія и негодованія къ руководителямъ этого сознательнаго разрушенія Исторической Россіи. И наоборотъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ и благодарностью думаешь о тѣхъ, которые въ годину повальнаго помѣшательства, сохранили ясность мысли, твердость убѣжденія и, съ открытымъ забраломъ, выступили на борьбу, на жизнь или на смерть, противъ зачинщиковъ смуты, пытаясь спасти то, что еще можно было спасти. И здѣсь, со всей исторической объективностью, мы должны, по всей справедливости, поставить на первое мѣсто Генерала КОРНИЛОВА который въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго, первый, мужественно возвысилъ свой голосъ о спасеніи гибнущей Родины и указалъ на рядъ мѣръ, которыя необходимо было для этого принять.

Этотъ призывъ привелъ къ величайшему, еще небывалому въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, позору «Быховскаго» заключенія Верховнаго Главнокомандующаго всѣхъ Россійскихъ Вооруженныхъ Силъ и его ближайшихъ сотрудниковъ.

Но этому «заключенію» суждено было получить глубокій символическій смыслъ, и воспоминаніе о немъ стало для всѣхъ его перенесшихъ предметомъ величайшей гордости.

Въ Быховѣ родилась величайшая идея XX вѣка о борьбѣ противъ коммунизма. Здѣсь, впервые, возникла мысль о началѣ БѢЛОЙ БОРЬБЫ съ оружіемъ въ рукахъ, на защиту поруганныхъ святынь, за честь и достоинство Россіи, за сохраненіе величайшихъ цѣнностей Вѣры, Духа и Морали на которыхъ стояла ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССІЯ.

Въ то время борьба эта мыслилась лишь въ предѣлахъ нашихъ Россійскихъ границъ, какъ рѣшеніе нашего чисто-русскаго вопроса. Даже идейное основаніе ея, такъ ярко выраженное въ формулѣ генерала Алексѣева: «Зажечь свѣточъ среди тьмы объявшей Россію» дальше этого не шло. Но скоро стало совершенно яснымъ, что начатое дѣло — не только русское, но грозитъ охватить собою весь міръ.

Поднимая въ 1918 году Корниловскій Стягъ Перваго Кубанскаго похода, бѣлый по своему религіозно-духовному содержанію и національный по политическому значенію, думали ли ген. Корниловъ и мощно его поддержавшій ген. Алексѣевъ, что на поляхъ Кубани подняли знамя величайшей борьбы нашего вѣка, борьбы Святого Креста противъ красной звѣзды.

Гдѣ же начать эту борьбу?

Ген. Корниловъ считалъ, что ее нужно начинать изъ Сибири, гдѣ большіе просторы, далеко отъ центровъ, захваченныхъ уже большевиками, и населеніе по своему духу не склонное къ большевизму. Но отъѣздъ ген. Алексѣева въ Новочеркасскъ и начатое имъ 2-го ноября формированіе Добр. Арміи, носившей въ началѣ скромное названіе «Алексѣевской организаціи» склонили и ген. Корнилова ѣхать на Донъ, въ надеждѣ, что казаки будутъ единодушно сопротивляться большевикамъ.

Ко времени прибытія въ Новочеркасскъ Быховскихъ генераловъ тамъ уже образовалось ядро въ 400-500 человѣкъ, главнымъ образомъ офицеровъ и юнкеровъ Михайловскаго и Константиновскаго арт. и Александровскаго воен. уч. Одновременно шло формированіе Добровольческихъ отрядовъ и въ Ростовѣ, гдѣ начальникомъ 1-го отряда добровольцевъ ген. Алексѣевъ назначилъ ген. маіора Черепова, которому къ первымъ числамъ декабря удалось сформировать отрядъ изъ 2-го и 3-го батальоновъ пѣхоты (1-ый былъ сформированъ въ Новочеркасскѣ), Морской роты кап. 1-го ранга Потемкина, артиллерійской батареи полк. Икишева и коннаго дивизіона полк. Гершельмана. Формированіе сильно затруднялось противодѣйствіемъ революціонной демократіи Донской области и постепеннымъ захватомъ большевиками пу-

тей сообщенія съ остальной частью Россіи.

Злобная рука коммунистическихъ главарей направила противъ формируемой Добровольческой Арміи большія силы, во много разъ превышавшія силы Арміи, кромѣ русскихъ красногвардейцевъ изъ матросовъ и рабочихъ, были направлены интернаціональные отряды латышей, китайцевъ и венгровъ. Стремящимся разойтись по домамъ солдатамъ разложившейся арміи съ западнаго и турецкаго фронтовъ внушалось большевицкими агитаторами, что только бѣлогвардейцы мѣшаютъ имъ добраться домой и ихъ нужно стереть съ лица земли.

Небольшіе отряды добровольцевъ на Таганрогскомъ подъ командой Кутепова, и Батайскомъ направленіяхъ подъ командой ген. Маркова, и донскихъ партизанъ на восточныхъ направленіяхъ, — истекали кровью, задерживая наступленіе красныхъ ордъ, но ихъ доблесть все же не могла преобороть непрерывно увеличивающихся красныхъ. Кругъ около Ростова, гдѣ находился штабъ Добр. Арміи все суживался. Донскіе казаки не выступали противъ красныхъ и, наконецъ, насталъ моментъ когда нужно было рѣшать, или погибнуть въ Ростовѣ или пытаться куда-то уйти, найти поддержку и выждать оздоровленіе народа. Ген. Алексѣевъ въ эти послѣдніе дни 5 февраля 1918 г. писалъ своей семьѣ: «Горсточка нашихъ людей, не подержанная совершенно казаками, брошенная всѣми, лишенная артиллерійскихъ снарядовъ, истомленная длительными боями, непогодою, морозами, повидимому исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня-завтра не заговоритъ казачья совѣсть, если хозяева Дона не станутъ на защиту своего достоянія, то мы будемъ раздавлены численностью хотя бы и ничтожнаго нравственно врага.

Намъ нужно будетъ уйти съ Дона при крайне трудной обстановкѣ. Намъ предстоитъ, по всей вѣроятности, трудный пѣшій путь и невѣдомое впереди, предначертанное намъ Господомъ Богомъ. Трудно сказать, какъ все устроится».

И позже: «Мы уходимъ въ степи, можемъ вернуться, если будетъ милость Божья. Но нужно зажечь свѣточъ, чтобы была хоть одна свѣтлая точка среди охватившей Россію тьмы».

И 9-го февраля Добровольческая армія выступила изъ Ростова. Подъ грохотъ разрывовъ атакующей артиллеріи большевиковъ подходящихъ къ Ростову, при злорадствѣ мѣстныхъ большевиковъ, при плотно завѣшанныхъ окнахъ трусливыхъ обывателей, предпочитавшихъ отдаться на волю идущему хаму, чѣмъ идти бороться противъ него, темнымъ ненастнымъ вечеромъ выходила Добровольческая Армія, — Армія... въ 3.000 человѣкъ! — въ походъ, поводъ въ

неизвѣстность, походъ на неопредѣленное время, походъ навстрѣчу смерти, походъ для защиты чести, походъ для сохраненія національнаго знамени, походъ для сохраненія «огонька», въ надеждѣ на здравый смыслъ своего народа и съ вѣрой въ милость Господню и под покоров Пресвятой Богородицы.

---

9 февраля 1918 года. Выступленіе изъ Ростова. Переходъ въ станицу Аксайскую. 25 верстъ.

Подобно витязямъ, варягамъ,
Чтобъ во едино Русь собрать,
Идетъ на бой съ трехцвѣтнымъ флагомъ
Безъ страха смерти наша рать.

Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій

9-го февраля ген. Корниловъ приказалъ всѣмъ Добровольческимъ отрядамъ собраться въ Ростовѣ и съ наступленіемъ темноты выступить на станицу Аксайскую. Около 10 часовъ вечера изъ дома Парамонова вышли пѣшкомъ ген. Корниловъ, Деникинъ, Романовскій, Эльснеръ и чины штаба арміи. По дорогѣ къ нимъ съ чемоданчикомъ въ рукахъ присоединился ген. Богаевскій. Больной ген. Алексѣевъ ѣхалъ въ экипажѣ, при немъ вся казна Добр. Арміи — около 2-хъ милліоновъ рублей въ облигаціяхъ. За Корниловымъ текинецъ несъ большой трехцвѣтный, русскій стягъ.

Вслѣдъ за ними стали выходить изъ Ростова части Добровольческой Арміи, Арміи необыкновенной по своему составу. Во главѣ два бывшихъ верховныхъ главнокомандующихъ, ихъ ближайшіе помощники: Главнокомандующій фронтомъ, корпусные командиры, начальники высокихъ штабовъ. Въ строю рядовыми старые штабъ-офицеры, бывшіе командиры прославленныхъ боевыхъ частей Русской Арміи. и рядомъ съ ними юные офицеры, юнкера и кадеты. А всего — немного больше трехъ тысячъ.

На заснѣженныхъ улицахъ собираются Добровольческіе отряды

Отрядъ ген. Маркова сосредоточился на углу Таганрогскаго проспекта и Садовой улицы; его громкія, отрывистыя приказанія звонко раздаются въ морозной тишинѣ.

Необходимо вывезти изъ города пулеметы, подвезенные къ отряду на грузовикахъ.

Маркову доложили, что нѣтъ ни подводъ ни лошадей. Чушь! — коротко бросилъ ген. Марковъ и зашагалъ къ столбу съ пожарнымъ сигналомъ. Ударомъ плетки разбилъ стекло сигнальнаго ящика и приказалъ отправить людей искать по домамъ повозки. Не прошло и 15 минутъ какъ

прискакала пожарная команда.

— Стой, — приказалъ генералъ. — распречь лошадей! Напрасно протестовалъ брандъ-майоръ. Сильные холеные лошади пожарной команды были запряжены въ пролетки. превращенныя въ пулеметныя двуколки.

Въ другихъ мѣстахъ сосредотачиваются Корниловскій полкъ, артиллеристы, конный дивизіонъ, повозки съ ранеными и обозъ съ боевыми и съѣстными припасами. Возлѣ всѣхъ этихъ сборныхъ пунктовъ видны кучки провожающихъ и слышны тревожныя восклицанія.

Гдѣ лебеди? — А лебеди ушли.
А вороны? А вороны — остались.
Куда ушли? Куда и журавли.
Зачѣмъ ушли? — чтобъ крылья не достались.
(М. Цвѣтаева.)

Особенно драматически проходятъ прощанія со студенческимъ батальономъ, въ составѣ коего большинство юношей — жителей Ростова.

Студенческій батальонъ, охранявшій порядокъ въ Ростовѣ часамъ къ 9 вечера вернулся въ казармы. Наспѣхъ раздавали неприкосновенные запасы — сухари, консервы. какую-то сухую колбасу кружками, торопливо мѣняли винтовки и набивали сумки патронами. Приказано было взять лишь самое необходимое, исключительно нужное и — какъ можно больше патроновъ. Черезъ полчаса батальонъ, готовый къ выступленію, построился въ корридорѣ. Командиръ, генералъ Боровскій, любившій и жалѣвшій своихъ «дѣтей», предложилъ желающимъ остаться, не идти за арміей, сказавъ, что свой долгъ они уже исполнили, охраняя Ставку и городъ, что цѣли похода нѣтъ, что это походъ въ неизвѣстность, полный опасности и риска. Генералъ говорилъ, и въ голосѣ его слышалась горечь — онъ видѣлъ передъ собой въ замершемъ строю «дѣтей», городскихъ дѣтей съ нѣжной кожей и серьезными глазами. Ихъ жизнь еще нужна будетъ Родинѣ и нѣтъ необходимости жертвовать ею именно сейчасъ.

Генералъ окончилъ и скомандывалъ: «на молитву, шапки долой». Отчетливо стукнули приклады объ полъ, влажные глаза свидѣтельствовали объ искренней молитвѣ. Изъ строя никто не вышелъ.

Выходя на темную улицу, прощались съ остающимися, передавали черезъ нихъ роднымъ безсвязныя, отрывочныя, карандашныя строчки на клочкахъ бумаги и, крестясь, бѣжали въ строй. Колонна вытянулась по Скобелевской улицѣ и, молча, звеня котелками и лопатками о затворы винтовокъ, двинулась по направленію къ Нахичевани. Проходили улицами, такими будничными, съ ихъ обычнымъ неяснымъ свѣ-

томъ грязныхъ фонарей, съ милиціонерами на перекресткахъ Городъ оставляли и шли куда-то, въ черную ночь, унося съ собою святыню — трехцвѣтное русское знамя.

Этотъ первый переходъ для большинства юношей былъ чрезмѣрно тяжелъ — многіе изъ нихъ вышли въ походъ прямо изъ карауловъ, послѣ безсонной 24-хъ часовой службы, другіе, утомленные физически, не имѣли возможности подкрѣпить свои силы передъ выступленіемъ — просто говоря, были страшно голодны. Снѣгъ скользилъ подъ ногами, тяжелая сумка оттягивала плечи, патронташи давили грудь и не давали вздохнуть свободно, а идти нужно было быстро, не отставая отъ своихъ. Строй, когда вышли за городъ, разбился, и шли группами, подбадривая другъ друга. Хотѣлось пить — фляги опустѣли сразу, и жажду пытались утолить снѣгомъ.

Передъ станицей Аксайской остановка. Квартирьеръ доложилъ ген. Корнилову, что Аксайская станица «держитъ нейтралитетъ» и не желаетъ пускать къ себѣ добровольцевъ. Ген. Корниловъ приказалъ начальнику штаба ген. Романовскому поѣхать въ станицу и уговорить «этихъ дураковъ». Послѣ нудныхъ разговоровъ съ представителями станицы и намека, что Корниловъ шутить не любитъ, станицу сожжетъ, а ихъ повѣситъ, ихъ удалось уломать, обѣщая, что съ разсвѣтомъ Армія изъ станицы уйдетъ дальше.

Подтянувшіеся части быстро разошлись по домамъ послѣ перваго тяжелаго перехода. Сторожевыя заставы были выставлены на самой околицѣ. Трудно было ожидать быстраго наступленія красныхъ вслѣдъ за Арміей.

Богатые казаки не поскупились на угощеніе и кипящіе самовары и обильный ужинъ были вознагражденіемъ за перенесенные въ этомъ первомъ переходѣ труды.

10 февраля. Переходъ изъ Аксайской въ Ольгинскую съ переправой черезъ Донъ. 8 верстъ.

> «Человѣкъ, желающій служить правдѣ и справедливости долженъ быть готовымъ остаться въ одиночествѣ».
>
> **Берсье.**

Маленькая Добровольческая Армія подъ Русскимъ Трехцвѣтнымъ флагомъ не сложившая оружіе передъ красной нечестью была одинока на всемъ пространствѣ Россіи.

На разсвѣтѣ началась переправа черезъ Донъ, на которомъ ледъ уже мѣстами началъ таять. Ген. Корниловъ пропускаетъ мимо себя проходящія части. Первымъ переправился конный дивизіонъ полк. Гершельмана и на рысяхъ двинулся къ виднѣвшейся вдали станицѣ Ольгинской. Проходитъ пѣхота: офицерскіе батальоны, Корниловскій полкъ,

Юнкерскій и Студентческій батальоны, отдѣльныя отряды. Корниловъ здоровается со всѣми, а «дѣтей» ген. Боровскаго — самыхъ юныхъ солдатъ Добровольческой Арміи особо благодаритъ за ихъ первый, такой для нихъ тяжелый, ночной переходъ. Орудія снимаются съ передковъ и перекатываются руками, лошади переводятся отдѣльно, снаряды перевозятся на подводахъ.

Части, повозки обоза и бѣженцевъ идутъ и идутъ. Съ высокаго берега отъ Аксайской въ это ясное, слегка морозное утро, далеко видна безкрайняя бѣлая степь, по которой ползетъ безконечная черная лента людей и повозокъ.

Донъ остался позади. На душѣ стало спокойнѣе, ночью отдохнули и изъ бодро идущихъ рядовъ раздаются пѣсни:

За Россію, и свободу
Если въ бой зовутъ —
То Корниловцы и въ воду
И въ огонь пойдутъ!

поютъ Корниловцы.

«Дѣти» ген. Боровского поютъ свою юношескую:
«Впередъ, впередъ, смѣлѣй, пріюты наукъ опустѣли.
Студенты готовьтесь въ походъ!
Пусть каждый съ вѣрою пойдетъ!..»
Такъ за отчизну, къ завѣтной цѣли..

Армія спокойно втянулась въ Ольгинскую. Красные не преслѣдовали. Лишь два большевицкихъ аэроплана пролетѣли на большой высотѣ и сбросили нѣсколько бомбъ разорвавшихся въ сторонѣ отъ дороги.

10-13 февраля. Станица Ольгинская.

«Ушедшая въ Задонскія степи горсть добровольцевъ становится символомъ начала борьбы съ большевиками въ общероссійскомъ масштабѣ».

Послѣ полудня 10 февраля вся Армія сосредоточилась въ станицѣ, расположившись на широкихъ квартирахъ. Богатая станица, находившаяся до сего времени въ сторонѣ отъ мѣстъ боевъ, радушно встрѣтила добровольцевъ. Люди досыта наѣлись и быстро заснули. Хотя неожиданнаго нападенія быть не могло т. к. на покрытой снѣгомъ равнинѣ видно было на много верстъ кругомъ, но все же сторожевое охраненіе было выставлено во всѣ стороны, а въ станицу Хомутовскую высланъ сильный конный разъѣздъ.

Изъ пришедшихъ въ станицу 25 отдѣльныхъ частей были сформированы болѣе крупныя части..

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ ДО СОЕДИНЕНІЯ СЪ
КУБАНСКИМЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИМЪ ОТРЯДОМЪ.

Верховный Руководитель	Ген. Шт. ген. отъ инф. Алексѣевъ.

Командующій Арміей	Ген. Шт. ген. отъ инф. Корниловъ.
Пом. командующаго Арміей	Ген. Шт. ген.-л. Деникинъ.
Начальникъ Штаба Арміи	Ген. Шт. ген.-м. Романовскій.
Сводно-Офицерскій («Марковскій») полк	Ген. Шт. ген.-л Марковъ.
Корниловскій Ударный полк	Ген. Шт. полк. Неженцевъ
Партизанскій («Алексѣевскій») пѣшій полкъ	Ген. Шт. ген.-м. Богаевскій.
Юнкерскій батальонъ	Ген.-м. Боровскій
Чехо-Словацкій инженерный батальонъ съ Галицко - Русскимъ взводомъ	Кап. Неметчикъ. Прап. Яцевъ.
Артиллерійскій Дивизіонъ	Полк. Икишевъ
1-ая батарея	Полк. Міончинскій.
2-ая батарея	Пполк. Шмитдъ.
3-ая батарея	Полк. Ерогинъ.
4-ая батарея	Полк. Н. Третьяковъ.
1-ый Конный отрядъ	Полк. Глазенапъ.
2-ой Конный отрядъ	Полк. Гершельманъ.
3-ій Конный отрядъ	Пполк. Корниловъ.
1-ая Инженерная рота	Полк. Банин.
Охранная рота	Полк. Дейло.
Конвой Командующаго Арміей (изъ текинцевъ)	Полк. Григорьевъ.
Походный лазаретъ	Д-ръ Трейманъ.

Два партизанскихъ отряда сотника Грекова и есаула Власова.

Всего въ Арміи: бойцовъ — 3683 и 8 орудій, а всего съ обозомъ и гражданскими лицами свыше 4.000 человѣкъ.

ряда сотника Грекова и есаула Власова..

При арміи большой обозъ, раздѣленный на санитарный — походный госпиталь и хозяйственный, въ которомъ везли небольшой запасъ винтовокъ, патроновъ и продовольствія (чай, сахаръ, консервы). Къ обозу примкнулъ и обозъ съ бѣженцами, не пожелавшими оставаться во власти большевиковъ и отдавшихъ себя подъ защиту арміи.

Въ Ольгинской ген. Корниловъ сдѣлалъ смотръ юнкерскому батальону ген. Боровскаго и произвелъ ихъ всѣхъ въ прапорщики, а кадетамъ старшихъ классовъ далъ званіе «Походныхъ юнкеровъ». Восторгу юношей не было конца.

Былъ также отданъ приказъ запрещающій реквизиціи. За все взятое части должны были платить.

12 февраля ст. ст. въ станицѣ Ольгинской произошло формированіе офицерскаго полка.

На одной изъ станичныхъ площадей выстроились три офицерскихъ батальона и Батайскій отрядъ. Сейчасъ же подошелъ генералъ Марковъ. Онъ былъ въ сѣрой тужуркѣ, бѣлой папахѣ, и съ плетью на рукѣ. Его сопровождали какой-то полковникъ и докторъ. Мало кто зналъ генерала въ лицо. Спутниковъ же его знали только очень немногіе.

Генералъ подошелъ къ строю энергичной, бодрой, молодой походкой.

«Немного же васъ здѣсь, господа. По правдѣ говоря, я ожидалъ изъ трехсоттысячнаго офицерскаго корпуса увидѣть больше... Но не огорчайтесь! Я глубоко убѣжденъ, что даже съ такими малыми силами мы совершимъ большія дѣла. Не спрашивайте меня: куда и зачемъ мы мы идемъ. Идемъ мы къ чорту на рога за «синей птицей»! Теперь скажу вамъ только, что приказомъ Верховнаго Главнокомандующаго, имя котораго хорошо извѣстно всей Россіи, я назначенъ командиромъ Офицерскаго полка, въ который сводятся ваши три батальона, Офицерская морская рота и спѣшенный Кавказскій дивизіонъ. Командиры батальоновъ переходятъ на положеніе ротныхъ командировъ, ротные командиры — взводныхъ и т. д. Но и тутъ вы, господа офицеры, тоже не огорчайтесь: вѣдь и я съ должности Начальника Штаба Фронта перешелъ на батальонъ. Штабъ мой будетъ состоять изъ меня, моего помощника полковника Тимановскаго и доктора Родичева, онъ же и казначей... Вижу, что у многихъ нѣтъ погонъ. Завтра чтобы всѣ имѣли. Сдѣлайте хотя бы изъ юбокъ вашихъ квартирохозяекъ...»

Въ Ольгинской передъ н.-комъ разв. отдѣл. выстроилось 15 дѣвушекъ-прапорщиковъ, прикомандированныхъ къ развѣдывательному отдѣленію штаба Арміи. «Гос. полковникъ, мы просимъ васъ отпустить насъ въ строй, мы не для того пріѣхали въ Армію, чтобы быть въ штабѣ.

Прибыли онѣ изъ Москвы, гдѣ въ 1917 году Александровское Военное Училище въ Москвѣ окончило 25 дѣвушекъ съ производствомъ ихъ въ прапорщики. Большинство ихъ имѣло спеціальность — пулеметчицы.

Изъ этихъ 25 дѣвушекъ: одна была убита и одна ранена и осталась въ клиникѣ въ Москвѣ. 3 уѣхали въ отпускъ и не смогли вернуться въ Москву. Остальныя 20 всѣ прибыли въ Добровольческую Армію.

Еще передъ походомъ была убита въ Кубанскомъ отрядѣ у ст Эйнемъ, поражавшая своею храбростью пулеметчица Татьяна Бархашъ. Также передъ походомъ была убита Анна Алечсѣева. Двѣ (фамиліи ихъ не удалось установить) были во время похода въ отдѣльной командировкѣ и послѣ похода служили въ строю.

Въ походѣ были: Баронесса Софія де Боде, она обращала на себя вниманіе какъ своей красотой, такъ особенно своей храбростью и жестокой рѣшимостью. Служила она въ кавалеріи и была убита подъ Екатеринодаромъ во время лихой, но къ несчастью безрезультатной атаки у «Екатеринодарсихъ Садовъ». Ея тѣло было найдено только черезъ полгода во время 2-го Кубанскаго похода. Остальныя женщины-прапорщики служили въ пѣхот. полкахъ; онѣ, быть можетъ, не были такъ извѣстны какъ С. де Боде, но были

Дѣвушки-прапорщики, участницы 1 Куб. Похода, Сзади, слѣва направо — Готгард, Свирчевская, Кочергина; впереди — Заборская, Реформатская, Виденекъ.

такъ же храбры и самоотвержены и высоко цѣнимы своими товарищами по оружію — офицерами. Въ походѣ были убиты: Юлія Пылаева (была ранена и звѣрски добита на полѣ боя большевиками) и Вѣра Мерсье. Ранены по нѣсколько разъ: Зинаида Реформатская, Наталія Семенова. Ранены: Марія Мерсье, Николаева и Александра Бирюкова. Вышли благополучно изъ похода: Зинаида Свирчевская (убита послѣ похода во время командировки въ Москву), Зинаида Готгардъ, Тихомирова (обѣ трагично погибли позже), Надежда Заборская, Ольга Зубакина, Антонина Кочергина, Марія Черноглазов и Виденко. Въ эмиграцію ушло, насколько извѣстно, 4. Изъ нихъ извѣстна въ живыхъ (живетъ въ Калифорніи) Зинаида Реформацкая, въ замужествѣ Кальфа

Съ ними ушелъ ихъ непосредственный начальникъ кап. Капелька, убитый въ одномъ изъ ближайшихъ боевъ и прекрасный юноша юнкеръ Алек. Рябининъ, тяжело раненый въ походѣ и скончавшійся отъ ранъ при переправѣ черезъ Кубань.

Несмотря на тяжелое положеніе, армія не унывала. Добровольцы отдохнули. Станица была полна оживленіемъ, сыпались шутки, слышался смѣхъ, раздавались пѣсни. Всѣ бодро смотрѣли впередъ, вѣря въ своихъ испытанныхъ вождей.

Но вождямъ было не до смѣха.

Они сознавали всю тяжесть, почти безвыходность положенія.

Одни.

Одни во всемъ свѣтѣ. Кругомъ, и спереди, и сзади, и справа, и слѣва — только враги.

Ни одного друга, ни одного союзника.

Нѣтъ тыла, куда можно было бы отступить въ случаѣ катастрофы; нѣтъ базъ, изъ которыхъ можно было бы черпать снабженіе и получить пополненіе людьми.

Надо уходить, уходить немедленно. Врагъ проснется отъ разгула и уничтожитъ безъ слѣда послѣдніе кадры будущей арміи, а съ ней и Россію.

Но куда идти и для чего?

Донская область была выбрана для созданія арміи, конечно, по извѣстнымъ соображеніямъ. Русская земля велика, вездѣ, казалось бы, можно было найти мѣсто для сбора добровольцевъ. Однако, собрались на Дону.

Но если необходимо оставить область, то, значитъ, мѣсто было избрано неудачно; соображенія, на которыхъ былъ основанъ выборъ, казались неосновательными.

Ошибки не было, надо только переждать неминуемыя событія.

Гдѣ же ждать, чтобы быть подъ рукой въ случаѣ необходимости?

ЖЕНЩИНАМЪ-«АЛЕКСАНДРОВЦАМЪ», ПОГИБШИМЪ ВЪ БОЯХЪ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ.

Вамъ, своей Родинѣ жизни отдавшимъ,
Скромный вѣнокъ незабудокъ сплету —
Спите спокойно въ обителяхъ Вашихъ,
Вѣчную память я вамъ пропою.
Спите спокойно, вы, дѣвушки-воины,
Миръ Вамъ теперь не нарушитъ никто!
Ужъ не услышать насмѣшки вамъ новенькой,
Да и смѣяться осмѣлится-ль кто?
Спите, вы, смѣлыя, спите спокойно,
Родинѣ жизнь не смѣшно подарить.
Бросила мечъ свой толпа зачумленная,
Вы его взяли, чтобъ Русь защищать...
Вы не щадили ни силы, ни молодости...
Вы наравнѣ лишь съ немногими шли...
И силу духа и вашу выносливость
Знавшіе Васъ отрицать не могли...
Всѣ, кто васъ знаетъ... помолятся съ нами.
Вспомнятъ: не разъ ихъ бодрили порой...
Кто же не знаетъ, почувствуютъ сами,
Что заслужили вы вѣчный покой...

Надежда Заборовская

Въ Ольгинской былъ созванъ Военный совѣтъ для выработки плана дальнѣйшихъ дѣйствій Добр. Арміи.

Сразу же выявилось два противоположныхъ теченія: одно возглавлялось ген. Корниловымъ и Лукомскимъ, а другое ген. Алексѣевымъ и Деникинымъ. Ген. Корниловъ предлагалъ двинуться въ мало населенныя степи на стыкѣ Донской обл., Астраханской и Ставропольской губерній. Тамъ, вдали отъ жел. дорогъ, легко было бы отбиваться отъ большевиковъ. опировшихся на ж. д. линіи съ броневыми поѣздами и войсковыми эшелонами. Въ маневренной войнѣ, безъ жел. дорогъ и тяжелой артиллеріи красныхъ, добровольческая Армія состоящая изъ великолѣпныхъ боевыхъ частей и руководимая искустными и опытными вождями не боялась громаднаго численнаго превосходства красныхъ.

Ген. Алексѣевъ стоялъ за движеніе въ Кубанскую область, гдѣ можно было расчитывать на сочувствіе кубанскаго казачества, гдѣ около Екатеринодара кубанскій отрядъ успѣшно боролся съ красными, а богатство края обезпечивало снабженіе продовольствіемъ и фуражомъ.

12-го февраля на второмъ засѣданіи Военнаго совѣта было рѣшено идти на Кубань. Ну, а если и тамъ будетъ неудача? кто-то спросилъ ген. Корнилова. «Если нужно, мы покажемъ, какъ должна умереть русская армія», отвѣтилъ ген.

Корниловъ.

13-го февраля въ Ольгинскую къ ген. Корнилову прибылъ въ сопровожденіи своего Н-ка Штаба Походный Донской атаманъ ген. Поповъ, вышедшій наканунѣ изъ Новочеркасска съ отрядомъ около 2.000 человѣкъ при двухъ конныхъ батареяхъ. Ген Корниловъ предложилъ ему присоединиться къ Добр. Арміи, но ген. Поповъ заявилъ, что Донской отрядъ не смѣетъ покидать Донскую область и будетъ отсиживаться въ районѣ Зимовниковъ, въ надеждѣ, что къ веснѣ Донцы опомнятся и возстанутъ всѣ противъ красныхъ.

14 февраля. Переходъ въ станицу Хомутовскую, 20 верстъ, по «Соляному шляху», по которому когда-то чумаки возили соль съ побережья Каспійскаго моря въ «Рассею».

Рано утромъ подъемъ и выходъ въ дальнѣйшій походъ. Куда? Туда куда поведетъ ген. Корниловъ. Тяжело идти по густой черноземной грязи, особенно авангарду. У многихъ сапоги быстро «дали течь» и развалились. Совершенно вязнутъ сестры милосердія, идущія въ слишкомъ большихъ для нихъ сапогахъ, которыхъ онѣ не могутъ вытащить изъ глубокой грязи. Мужчинамъ приходится переносить сестеръ на рукахъ на твердое мѣсто, а потомъ вытаскивать отдѣльно и ихъ сапоги. До лучшей дороги всѣхъ сестеръ отправили въ обозъ.

Отъ усталости на малыхъ привалахъ всѣ сразу валятся на землю. Но еще горше необходимость на этихъ короткихъ остановкахъ бѣжать «до вѣтру». Нужно наспѣхъ стаскивать съ себя, что положено въ этомъ случаѣ, потомъ все направлять на свое мѣсто и успѣть стать въ строй до конца привала, а иначе приходится бѣгомъ догонять свою роту. Тогда поневолѣ вспоминается поговорка:

«Хорошо служить въ солдатахъ, впрочемъ очень чижало»!

Во второй половинѣ дня, послѣ 20 верстнаго перехода Армія втянулась въ станицу Хомутовскую, куда уже раньше были высланы квартирьеры, съ предупрежденіемъ не препятствовать расквартированію Арміи. Атаманъ станицы подробно распрашивалъ квартирьеровъ о задачахъ Арміи, и какъ долго она останется въ Хомутовской и не начнетъ ли отсюда дѣйствія противъ красныхъ. Въ Хомутовской, какъ и въ другихъ донскихъ станицахъ фронтовики противъ своихъ стариковъ и противъ Арміи. «Довольно навоевались и вшей собой кормили». Но все же никакихъ выступленій противъ Добровольцевъ не было и казаки и казачки радушно встрѣтили пришедшихъ, но къ цѣли похода были равнодушны — «большевики насъ не тронутъ»!

За порядкомъ въ станицахъ во время остановокъ наблю-

далъ Комендантъ Штаба Арміи энергичный полк. Корвинъ Круковскій. Работы въ комендантскомъ управленіи было много, такъ какъ вся тяжесть «тыла» ложилась на него.

Со всѣхъ сторонъ поступали приказы съ требованіями то одного, то другого, что заставляло иной разъ даже такого энергичнаго Коменданта, какъ полк. Корвинъ-Круковскій задумываться и гадать, чей приказъ онъ долженъ исполнить. Заводить же спеціальную канцелярію для этого и вести реестры входящихъ и исходящихъ бумагъ — было невозможно, ибо — наше управленіе было на ногахъ. Приговоры осужденнымъ за проступки писались на простыхъ листкахъ бумаги и передавались въ штабъ Верховнаго. Тамъ на нихъ же писались резолюціи, въ большинствѣ случаевъ Ген. Корнилова, помѣченныя «+» (слѣдовало наказаніе) или «—» (оправданіе).

На слѣдующій день рано утромъ, кто еще спалъ, кто умывался, вдругъ: трахъ, трахъ.

Та-та-та... отвѣтили пулеметы, и свинцовые шмели зажужали по станицѣ.

Выскочили на улицу. Что такое?

По направленію отъ противника шелъ разъѣздъ коннаго дивизіона.

— Что, щеголи, проспали, — посыпались насмѣшки добровольцевъ. Несчастные щеголи въ рваныхъ полушубкахъ, благоразумно промолчали. Нужно было видѣть ихъ истрепанныхъ коней, чтобы понять, въ чемъ дѣло.

Бѣглымъ шагомъ вышли дежурныя роты офицерскаго полка и разсыпались въ цѣпи передъ станицей. Впереди мелькала бѣлая папаха командира полка ген. Маркова.

Снаряды сыпались на станицу, какъ изъ мѣшка. Пулеметы подвигались все ближе и ближе.

Въ обозѣ суета. Спѣшно запрягаютъ коней, тѣ пугаются выстрѣловъ, бросаются, путаются въ постромкахъ. Начальство ругается. Вотъ выдвинулся санитарный обозъ. На рысяхъ прошелъ политическій отдѣлъ.

— Бумъ, бумъ, бумъ, заговорили, наконецъ, и добровольческія трехдюймовки.

На душѣ сразу стало легче.

Пулеметы противника стыдливо умолкаютъ, попали, значитъ, въ самый разъ.

Вышелъ изъ станицы артиллерійскій паркъ, и потянулось интендантство.

15 февраля. Переходъ въ станицу Кагальницкую. 20 верстъ. 16 февраля. Дневка.

Необычную для воинской части представляла походная колонна Добр. Арміи. Впереди и сзади воинскія части, а по-

серединѣ безконечныя повозки вовсе не воинственнаго вида. Все это двигалось первое время вполнѣ благополучно, если не считать одной глупой паники въ обозѣ, все-таки стоившей намъ части цѣннаго груза, брошеннаго нашимъ интендантствомъ.

Среди телѣгъ, на простой линейкѣ, управляемой австрійскимъ военноплѣннымъ, богатымъ когда-то молодымъ человѣкомъ, интеллигентнымъ и очень воспитаннымъ, попавшимъ случайно въ кучера къ ген. Алексѣеву и убитымъ шальной пулей въ походѣ, ѣхалъ нашъ старикъ генералъ, покрытый не то одѣяломъ, не то попоной. Жестокая болѣзнь почекъ требовала спокойствія и хотя бы нѣкотораго удобства, но никто не могъ заставить его измѣнить этотъ способъ передвиженія.

По дорогѣ отъ станицы Кагальницкой на Мечетинскую ничего особеннаго не произошло. Переходъ былъ тяжелъ изъ-за невѣроятно липкой черноземной грязи. Ступишь ногою въ сапогѣ; вытянешь — нога босая, тащи сапогъ, да еще обѣими руками.

Переходы большія — 25-30 верстъ. Станицы огромныя — 10-15 тыс. жителей, но расположены рѣдко и хуторовъ по дорогѣ мало. Измучились лошади, — ночуй въ дорогѣ, голодный и подъ леденящимъ вѣтромъ.

Все это приходилось переносить и переносили безъ ропота и жалобъ люди интеллигентные, состоятельные, избалованные, не привыкшіе обходиться безъ прислуги.

Деньщиковъ на походѣ не было. И генералъ, и рядовой дѣлали все сами. Утромъ всталъ, пои и корми коня; вычисти его, а скорѣе вымой, потому что и кони, и люди напоминали собою крокодиловъ, вылѣзшихъ изъ тины.

Вычисти и самого себя, чтобы людей не пугать.

Наскоро закусилъ, уже кричатъ: — «по конямъ».

Днемъ дѣла, походная служба; пожуешь чего-нибудь на ходу, покормишь коня у стога.

Пришелъ на ночлегъ, — обряди коня. Вычистилъ винтовку, ступай по начальству за приказаніями на другой день. Вернулся — опять къ коню. Поѣлъ и только что разоспался, будятъ: твоя очередь коней караулить; прозѣвалъ — сведутъ коней: народъ кругомъ, безъ всякаго начальства, страшно избаловался.

И такъ изо дня въ день. Поэтому приказъ о дневкѣ встрѣчался съ полнымъ восторгомъ. Можно и доспать безсонныя ночи, и починиться, смазать сапоги и сбрую, вообще привести себя, хотя въ нѣкоторый порядокъ.

Во время дневки въ конный дивизіонъ полк. Глазенапа влились: сотня эсаула Бокова, сотня имени Бакланова и нѣсколько добровольцевъ донскихъ казаковъ. Послѣ этого по-

полненія въ дивизіонѣ насчитывалось около 300 шашекъ.

При переходѣ желѣзной дороги былъ обнаруженъ первый «грабежъ».

У воротъ желѣзнодорожной казармы офицеръ-доброволецъ рѣжетъ пѣтуха. Корниловъ проѣзжаетъ мимо.

— Стой! Откуда взялъ? Купилъ?

— Никакъ нѣтъ! Ваше высокопревосходительство..

— Что! Укралъ! Ограбилъ! Арестовать и подъ судъ!

А офицеръ былъ занятный. Красавецъ собою, безумно храбрый въ бояхъ, онъ извѣстенъ былъ еще и по своему подвигу во время московскаго возстанія.

Пулеметъ, направленный отъ Храма Христа Спасителя на Пречистинку и запиравшій подходъ съ этой стороны къ Кремлю, бездѣйствовалъ. Всѣхъ, кто пытался подойти къ нему, сейчасъ же убивали.

Офицеръ, — этотъ «сегодняшній грабитель» — все-таки бросился къ пулемету и хладнокровнымъ, мѣткимъ огнемъ отогналъ нахлынувшую было толпу большевиковъ.

Офицеръ этотъ былъ дочь титулованнаго генерала, — женщина-прапорщикъ, говорившая о себѣ всегда въ мужскомъ родѣ.

Бросились къ командующему и умоляли отмѣнить приказъ.

Корниловъ былъ непоколебимъ.

— За воинскую доблесть честь ему и слава, а за грабежъ — петля.

— Вы не понимаете, что вы дѣлаете, — добавилъ Корниловъ. —Армія ничтожна по своимъ размѣрамъ. Но я скую ее огнемъ и желѣзомъ и не скоро раскусятъ такой орѣхъ. Если же офицеры начнутъ грабить, то это будетъ не армія, а банда разбойниковъ.

Произвели разслѣдованіе.

Прапорщикъ откровенно разсказалъ, что въ Хомутовской станицѣ онъ уже поголодалъ; запоздалъ по службѣ; а когда пріѣхалъ, армія уже все съѣла. Пѣтуха онъ взялъ даромъ, но съ удовольствіемъ заплатилъ бы деньги, только въ казармахъ не было ни души.

Свидѣтели все подтвердили.

Нашли, «принимая во вниманіе смягчающія обстоятельства», «грабителя слѣдовало бы разжаловать въ рядовые, но въ виду боевыхъ заслугъ, можно наказаніе понизить до ареста».

Командующій, выслушавъ докладъ, покачалъ головой, но утвердилъ его.

17 февраля. Переходъ въ станицу Мечетинскую. 27 верстъ. 18 февраля. Дневка.

Переходъ въ Мечетинскую 27 верстъ по вязкой грязи.

Получены отрицательныя свѣдѣнія о зимовкахъ въ смысли возможности расположить и прокормить тамъ Добр. Армію и предположено идти на Кубань. Этому рѣшенію способствовали какія-то слухи о дѣйствіяхъ Кубанскихъ добровольцевъ къ сѣверу отъ Екатеринодара.

Генералы Алексѣевъ и Корниловъ выступали на казачьемъ сходѣ съ призывомъ выступать противъ большевиковъ. Но успѣха не имѣли. Казаки еще не испытали на себѣ, что такое большевизмъ.

Отрядъ полк. Глазенапа оставленъ на сутки въ Кагальницкой.

19 февраля. Переходъ въ 26 верстъ въ станицу Егорлыцкую. 20 февраля. Дневка.

Переходъ въ 26 верстъ въ послѣднюю донскую станицу и на слѣдующій день дневка. Отрядъ полк. Глазенапа между Егорлыцкой и Мечетинской устроилъ засаду большому красному отряду, идущему по пятамъ арміи и нанесъ ему такія тяжелыя потери, что отрядъ въ совершенномъ разстройствѣ бросился назадъ. Два дня въ Егорлыцкой прошли спокойно. Стало много суше и теплѣе. Въ Егорлыцкой было принято рѣшеніе идти на Кубань. Донской отрядъ походнаго атамана Попова въ это время подходилъ къ станицѣ Великокняжеской.

21 февраля. Переходъ въ 22 версты изъ Донской области въ Ставропольскую губернію въ село Лежанка. Бой. 22 февраля. Дневка.

Утромъ Добр. Армія по подсохшей дорогѣ выступила изъ станицы Егорлыцкой въ село Лежанку Ставропольской губ., находящееся въ 22 верстахъ. Было извѣстно, что село занято красными и тамъ стоятъ части 39 пѣх. дивизіи, доблестно дравшіеся на Кавказскомъ фронтѣ во время I-ой міровой войны, а теперь перекинувшіеся къ большевикамъ. Ясно, что будетъ бой.

Своеобразная обстановка, въ которой протекали дѣйствія Добровольческой Арміи въ Первомъ Кубанскомъ Походѣ, рождали и новую тактику. Слабо организованный противникъ, необходимость быстраго достиженія успѣха, чтобы открыть себѣ дорогу, возвращали Добровольческую Армію, къ эпохѣ ударной тактики. Наступленіе въ лобъ цѣпями, почти безъ артиллерійской поддержки, становилось правиломъ. Большевики не выдерживали фронтальнаго удара добровольцевъ, часто идущихъ безъ выстрѣла во весь ростъ на во много разъ превосходящаго по численности противника.

Открытые фланги и тылъ возрождали самый широкій маневръ, изъ-за слабости огня, на самомъ полѣ боя. Ген. Кор-

ниловъ съ конвоемъ и развѣвающимся національнымъ флагомъ почти всегда появлялся въ цѣпяхъ, а иногда и впереди ихъ. Технической связи, авіаціи, автомобилей и современной техники не было въ Добровольческой Арміи. Сложные боевые порядки пѣхоты отсутствовали.

Не доходя примѣрно 2-3 верстъ офицерскій полкъ, шедшій въ авагардѣ развернулся въ боевой порядокъ и цѣпи, рядомъ съ цѣпями и батарея, переваливъ гребень, скрывающій село, быстро двинулись безъ выстрѣла впередъ. Красные открыли сильный, но безрезультатный артиллерійскій ружейный, и пулеметный огонь, наносившій потери идущимъ точно на парадѣ стройно и спокойно цѣпямъ офицерскаго полка.

Передъ селомъ протекала не широкая, но глубокая съ илистымъ дномъ р. Средн. Егорлыкъ, съ берегами, частью заросшими камышомъ. За рѣкой, вдоль огородовъ, - окопы, занятые красными, а за ними на взгорье село.

- Ген. Марковъ съ одной изъ ротъ атакуетъ мостъ, а остальныя роты съ трудомъ перейдя по глубокому илистому броду рѣки атакуютъ безъ выстрѣла въ лобъ окопы. Надъ окопами съ поразительной точностью разрываются наши шрапнели и пулеметный огонь красныхъ затихаетъ... Они не выдерживаютъ атаки офицеровъ и стремительно бѣгутъ въ село, преслѣдуемые нашимъ огнемъ. Большевиковъ пытались остановить два конныхъ въ офицеркихъ погонахъ, но нашимъ залпомъ были убиты. Позже, на обратномъ пути среди могилъ была одна съ надписью «Баронъ прапорщикъ Б. Н Лисовскій. Убитъ бандой Каледина» (Образецъ надписи для коммунистической исторіи гражд. войны). На площади у церкви офицерскій полкъ захватилъ батарею, часть прислуги бѣжала, а часть осталась, среди нихъ три офицера, которые «сдались». Подошедшій ген. Марковъ въ гнѣвѣ рѣзко приказалъ: «разстрѣлять!» Въ это время подъѣхалъ ген. Корниловъ. «Сергѣй Леонидовичъ, офицеръ не можетъ быть разстрѣлянъ» безъ суда. «Предать суду». На слѣдующій день суд не оправдалъ, а простилъ, и они были зачислены въ одинъ изъ полковъ Арміи.

Кромѣ Офицерскаго полка правѣе шли Корниловскій п. и Юнкерскій б-нъ. Подъѣхавъ къ послѣднему, Корниловъ обратился къ юнкерамъ: «Возьмите Лежанку!» Восторженные юнкера двинулись въ атаку и подъ огнемъ красныхъ заняли одну изъ переправъ черезъ рѣку.

Потери наши были: 4 убитыхъ офицера и около 20 раненыхъ. На слѣдующій день убитые офицеры съ воинскими почестями были погребены на мѣстномъ кладбище. Красные понесли большіе потери. На слѣдующій день была дневка въ наполовину опустѣвшемъ селѣ, ибо жители повѣрили боль-

шевикамъ, что «кадеты» звѣрствуютъ Во время дневки многіе вернулись обратно, нашли свои дома не разграбленными и еще болѣе были удивлены, когда при уходѣ съ ними за все взятое расплатились.

22 февраля ген. Корниловъ выслалъ къ походному атаману ген. Попову офицерскій разъѣздъ изъ офицеровъ 16 Донского полка подъ командой подп. Ряснянскаго, съ новымъ предложеніемъ о соединеніи съ Добр. Арміи. Подп. Ряснянскій настигъ Донской отрядъ въ ст. Великокняжеской и порученіе передалъ, но ген. Поповъ, окрыленный удачнымъ занятіемъ станицы отказался уходить съ Дона и далъ въ конвой подп. Ряснянскому, вмѣсто офицеровъ, 10 человѣкъ молодежи, подъ командой подъесаула Нефедева, съ которыми онъ, продѣлавъ пробѣгъ въ двое сутокъ (около 200 верстъ), присоединился къ арміи въ ст. Иркліевской. Недалеко отъ Великокняжеской этотъ разъѣздъ обнаружилъ колодецъ въ который были брошены большевиками ген. шт.. генералъ Складовскій и подп. Роженко. Ихъ тѣла были потомъ вынуты изъ колодца и погребены въ Великокняжеской.

Бой подъ Лежанкой имѣлъ большое значеніе. Онъ показалъ арміи ея силу, но обнаружилъ также и нѣкоторые недостатки.

Здѣсь столкнулись лицомъ къ лицу, грудь въ грудь — два міра: большевицкіе солдаты и добровольцы-офицеры.

39 дивизія была воинскою частью, не такъ давно вернувшейся съ фронта. Правда, дивизія была перестроена на большевицкій ладъ; главную роль играли коммисары и начальство изъ солдатъ; но были и офицеры, конечно, уже третьяго сорта, изъ тѣхъ, кому все равно, гдѣ служить, за что сражаться, лишь бы получать жалованье.

Дивизія недавно имѣла даже успѣхъ подъ Ростовомъ, вытѣснивъ изъ Батайска двѣ-три сотни добровольцевъ. Это окрылило ее.

— Шапками закидаемъ это офицерье, — бахвалились солдаты, поджидая добровольцевъ на превосходной позиціи.

Давно ли несмѣтныя силы турокъ и курдовъ въ паникѣ бѣжали отъ нашихъ и очищали область за областью передъ неодолимымъ натискомъ дивизіи.

А тутъ какихъ-то двѣ, три тысячи, да и кого? — буржуевъ, безъ снарядовъ, безъ патроновъ. — Пусть попробуютъ, — выдеремъ зубы.

Да, передъ ними была горсточка буржуевъ.

Но кто были эти буржуи.

Половина состояла изъ офицероввъ, изъ лучшихъ офицеровъ арміи, оскорбленныхъ въ своемъ достоинствѣ этими же солдатами.

То былъ первый призывъ въ добровольческой арміи.

Явились всѣ кто страдалъ за попраніе русской воинской чести и всемъ сердцемъ стремился смыть своею кровью съ родины ея позорное пятно.

Нижними чинами въ арміи были инженеры, адвокаты, земскіе и городскіе дѣятели, журналисты и, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь — юнкера, студенты, гимназисты и кадеты всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, откуда и пошло названіе добровольцевъ — «кадеты».

Эти «буржуи» были также перваго призыва. Ихъ влекло въ армію то же чувство любви къ родинѣ, но они пришли не съ фронта, а изъ центра страны.

Они были разорены, оторваны отъ своихъ семействъ, и многіе прошли черезъ руки большевицкихъ «чрезвычаекъ». У одного разорили до тла и сожгли на глазахъ любимое гнѣздо-имѣніе, у другого замучили отца, брата и всѣхъ ограбили до ниточки.

Они видѣли, какъ православныя церкви превращены были въ кинематографы.

Они знали изъ большевицкихъ газетъ, что ихъ матери, жены и сестры «соціализированы», т. е. выданы на полное поруганіе китайцамъ и латышамъ, — этимъ безсмысленнымъ преторіанцамъ «свободнѣйшей въ мірѣ республики».

Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ въ организаціи арміи, обнаруженномъ въ этомъ бою, было отсутствіе отличительныхъ знаковъ на одеждѣ для добровольцевъ. Штабъ въ свое время не подумалъ объ этомъ весьма важномъ вопросѣ.

По счастью не было печальныхъ случаевъ взаимнаго обстрѣла. Но много солдатъ ушло безнаказанно только потому, что офицеры-пулеметчики перестали обстрѣливать мостъ, не зная, гдѣ кончаются большевики, и гдѣ начинаются преслѣдующіе ихъ добровольцы.

Командующій для отличія отъ красныхъ приказалъ немедленно надѣть на околышки фуражекъ и на папахи кусокъ бѣлой матеріи.

23 февраля. Переходъ въ 20 верстъ въ станицу Плосскую, Кубанской области.

Ты Кубань, ты наша родина,
Вѣковой нашъ богатырь.

Утромъ Добр. Армія выступила изъ Лежанки на станицу Плосскую, Кубанской обл. Конный дивизіонъ полк. Глазенапа былъ высланъ къ селу Бѣлая Глина, Ставропольской губ. для отвлеченія вниманія красныхъ отъ пути движенія Арміи. Погода была теплая, весенній степной воздухъ бодрилъ. Дорога была сухая и идти было легко.

Ген. Марковъ обгоняетъ полкъ и, вдругъ, къ его изумленію одна изъ ротъ идетъ въ строю по три, унаслѣдованному

ею отъ главной составной ея части Ударнаго дивизіона Кавказской кав. дивизіи. «Это, что за строй въ пѣхотѣ? Я вамъ покажу!» «Но, проскакавъ дальше ничего „не показалъ", а роту эту любилъ за лихость.

Представители станицы Плосской встрѣтили Добровольцевъ хлѣбомъ и солью. Между селомъ Лежанка и ст. Плосской всего 20 верстъ разстоянія, условія жизни и даже благосостояніе почти одинаковыя, а разница въ настроеніи поразительная. Какія-то двѣ психологіи: казачья и крестьянская

Казаки и казачки радушно угощали добровольцевъ. Особенно пострадали при этомъ куры. Офицеры пытались было помогать ловить куръ, но ловля ихъ по всѣмъ правиламъ «военнаго искусства» совершенно имъ не удалась, тогда какъ шустрыя казачки ловили ихъ запросто «кустарнымъ способомъ».

Послѣ угрюмыхъ и непривѣтливыхъ жителей Лежанки было пріятно находиться среди привѣтливыхъ и веселыхъ казаковъ.

24 февраля. Переходъ въ 26 верстъ въ станицу Незамаевскую.

Это былъ спокойный и легкій переходъ. Какъ-то даже забывалось, что гдѣ-то за предѣлами горизонта насъ сторожитъ злой и непримиримый врагъ. Кругомъ была тишина, въ степи вдоль дороги видны были пашущіе землю казаки, кое-гдѣ, даже на ранней зелени паслись стада. Жаворонки заливались въ ясномъ небѣ.

Въ ст. Незамаевской отношеніе къ добровольцамъ самое радушное. Эта станица, первая изъ Кубанскихъ дала 2 сотни добровольцевъ — одну пѣшую и одну конную.

Алексѣевъ и Корниловъ держали рѣчи на станичныхъ сходахъ, какъ въ Незамаевской, такъ и раньше въ другихъ станицахъ. Старые казаки сочувственно кивали головами, но записывались въ Добровольческую армію въ небольшомъ количествѣ. Одинъ степной казакъ долго сѣтовалъ на то, что Корниловъ не производитъ набора по мобилизаціи: «Кто своей охотой пойдетъ съ вами, у того большевики начисто разорятъ все хозяйство. А коли мобилизуете, родственники говорить будутъ: «Корниловъ забралъ казаковъ силой, ну смотришь, ихъ хозяйства и не тронутъ...»

25 февраля. Переходъ въ ст. Веселую (хуторъ Ново-Елизаветинскій — 15 верстъ.

Въ 6 час. утра Армія выступила изъ гостепріимной ст. Незамаевской на ст. Веселую. Въ аріергардѣ шелъ Чехо-Словацкій батальонъ. Неожиданно на него наскочило два эскадрона красной конницы, но батальонъ не растерялся и развернулся противъ конницы, а одинъ изъ пулеметчиковъ своимъ

мѣткимъ огнемъ нанесъ большія потери краснымъ и тѣ быстро повернули обратно. Ген. Корниловъ приказалъ этому пулеметчику выдать 5000 рублей наградныхъ.

Въ ст. Веселой Армія осталась до ночи, чтобы въ темнотѣ перейти Владикавказскую ж. д. по которой сновали броневые поѣзда красныхъ.

Около 9 ч. вечера Армія выступила въ направленіи на Сосыку, но черезъ нѣсколько верстъ повернула на югъ.

При выходѣ изъ станицы Армію догналъ небольшой отрядъ изъ 6 конныхъ и 13 пѣшихъ на подводахъ подъ командой полк. Биркина, въ этомъ «отрядѣ» было 4 офицера, 6 кадетъ и 9 донскихъ казаковъ. Онъ продѣлалъ съ большимъ рискомъ путь отъ Новочеркасска, съ временнымъ присоединеніемъ къ донскому отряду ген. Попова, въ Сальскихъ степяхъ, мимо Лежанки, уже вновь занятой красными. Всѣ прибывшіе были зачислены въ Офицерскій полкъ.

26 февраля. Ночной переходъ черезъ Владикавказскую ж. д. у ст. Ново-Леушковской. Дневной переходъ дальше въ ст. Старо-Леушковскую. Всего 60 верстъ.

Передохнувъ днемъ въ хуторѣ Веселомъ Добр. Армія, имѣя въ авангардѣ Корниловскій п. въ 10 час. вечера двинулась дальше. Въ полной тишинѣ шли всю ночь. Руки нѣмѣли отъ винтовокъ, ноги наливались тяжестью, глаза слипались, но шли и шли безостановочно. По молчаливой степи лишь разносилось непонятное и жуткое шуршаніе... Въ предутреннемъ сумракѣ подошли къ ст. Ново-Леушковской. Неожиданных пришельцевъ казаки встрѣтили хлѣбомъ-солью. Не задерживаясь въ станицѣ, вышли къ жел. дорогѣ, подрывники взорвали ж. д. съ обѣихъ сторонъ перехода. Подошедшій къ мѣсту взрыва красный бронепоѣздъ былъ отогнанъ нашей артиллеріей и армія благополучно перешла ж. д. и направилась къ ст. Старо-Леушковской. Снова подкатилъ красный бронепоѣздъ и по сторонамъ дороги стали рваться гранаты, но къ счастью безъ вреда для насъ. Только къ семи часамъ вечера арьергардъ арміи вошелъ въ ст. Старо-Леушковскую, гдѣ Армія, сдѣлавъ въ теченіе 37 часовъ, съ шестичасовымъ перерывомъ, переходъ въ 60 верстъ, заночевала.

Ночью на сторожевую заставу Корниловцевъ наткнулись красные, не ожидавшіе, что станица занята Добровольцами. Всѣ они (около 100 человѣкъ) были переколоты штыками, а бывшіе съ ними подводы съ оружіемъ были захвачены.

Этотъ большой переходъ сказался на обуви пѣхоты. У многихъ сапоги разлѣзлись. «Въ первомъ же бою добыть цѣлые сапоги» приказалъ ген. Марковъ.

27 февраля. Переходъ въ ст. Иркліевскую — верстъ. 28-го февраля. Дневка въ Иркліевской.

При отличной теплой погодѣ и по хорошей дорогѣ Армія спокойно перешла въ ст. Иркліевскую.

Среди офицеровъ споры о дальнѣйшемъ пути Арміи, то ли на Тихорѣцкую, для уничтоженія крупнаго большевицкаго центра на этой важной узловой станціи, то ли на Екатеринодаръ, для поддержки Кубанскаго правительства въ его борьбѣ съ атакующими его небольшими отрядами большевиковъ, наступающими съ трехъ сторонъ на столицу Кубани.

Дневка прошла спокойно. Люди отдохнули и, кто смогъ, починили сапоги и одежду.

НАЧАЛО ПОХОДА КУБАНСКИМЪ ОТРЯДОМЪ

Неудача 26 февраля у Выселокъ, общій упадокъ духа въ Екатеринодарѣ и отсутствіе свѣдѣній о Добровольческой Арміи привели Кубанскаго Атамана къ рѣшенію оставить 28 февраля свою столицу Екатеринодаръ и уйти за р. Кубань въ черкесскіе аулы, а оттуда двигаться вдоль Кавказскаго хребта черезъ Майкопъ въ Баталпашинскъ.

Вмѣстѣ съ отрядомъ ушелъ и командированный въ Екатеринодаръ еще изъ Ростова представитель Добр. Арміи ген. Эрдели.

1-го марта въ Березанскую 18 верстъ, занятіе ея съ боемъ. Выдвиженіе авангарда въ ст. Журавскую — 12 верст. Кубанскій отрядъ. Переходъ въ аулы Тахтамукай и Шенджій.

Наканунѣ выхода арміи изъ Иркліевской къ ген. Корнилову прибыла депутація изъ ст. Березанской пригласившая Армію посѣтить ихъ станицу. Авангардъ арміи поэтому спокойно подходилъ къ Березанской, но неожиданно былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ вырытыхъ вокругъ станицы окоповъ. Оказывается, наканунѣ вечеромъ иногородніе и фронтовики одержали верхъ на станичномъ сборѣ и рѣшили армію не пропускать. Здѣсь впервые противъ Добр. Арміи выступили кубанскіе казаки. Бой былъ кратокъ: огонь артиллеріи и быстро наступавшія цѣпи Корниловцевъ и Офицерск. полка заставили большевиковъ бѣжать изъ окоповъ. Пришлые бѣжали въ ст. Журавскую, а мѣстные разошлись по домамъ и попрятали оружіе. При въѣздѣ ген. Корнилова въ станицу станичное начальство поднесло ему хлѣбъ-соль, но онъ отвернулся отъ нихъ и проѣхалъ мимо. Затѣмъ онъ вызвалъ стариковъ и приказалъ имъ объяснить ихъ вѣроломство. Старики оправдывались, ссылаясь на иногороднихъ и свою молодежь. Такъ какъ иногородніе бѣжали изъ станицы, то Корниловъ приказалъ старикамъ

наказать свою молодежь и вечеромъ въ станичномъ правленіи старики пороли молодыхъ нагайками за ихъ выступленіе противъ Добровольческой арміи.

Конный дивизіонъ преслѣдовалъ красныхъ до станціи Журавской и занялъ ее; Офицерскій полкъ послѣ небольшого привала въ Березанской также перешелъ въ Журавскую.

Кубанскій отрядъ.

Въ ночь на 1-ое марта, подъ дождемъ и снѣгомъ, Добровольческіе отряды ген. Улагая, полк. Лесевицкаго и полк. Покровскаго покидаютъ Екатеринодаръ. Съ ними, въ полномъ составѣ, Кубанское Войсковое правительство, Кубанскій Войсковой штабъ, Войсковой атманъ ген. Филимоновъ съ Н-комъ шетаба полк. Науменко. Колонна двигается на югъ въ направленіе на аулъ Шенжій, а дальше — въ неизвѣстность.

Обозъ, съ прикрытіемъ отряда офицеровъ и добровольцевъ-учащихся, увозящій изъ Екатеринодара раненыхъ, войсковыя регаліи и войсковую казну въ золотыхъ монетахъ, медленно двигается по разъѣзженной грунтовой дорогѣ. Грязь по колѣно. Подводы перегружены и ежеминутно останавливаются и прикрытіе промокшее и усталое должно помогать вытягивать ихъ изъ грязи.

Въ тылу усиливается стрѣльба и по колоннѣ приказъ: «не курить и громко не разговаривать». Дорога поднимается въ гору, много подводъ останавливается для отдыха, среди нихъ казенная запряженная хорошими, но выбившимися изъ силъ лошадьми, патронная двуколка. Прикрытія подходя къ ней, чтобы облегчить двуколку, получаютъ отъ ѣздового полковника Кадушкина бѣлыя мѣшечки и идутъ съ ними дальше. Мѣшечки тяжелые, фунтовъ по 15-20 съ сургучными печатями и свинцовыми пломбами. Въ мѣшечкахъ золотыя монеты Кубанской войсковой казны. Нести ихъ тяжело, а бросить нельзя — казенные и необходимые. Подъ утро привалъ у какихъ-то стоговъ. Отягощенные добавочной ношей добровольцы бросаются подъ стога и засыпаютъ мертвымъ сномъ. Утромъ сборъ на площади аула. Прежде всего освободиться отъ тяжелой и отвѣтственной ноши; полковн. Кадушкинъ на площади принимаетъ обратно цѣнный грузъ. Все сдано? Ну, конечно, вѣдь это же войсковая казна! И позже она сослужила большую службу Добровольческой Арміи.

2 марта. Переходъ въ ст. Журавскую — 15 верстъ.

Армія перешла въ ст. Журавскую, выдѣливъ Корниловскій п. и конный дивизіонъ п. Гершельмана для занятія ст. Выселки на ж. д. Тихорѣцкая-Екатеринодаръ въ 10 верстахъ отъ Журавской.

При подходѣ Корниловскаго п. къ Выселкамъ красные открыли артиллерійскій огонь. Стремительной атакой батальона Корниловцевъ станція была взята. Кромѣ плѣнныхъ, захватили пулеметы, немного снарядовъ, большую партію сахару, въ которомъ остро нуждалась армія и въ одномъ изъ вагоновъ... дамское бѣлье. Свое бѣлье Корниловцы давно износили и за неимѣніемъ мужскаго воспользовались этимъ дамскимъ и со смѣхомъ и шутками облеклись въ прошивки и кружева.

Передавъ взятую станцію конному дивизіону полк. Гершельмана, Корниловцы перешли на ночлегъ въ хуторъ Малеваный, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи.

Див. полк. Гершельмана не выставилъ должной охраны и не взорвалъ желѣзнодорожнаго полотна въ сторону Тихорѣцкой, этимъ воспользовались красные, подошелъ бронепоѣздъ и выбилъ нашихъ конниковъ со станціи, а подвезенная въ эшелонахъ красная пѣхота и матросскій отрядъ заняли станцію, поселокъ и каменное зданіе мельницы. Оставлять у себя на флангѣ сильную группу врага ген. Корниловъ не могъ и приказалъ Партизанскому полку ген. Богаевскаго ночнымъ штурмомъ выбить красныхъ изъ Выселокъ. Но въ маленькой станицѣ Журавской было такъ тѣсно для арміи, что партизаны почти не имѣли крыши надъ головой и могли поѣсть и отдохнуть только къ разсвѣту, потому и атака была отложена на утро 3-го марта.

Въ станицѣ Журавской узнали тревожную вѣсть, что два дня тому назадъ былъ у Выселокъ бой между большевиками и Кубанскимъ правительственнымъ отрядомъ. Отрядъ потерпѣлъ сильный уронъ, отступилъ къ Екатеринодару и, по словамъ прибывшаго изъ Екатеринодара офицера, будто бы даже оставилъ и Екатеринодаръ и двинулся на югъ въ горы.

3 марта. Бой Офицерскаго и Партизанскаго полковъ у станицы Выселки. Остальныя части Арміи въ ст. Журавской. Кубанскій отрядъ перешелъ въ ст. Пензенскую.

На разсвѣтѣ Партизанскій п. двинулся къ ст. Выселки въ 10 верстахъ отъ станицы Журавской. Большевики подпустили партизанъ на близкое разстояніе и открыли бѣшеный пулеметный и ружейный огонь по ихъ цѣпямъ, нанесшій имъ большія потери. Сразу было убито нѣсколько партизанскихъ ъ н-ковъ, въ томъ числѣ полк. Краснянскій и раненъ ес. Лазаревъ. Партизаны залегли. Въ помощь имъ были двинуты Офицерскь полкъ, техн. рота и 1-ая батарея. Съ дистанціи 50 шаговъ Офицерскій полкъ, во главѣ съ ген. Марковымъ, бросился въ штыки, красные бѣжали, но засѣвшіе въ мельницѣ и поселкѣ красные встрѣтили офицерскій полкъ сильнѣйшимъ огнемъ, а подошедшіе ихъ резервы снова перешли въ наступленіе. Въ это время къ ген. Маркову

Группа Первопоходниковъ Партизанскаго полка, во главѣ съ полкн. Писаревымъ

подскакалъ ес. Власовъ, командиръ одного изъ партизанскихъ отрядовъ.

Красивый молодой офицеръ, въ высокой папахѣ съ краснымъ верхомъ и краснымъ «баклановскимъ» башлыкомъ за плечами, легко соскочилъ съ коня. «Очень во время вы явились, есаулъ Власовъ. На нашъ лѣвый флангъ двинулись матросы, какъ бы до штыковъ дѣло не дошло. Слышите? Тамъ уже до стрѣльбы пачками дошло! Атакуйте ихъ, да поскорѣе» — приказалъ ген. Марковъ. «Слушаюсь, Ваше Превосходительство», и, однимъ прыжкомъ очутившись въ сѣдлѣ, Власовъ поскакалъ къ своей сотнѣ. Сверкнули шашки, сотня лавой бросилась на матросовъ, короткіе залпы красныхъ и казаки врубились въ наступавшихъ матросовъ, пощады не давали, но и сами понесли тяжкую потерю — былъ убитъ есаулъ Власовъ.

Ген. Марковъ, къ цѣпямъ котораго въ этотъ мигъ съ развѣвающимся флагомъ, подъѣхалъ Корниловъ со штабомъ воспользовался замѣшательствомъ красныхъ и бросился бѣгомъ въ атаку, а батарея Міончинскаго заставила замолчать огонь съ мельницы и отогнала красный бронепоѣздъ.

Станція и поселокъ были взяты, но красные, въ составѣ коихъ были матросы (около 200 чел.), и солдаты 39 пѣх.

дивизіи, проявили на этотъ разъ большое упорство и извѣстную организованность и нанесли Добровольческимъ частямъ большія потери.

Послѣ боя участвующія въ немъ части остались на ночлегъ въ Выселкахъ и въ рядомъ лежащей станицѣ Суворовской, жителямъ коей, въ наказаніе за ихъ участіе на сторонѣ красныхъ, приказано было не платить за продовольствіе.

На ст. Выселки былъ обнаруженъ большой врагъ арміи — спеціальный хорошо оборудованный поѣздъ для исправленія желѣзно-дорожнаго полотна и станцій, его облили керосиномъ и сожгли. Во время похода говорили, что между красными и Добровольцами та разница въ тактикѣ, что красные ѣздятъ вдоль по желѣзной дорогѣ, а добровольцы ходятъ поперекъ ихъ, а потому всякій поѣздъ былъ врагомъ ихъ.

На молодежь офицерскаго полка и даже и на кадровыхъ офицеровъ, огромное впечатлѣніе произвелъ пожилой шт.-капитанъ своей выдержкой и хладнокровіемъ. Въ бою подъ Выселками ему прострѣлили насквозь лѣвое плѣчо, подъ самой ключицей и лѣвую же руку на ладонь ниже плеча. Онъ не пошелъ ложиться въ лазаретъ, а только попросилъ перевязать его и вернулся въ полкъ.

— Что вы дѣлаете? Зачѣмъ рисковать?

— Наоборотъ! Не рисуясь, а просто отвѣтилъ онъ. «Въ лазаретныхъ повозкахъ больше риска заразиться, чѣмъ здѣсь на чистомъ воздухѣ... Въ телѣгѣ неудобно. Толкать будетъ. Ухабы. Да и не хочу туда. Пустяшная рана, быстро на ходу заживетъ».

Вся рота смотрѣла на него и въ глазахъ смотрѣвшихъ свѣтилось глубокое къ нему почтеніе. На слѣдующій день, ген. Марковъ, обгоняя свой полкъ, увидѣлъ его идущимъ за полкомъ и первый отдалъ ему честь.

4 марта. Наступленіе на Кореновскую. Переходъ въ 15 верстъ. Упорный бой.

Красная армія Сѣвернаго Кавказа рѣшила остановить движеніе Добровольческой арміи и сосредоточила у ст. Кореновской, на заранѣе укрѣпленной позиціи до 10-12.000 войскъ при нѣсколькихъ бронепоѣздахъ.

Добровольческой арміи у Кореновской пришлось драться не только съ превосходящимъ ее во много разъ противникомъ, но и значительно лучше организованнымъ. Мѣткость же стрѣльбы красной артиллеріи и бронепоѣздовъ была почти такая же какъ и въ офицерскихъ батареяхъ.

Для боя развернулись всѣ части. Въ обходъ станицы справа были двинуты партизаны и юнкера. Съ фронта наступали Корниловцы, а на лѣвомъ флангѣ офицерскій полкъ.

Бой начался съ ранняго утра и въ теченіе дня нѣсколько разъ назрѣвалъ кризисъ. Атаки Корниловцевъ и Офицерскаго полка чередовались съ контратаками красныхъ, массами наступавшихъ на наши рѣдкія цѣпи. Положеніе спасаютъ, то самоотверженные пулеметчики, всѣ перераненные, но открывавшіе мѣткій огонь въ 100 шагахъ отъ красныхъ, то образовавшійся, въ другомъ мѣстѣ прорывъ затыкается «резервомъ» изъ 10 -12 легко раненыхъ юнкеровъ, возвращающихся послѣ перевязки въ строй. Особенно тяжелыя потери наносилъ Добровольческимъ частямъ бронепоѣздъ красныхъ, котораго такъ и не удалось окончательно подбить. Артиллерійскіе снаряды были всѣ израсходованы, въ обозѣ оставалось къ концу боя всего 30 шрапнелей. Ген. Корниловъ все время находился подъ ружейнымъ огнемъ, представляя со своимъ штабомъ и развернутымъ флагомъ прекрасную цѣль. Ген. Марковъ, полк. Нѣженцевъ, ген. Богаевскій, ген. Казановичъ лично водили въ атаку свои части.

Наконецъ, около 3-4 часовъ дня, нашъ правый флангъ, Партизанскій полкъ и юнкера, перешли въ атаку, охватывая станицу справа и выходя ей въ тылъ. Офицерскій полкъ, а затѣмъ и наиболѣе пострадавшій Корниловскій поддерживаютъ его и красные въ паникѣ бросаются назадъ, спасаясь въ камышахъ рѣки Бейсужекъ и переходя ее въ бродъ.

Станица и желѣзнодорожная станція Станичная взяты. Красные отходятъ, поддержанные огнемъ своего бронепоѣзда.

На желѣзнодорожной станціи былъ захваченъ цѣлый составъ, въ которомъ оказались такъ необходимые артиллерійскіе снаряды, — около, 600 штукъ, — ружейные патроны, медикаменты, бѣлье и продовольствіе. На двухъ платформахъ былъ приготовленъ для красныхъ обильный обѣдъ, который использовали офицерскій полкъ и шедшая съ ними батарея.

Въ этомъ бою добровольцы понесли большія потери, особенно Корниловцы, было убито около ста человѣкъ и четыреста раненыхъ. Во время боя, при временныхъ отходахъ нашихъ частей было видно, какъ красные прикалывали нашихъ раненыхъ, видя это нѣкоторые раненые имѣвшіе револьверы тутъ же стрѣлялись, это особенно ожесточало добровольцевъ.

Наши потери были нѣсколько пополнены прибывшими въ Армію тремя сотнями казаковъ кубанцевъ изъ станицы Брюховецкой.

5 марта. Днежка въ Кореновской, вечеромъ выступленіе въ Усть-Лабинскую станицу, въ обходъ г. Екатеринодара.

Ночь на пятое прошла спокойно. Съ утра красный бро-

непоѣздъ нѣсколько разъ приближался къ Кореновской и издали обстрѣливалъ ее. Въ направленіи на ст. Платнировскую были видны цѣпи красныхъ, занимавшія позиціи, и далеко сзади дымки паровозовъ, очевидно подвозившихъ подкрѣпленія.

Въ этотъ день было точно выяснено, что Кубанскій правительственный отрядъ покинулъ Екатеринодаръ и ушелъ за Кубань въ горы, но куда точно не было извѣстно. Это извѣстіе и докладъ ген. Корнилову командирами полковъ ген. Марковымъ и полк. Нѣженцевымъ о большихъ потеряхъ и крайнемъ утомленіии людей, понудили ген. Корнилова идти въ обходъ Екатеринодара на ст. Усть-Лабинскую. Объ этомъ рѣшеніи въ полкахъ узнали только вечеромъ и то только отчасти, стало извѣстно, что выступаемъ съ наступленіемъ темноты, но куда неизвѣстно. «Не хорошо быть простымъ солдатомъ. Ну что за жизнь, когда не знаешь, что дѣлается вокругъ. Куда же мы теперь идемъ? Праздный вопросъ! Развѣ солдатъ можетъ знать куда и зачѣмъ идетъ армія?» (Изъ разговора внѣ строя).

Бой подъ Кореновской и Выселками и уходъ Кубанскаго отряда въ горы показали, что надежды ген. Корнилова, что Кубань возстанетъ при приближеніи Добровольческой арміи, не оправдалась. Кубань оказалась наполненной солдатами съ Кавказскаго фронта. Большевики забрали ихъ въ руки и начали проводить въ жизнь лозунгъ Ленина «миръ хижинамъ — война дворцамъ» и «все дозволено».

Съ наступленіемъ темноты, армія, имѣя въ авангардѣ Корниловскій полкъ, выступила на югъ. Походный лазаретъ увеличился почти на 200 подводъ, на которыхъ размѣстили новыхъ раненыхъ. Безконечную колонну повозокъ лазарета и обоза съ этого дня прозвали въ шутку «главными силами» арміи. Въ арьергардѣ шелъ Партизанскій полкъ ген. Богаевскаго. Обойдя станицу Раздольную, армія вышла на большой трактъ на Усть-Лабинскую. Большевицкія газеты о боѣ подъ Кореновской писали такъ: «Нашъ передовой отрядъ подъ Кореновской потерпѣлъ неудачу, столкнувшись со всем авангардомъ Корниловскихъ бандъ, состоящемъ изъ 20.000 добровольцевъ».

6 марта. Переходъ въ 46 верстъ до вечера и наступленіе съ боемъ на станицу Усть-Лабинскую.
Кубанскій отрядъ. Движеніе на аулы Дворянскій и Тахтамухабль. Вечеромъ переправа черезъ Кубань у Дворянскаго и бой.

«По привольнымъ степямъ Дона и Кубани ходила Добровольческая армія, малая числомъ, оборванная, затравленная, окру-

женная, — какъ символъ гонимой Россіи и русской государственности.».

Ген. Деникинъ

Корниловъ избралъ очень рискованный путь. Добровольцы вошли внутрь треугольника, образуемаго желѣзнодорожными линіями, соединяющими Екатеринодаръ, Кавказскую и Тихорѣцкую.

Эти вершины треугольника были крупными базами противника. Тамъ находились сильные гарнизоны и стояли броневые поѣзда.

Прямо передъ арміей, пересѣкая трактъ, лежитъ желѣзнодорожная линія, связывающая Екатеринодаръ съ Кавказской. Далеко бѣлѣютъ дымки паровозовъ, спѣшно подвозящихъ и справа и слѣва эшелоны пѣхоты и артиллеріи на помощь усть-лабинскимъ большевикамъ.

Налѣво — болото. Сзади платнировскій отрядъ. Направо — пожалуйте въ Екатеринодаръ.

Окруженная со всѣхъ сторонъ армія тѣмъ не менѣе не ограничиваетъ своихъ дѣйствій пассивной обороной, а смѣло бросается на врага, ибо только въ движеніи впередъ спасеніе.

Переходъ изъ Кореновской къ Усть-Лабинской начался ночью, чтобы скрыть перемѣну направленія движенія Арміи. Шли молча, лишь шумъ колесъ обоза выдавалъ движеніе арміи. Къ разсвѣту прошли половину пути, какъ внезапно тишину нарушилъ трескъ ружейной пальбы. Это большевики изъ Платнировской догнали армію и стали насѣдать на Партизанскій полкъ, шедшій въ арьергардѣ.

Корниловцы, шедшіе въ авангардѣ быстро смяли мѣстныхъ красныхъ въ станицѣ Усть-Лабинской, захватили станицу, мостъ черезъ Кубань и быстро двинулись къ ст. Некрасовской. Другія части стали втягиваться въ станицу, сталъ подтягиваться и обозъ, стоявшій все время въ степи и несшій потери отъ артиллерійскаго огня насѣдавшихъ съ тыла бандъ Сорокина. Въ это время внезапно подошло два бронепоѣзда со стороны ст. Кавказской и эшелонъ съ пѣхотой, а на окраинахъ станицы мѣстные большевики открыли ружейную стрѣльбу. На площади, гдѣ остановился штабъ ген. Корнилова стали рваться шестидюймовые снаряды. Корниловъ отдалъ приказъ: на площади поставить батарею, Корниловскому полку вернуться назадъ, а Офицерскому повернуть противъ подошедшихъ отъ Кавказской. Контръ атаками этихъ частей красные отбиты, Офицерскій полкъ съ батареей подбилъ красный бронепоѣздъ. Красные съ большими потерями бѣжали. Путь черезъ станицу и переправа черезъ Кубань, со слегка попорченнымъ мостомъ свободенъ. Спѣшно проходятъ впередъ «главныя силы» — санитарный и хо-

зяйственный обозъ. Послѣдними переходятъ мостъ Партизаны ген. Богаевскаго. Добровольческая армія еще разъ выскочила изъ окруженія, въ этомъ случаѣ полнаго. Только въ темнотѣ вся армія, сдѣлавъ еще 10- верстный переходъ, собралась въ ст. Некрасовской для короткаго отдыха.

«Извѣстія» отъ 7-го марта писали: «Бѣлогвардейцы снова заперты въ кольцѣ войскъ, болѣе тѣсномъ. Часъ расплаты Корнилова, Алексѣева и всѣхъ главарей, находящихся у нихъ въ отрядѣ, сталъ ближе». Но рано похоронили большевики Добровольческую Армію!

7 марта. Дневка въ Некрасовской.
Кубанскій отрядъ. Бой за переправу черезъ Кубань.

Только поздно ночью добровольцы расположились на ночлегъ въ ст. Некрасовской.

Лишь тутъ сказалось утомленіе арміи отъ непрерывныхъ переходовъ съ ежедневными боями. Всѣ повалились, гдѣ стояли, и станица замерла.

Не спится лишь вождямъ арміи. Заботы гонятъ сонъ:

— Теперь ушли; счастливо вывернулись изъ проклятого треугольника. Что дальше? Куда идти? Въ горы? А кто кормить будетъ? Голодъ. Смуты. Все пропадетъ.

Легкій скрипъ двери.

— Кто тамъ?

— Дежурный ваше пр-ство. Потрудитесь выйти на минутку.

Генералъ вскакиваетъ съ кровати и спѣшитъ за дежурнымъ на крыльцо.

— Прислушайтесь, ваше пр-ство.

Мертвая тишина. Небо ясно, и лишь на западѣ темнѣютъ какія-то облачныя полосы.

Но вотъ тучка вспыхнула, и черезъ нѣсколько минутъ какъ будто проворчалъ отдаленный раскатъ грома.

Еще и еще разъ.

— Да, несомнѣнно, они тамъ. Ночной бой. Разбудите командующаго.

Но командующему самому не спится. Онъ слышитъ шепотъ и выходитъ на терассу.

— Что тутъ у васъ?

— Покровскій и Эрдели дерутся тамъ.

Новая вспышка указываетъ мѣсто боя на юго-западѣ.

Никто изъ развѣдчиковъ, тайно посланныхъ отыскать хотя бы слѣды арміи ген. Покровскаго, не вернулся.

Мѣстные жители давали показанія, другъ другу противоположныя. Армія пропала. И только теперь это ночное безмолвіе открыло важную тайну.

7-го марта во время дневки Ст. Некрасовскую больше-

вики обстрѣливали ружейнымъ и артиллерiйскимъ огнемъ

Въ храмѣ шло богослуженiе. Почтенный священникъ говорилъ проповѣдь о поддержкѣ Добровольческой Армiи, о чемъ стало извѣстно большевикамъ, и они послѣ ухода армiи разстрѣляли этого священника. Пострадалъ также и зажиточный купецъ въ домѣ котораго стоялъ штабъ армiи. Жена купца была живой копiей знаменитой картины Леонардо да Винчи «Монна Лиза».

8 марта. Утромъ переправа черезъ р. Лабу. Переходъ въ 20 верстъ, съ непрерывными боями. Ночлегъ въ районѣ хутора Киселевскаго.

Кубанскiй отрядъ: бой за обладанiе переправой черезъ Кубань у Дворянскаго.

Утромъ 8 марта мы уходимъ изъ Некрасовской. Эта станица стоитъ на высокомъ холмѣ, надъ которымъ возвышается прекрасный храмъ, видимый издалека. Подъ нашими ногами, десятками весеннихъ рукавовъ, пробѣгала разлившаяся рѣка; много верстъ шла долина, а вдали на горизонтѣ, этимъ яснымъ солнечнымъ утромъ, были видны туманныя синiя горы кавказскаго хребта.

Юнкерскiй батальонъ форсировалъ Лабу; малыши «пускали пузыри», такъ глубокъ былъ бродъ. Инженерная рота быстро навела мостъ и къ вечеру Добр. Армiя двинулась прямо на югъ.

Мы вошли въ мѣстность, населенную въ перемѣшку казаками, черкесами и иногороднимъ крестьянскимъ населенiемъ, послѣднее отличалось особой революцiонностью и ненавистью къ казакамъ и къ намъ «кадетамъ». Хутора были почти пустые. Населенiе перебѣжало къ большевикамъ, окружавшихъ насъ, которые разсказывали всяческiе ужасы о насилiяхъ, якобы творимыхъ нашими войсками, и населенiе часто принимало самое дѣятельное участiе въ борьбѣ противъ насъ — добровольцевъ.

Эти хутора, одинъ за другимъ, стали загораться. Ихъ поджигали шедшiе въ авангардѣ казаки-партизаны, мстя за ихъ совмѣстныя съ большевиками выступленiя противъ казаковъ и добровольцевъ. Что толкало крестьянъ идти противъ добровольцевъ и казаковъ неизвѣстно. Жили они богато, дворы были полны скотомъ и птицей· Ѣли они прекрасный пшеничный хлѣбъ, собственной выпечки, дѣлая дрожжи изъ своего же хмеля.

На ночлегъ Армiя остановилась въ нѣсколькихъ, близко одинъ отъ другого расположенныхъ хуторахъ. Въ хатахъ нашлось мѣсто только для раненыхъ и для штаба армiи. Большинству пришлось ночевать подъ скирдами соломы у костровъ, по дворамъ. Въ одномъ изъ дворовъ пришлось наблюдать нѣсколько комическую картину. Въ обозѣ армiи на по-

возкѣ «историческаго хлама», какъ назвалъ ее ген. Корниловъ, ѣхали: б. тов. предсѣдателя Государственной Думы Львовъ, б. товарищъ министра путей сообщенія ген. Кисляковъ и б. предсѣдатель Главнаго К-та Союза офицеровъ подп. Новосильцевъ и писатель И. Родіоновъ. Ген. Кисляковъ (быховецъ), всегда элегантный въ прошломъ, ѣхалъ въ этой повозкѣ въ генеральской шинели съ красными отворотами. Въ вечеръ ночлега на хуторѣ онъ въ этой шинели стоялъ у нашего костра и неумѣло и уныло общипывалъ курицу, которую потомъ жарилъ на вертелѣ и тутъ же улегся на соломѣ спать.

9 марта. Переходъ-наступленіе въ хуторъ Филипповскій — 15 верстъ.
Кубанскій отрядъ: движеніе сначала на аулъ Гатмукай, а затѣмъ вечеромъ переходъ между Пензенской и ауломъ Шенжій на ст. Калужскую.

Въ этотъ день Добр. Армія оказалась въ наиболѣе тѣсномъ тактическомъ окруженіи. Многочисленные хутора, пересѣченная мѣстность съ небольшими рощами, — все затрудняло движеніе Арміи и давало прикрытіе краснымъ, которые хорошо это использовали и обстрѣливали ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ не только строевыя части, но и обозъ съ ранеными, который шелъ въ центрѣ, охраняемый со всѣхъ сторонъ.

Хуторъ Филипповскій защищался значительными силами красныхъ въ окопахъ по гребню передъ хуторомъ. Офицерскій полкъ съ фронта и Партизанскій въ обходъ, не останавливаясь, пошли въ атаку на окопы. Особенно ожесточенный бой былъ у Партизанъ. Красные, подпустивъ къ окопамъ офицерскій полкъ шаговъ на 200, когда уже можно было различать даже ихъ лица, вдругъ стремительно очистили окопы и бросились въ ближайшій густой лѣсъ.

Во время этой атаки ген. Корниловъ, какъ всегда былъ вблизи нашихъ цѣпей; его штабъ пріостановился около одной копны сѣна и тутъ пришлось видѣть необыкновенное раненіе. Пули все время посвистывали вокругъ. Вдругъ послышался глухой ударъ, какъ будто бы пуля ударила во что-то упругое, и Ген. Шт. полк. Патроновъ схватился за голову: «меня ранили въ голову», дѣйствительно изъ его праваго уха показалось нѣсколько капель крови. «Гдѣ же выходное отверстіе? Не видно». Онъ продолжалъ стоять и разговаривать, только сильно поблѣднѣлъ. Оказалось, что пуля обошла вокругъ черепа и засѣла гдѣ-то около шеи. Онъ остался живъ и позже даже продолжалъ служить, но эта пуля причиняла ему мучительныя боли.

Хуторъ Филиповскій былъ взятъ «пустымъ». Всѣ жители бѣжали. Въ нѣкоторыхъ хатахъ былъ найденъ на столѣ даже

горячій обѣдъ, оставленный стремительно бѣжавшими хозяевами. Въ одномъ изъ хлѣвовъ обнаружили спрятавшихся бабъ, спросили ихъ — чего они испугались и получили неожиданный отвѣтъ: намъ сказали, что идутъ кадеты, похожіе на волковъ и всѣхъ убиваютъ. Ночью было нѣсколько тревогъ, быстро прекращенныхъ.

10 марта. Выступленіе изъ Филипповскаго съ боемъ Занятіе ст. Рязанской. Дальнѣйшій переходъ въ аулъ Несшукай 20 верстъ.

Кубанскій отрядъ. Бой у ст. Калужской. Прибытіе къ нему разъѣзда отъ генерала Корнилова.

Съ ранняго утра красные повели наступленіе на Филипповскій со стороны пройденныхъ наканунѣ хуторовъ. Армія, имѣя въ авангардѣ Корниловскій полкъ, еще наканунѣ занявшій переправу съ мостомъ черезъ р. Бѣлую, двинулась на ст. Рязанскую. Дорога въ двухъ-трехъ верстахъ отъ хутора подымалась на невысокій гребень уже занятый крупными силами красныхъ, лѣсъ въ сторонѣ также занятъ ими. Корниловцы съ трудомъ сбили передовыя части красныхъ и едва могли продвигаться впередъ. Обстрѣлъ начался съ фланговъ и съ тыла. Стремительныя атаки офицерскихъ ротъ, руководимыя вездѣ поспѣвающимъ ген. Марковымъ, захлебнулись. На Партизанскій полкъ въ арьергардѣ насѣдаютъ пре восходныя силы и тѣснятъ его. Ген. Богаевскій проситъ поддержки. Конвой ген. Корнилова, легко раненые офицеры и чины обоза, кто помоложе всѣ высланы въ цѣпи. Несчастный обозъ съ ранеными, сгруппированный возможно тѣснѣе въ лощинѣ, обстрѣливаютъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, убиваютъ австрійца-кучера ген. Алексѣева, ранятъ и въ обозѣ.

Впервые за весь походъ происходитъ какая-то заминка въ наступленіи. Вдругъ радостное «ура» несется по фронту. Прискакалъ всадникъ изъ Кубанскаго отряда. Онъ дерется въ 40-50 верстахъ отъ Арміи. Внезапный переломъ въ Добровольческихъ цѣпяхъ и переполохъ у красныхъ, они бегутъ и скрываются въ лѣсахъ, и Армія вновь переходитъ въ наступленіе, сворачивается въ походную колонну и уже безпрепятственно идетъ къ станицѣ Рязанской. При входѣ въ станицу ген. Корнилова встрѣчаетъ депутація съ хлѣбомъ-солью и бѣлымъ большимъ флагомъ. Депутація становится на колѣни и проситъ пощадить станицу. Нѣкоторое недоумѣніе разъяснилось позже. Оказывается казаки этой станицы наканунѣ разграбили черкесскіе аулы и теперь боялись наказанія.

Въ этой станицѣ вновь доказательство дикой пропаганды большевиковъ о кадетахъ-звѣряхъ. Офицеръ штаба ген.

Корнилова заѣхалъ въ одинъ изъ дворовъ выпить воды и снялъ сапогъ и носокъ, чтобы вытряхнуть изъ него мусоръ. Когда молодая казачка, принесшая воду увидѣла ногу офицера, то съ удивленіемъ закричала: «да нога (у офицера) человѣческая!» «А какая же могла быть у меня нога» спросилъ онъ, «вѣдь и я человѣкъ, какъ и вы всѣ». «Да намъ говорили, что идутъ кадеты, какъ звѣри и ноги у нихъ какъ у черта съ копытами».

Авангардъ и главныя силы съ обозомъ прошли дальше въ аулъ Несшукай. Въ станицѣ остался штабъ арміи и арьергардъ — партизаны ген. Богаевскаго.

11, 12 и 13 марта. Аулы: Несшукай, Понежукай, Гатлукай, Вочепшій, Шенджій. Переходы въ 55 верстъ съ дневкой въ Несшукай.
Кубанскій отрядъ. Переходъ въ Калужскую.

Армія двигается черезъ черкесскіе аулы. Аулы, но на горные аулы не похожи. Обыкновенные дома, съ русскими печами. Только мечети съ небольшими минаретами придаютъ имъ особенный характеръ.

Движеніе арміи сильно замедлилось. Глинистую, лѣсную дорогу часто пересѣкаютъ ручьи и рѣчки. Перекинутые черезъ нихъ шаткіе мосты на высотѣ 5-6 саженъ — ненадежны. Повозки переходятъ ихъ съ интервалами. Конница идетъ вбродъ. Черкесы встрѣчаютъ привѣтливо. При входѣ въ аулъ развиваются бѣлыя ленты, какъ знакъ миролюбія жителей. Но это миролюбіе не спасло черкесовъ отъ большевицкихъ звѣрствъ. Скотъ у нихъ угнали, сакли разорили, даже ульи разрубили топорами, чтобы достать изъ нихъ медъ. Чистенькій бѣлый аулъ Хабукай совершенно пустъ. Большевики вырѣзали часть населенія, а оставшіеся ушли въ горы. Въ одномъ изъ ауловъ нашли табачные листья и курильщики сразу на нихъ набросились, дѣлали «собачьи ножки» изъ писемъ или листиковъ записныхъ книжекъ, а «аристократы» скатывали листы въ сигары.

14. марта. Соединеніе съ Кубанской арміей въ аулѣ Шенжій. Прибытіе къ ген. Корнилову ген. Покровскаго и ген. Эрдели съ конвоемъ. Аулъ Шенжи.

Балконы и изгородки усѣяны добровольцами.

Всѣ смотрятъ на дорогу по направленію къ ст. Калужской.

Изъ предмѣстья доносится громкое «ура». По дорогѣ идетъ конная сотня. На папахахъ наискосокъ зеленая лента съ мусульманскимъ полумѣсяцемъ. То черкесскій отрядъ сопровождаетъ командующаго екатеринодарской арміей ген. Покровскаго, прибывшаго на свиданіе съ ген. Корниловымъ.

Рядомъ съ нимъ ген. Эрдели.

На золотистомъ кровномъ скакунѣ подъѣзжаетъ Корниловъ.

Поздоровавшись съ конвоемъ, онъ въ краткомъ, горячемъ словѣ привѣтствуетъ давно желанное соединеніе армій и зоветъ всѣхъ на новые подвиги во имя великой родины.

Бурный восторгъ овладѣваетъ всѣми, и радостное оживленіе царитъ въ аулѣ.

Теперь всѣ вмѣстѣ. Силы удвоились.

— Въ Екатеринодаръ, въ Екатеринодаръ!

А даже соединенная армія не превышала 6-ти тысячъ, — считая все, что было въ обозѣ, т. е. раненыхъ и больныхъ, врачей, штабныхъ и штатскихъ, число которыхъ увеличилось значительно бѣженцами изъ Екатеринодара.

Но радость объединенія, имена извѣстныхъ всѣмъ генераловъ, непрерывныя удачи добровольцевъ, все это такъ воодушевляло, что люди забыли о существованіи науки — ариѳметики.

КУБАНСКІЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКІЙ ОТРЯДЪ ДО СОЕДИНЕНІЯ СЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІЕЙ.

Кубанскій Войсковой Атаманъ	Полк. Филимоновъ.
Командующій Отрядомъ	Ген.-м. Покровскій.
Начальникъ Штаба	Ген. Шт. Полк. Науменко.
Начальникъ Артиллерійской части	Полк. Чумаченко.
Начальникъ Инженерной части	Полк. Хабаловъ.
Начальникъ Санитарной части	Д-ръ Машенко.
Кубанскій стрелковый полкъ	Полк. Туненбергъ.
Кубанскій пластунскій батальонъ	Полк. Улагай.
Черкесскій конный полкъ	Ген.-м. Султанъ-Келечъ-Гирей.
Конный отрядъ	Ген. Шт. Полк. Кузнецовъ.
Конный отрядъ	Полк. Косиновъ.
Кубанская сводная батарея	Есаулъ Крамаровъ.
Кубанская полевая батарея	Кап. Виноградовъ.
Конно-артеллерійскій взводъ	Ес. Корсунъ.
Кубанская инженерная сотня	Кап. Бершовъ.
Конвой Командующаго Отрядомъ	Кап. Никитинъ.
Походный лазарет	Д-ръ Пеллерманъ.
Обоз Отряда	Ген. Шт. ген.-л. Карцовъ.

Всего въ Отрядѣ: 1.500 чел. пѣхоты, 500 чел. конницы, а всего съ ранеными, обозомъ и гражданскими лицами — около 3.000 чел.,8 орудій, 24 пулемета и 1 радіо станція

15 марта. «Ледяной походъ». Боевыя части въ ст. -Ново-Дмитріевскую. Переходъ съ боемъ — 30 верстъ. Обозъ и лазаретъ въ ст. Калужскую.

Кубанскій отрядъ изъ ст. Калужской двинулся на станицу Ново-Дмитріевскую.

Императоръ Павелъ I писалъ Суворову въ Швейцарію:

«Вы побѣдили не только непріятеля, но вы побѣдили и самую природу».

Добровольческая армія въ этотъ день шла по Суворовски. Объ этомъ днѣ писалъ поэтъ:

Кто завтра жребій смертный вынетъ,
Чей будетъ трупъ въ снѣгу лежать?
Молись,молись о дальнемъ сынѣ
Передъ святой иконой мать.

А сами добровольцы пѣли:

Подъ Новодмитріевской снѣгомъ занесены
Мокрые, скованы льдомъ,
Шли мы безропотно, дрались весело,
Грѣлись холоднымъ штыкомъ.

День былъ пасмурный, шелъ мелкій дождикъ, низкія облака неслись, гонимыя сильнымъ нордъ-остомъ. Становилось все холоднѣй и холоднѣй.

Тщетно укутывались добровольцы въ свои лохмотья. Дождь промочилъ насквозь ихъ убогую одежду, а въ дырявыхъ сапогахъ хлюпала ледяная вода.

Прошли такъ половину пути.

Нордъ-остъ разсвирѣпѣлъ, его порывы сливались въ сплошную бурю. Дождь превратился въ ледяныя иглы, больно бившія по лицу.

Верхняя одежда смерзлась и связала движенія рукъ и ногъ. Лошади также покрылись ледяной корой и еле передвигали ноги.

Добровольцы замерзали на открытыхъ отрогахъ Кавказа.

Наконецъ, вмѣсто дождя, сталъ падать снѣгъ гуще и гуще и все затмеваетъ степной буранъ.

Сгорбленная фигура приткнулась у подножья дерева, и снѣгъ заноситъ ее бѣлой пеленой.

Подходитъ санитаръ и расталкиваетъ ее.

— Оставьте, не могу больше, я умираю, — шепчутъ побѣлѣвшія губы, и изъ глазъ молоденькой сестры льются безсильныя слезы.

— Нельзя, сестра, замерзнете, — и санитаръ силой поднимаетъ ее и ведетъ дальше подъ руку.

Трахъ, — рвется граната у самой дороги, и какъ бы встряхиваетъ понурый отрядъ.

Роты подходятъ къ рѣчкѣ Черной, окаймляющей ст. Новодмитріевскую.

Объ арміи Покровскаго свѣдѣній нѣтъ, и посланные разъѣзды не нашли никого, кромѣ непріятельскихъ дозорровъ.

Маленькая рѣчка отъ дождя превратилась въ бурный потокъ и снесла всѣ мосты.

Подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля выбирается мѣсто, гдѣ теченіе не такъ быстро.

А вдругъ тутъ-то и глубоко.

Ген. Марковъ приказываетъ двумъ плѣннымъ большевикамъ идти въ воду — изслѣдовать бродъ. Тѣ, еле ворочая отъ холода языкомъ, отказываются.

Револьверъ къ носу, и красные уже въ рѣчкѣ. Барахтаясь и спотыкаясь, переходятъ они по грудь въ водѣ на другой берегъ.

— Посадить пѣхоту на крупъ лошадей и маршъ — командуетъ Марковъ.

Добровольцы не могутъ сами сѣсть верхомъ, вся одежда превратилась въ ледъ. Ихъ подсаживаютъ и поочередно перевозятъ черезъ потокъ.

Менѣе терпѣливые бросаются сами въ эту кашу изъ снѣга и воды, держа надъ головой винтовки и патроны.

— Пропалъ табачекъ, — горюетъ неисправимый курильщикъ.

Артиллерія добровольцевъ молчитъ. Орудія вмерзли въ грязь при остановкѣ, и ихъ бросили.

Непріятельскій огонь неистовствуетъ, и грохотъ орудій вырывается изъ завываній бури.

Добровольцы лезутъ на крутой, обледенѣлый откосъ берега. Скользятъ, падаютъ. Метель слѣпитъ глаза, руки коченѣютъ отъ холодной, какъ ледъ, винтовки... Впередъ, впередъ на эти бьющіе въ упоръ пулеметы.

Вотъ кучка офицеровъ уже на гребнѣ и ударили въ штыки.

Красные, не видя сколько врага, бросаютъ все и бѣгутъ черезъ станицу.

Добровольцы преслѣдуютъ ихъ, а другіе очищаютъ хаты.

Въ серединѣ станицы даже не знали, что армія уже вошла, и много красныхъ захватили врасплохъ. Они не думали, чтобы въ такую погоду можно было вести серьезное наступленіе, а за шумомъ бури, засѣвши въ теплыя хаты, вѣроятно, не слыхали и звуковъ боя въ самой станицѣ.

Генералъ Корниловъ со штабомъ вошелъ въ селеніе вмѣстѣ съ передовыми отрядами и по обыкновенію направился на площадь къ станичному управленію.

Оттуда ихъ встрѣтили огнемъ изъ винтовокъ, и только послѣ перестрѣлки командующій арміей завоевалъ себѣ право на убѣжище отъ метели.

— Только наши баричи — говорилъ герой этого дня ген. Марковъ — могутъ драться въ такой сатанинской обстановкѣ.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ

Вѣтеръ поземку стелетъ,
Треплетъ трехцвѣтный флагъ, —
Глушитъ порывъ метели

Топотъ и мѣрный шагъ.
Это Бояръ раскосый
Шелъ въ ледяной походъ,
Пѣли стальныя осы —
Алый сочился медъ.
Самъ генералъ Корниловъ
Родинѣ обручилъ
Фронтъ, не имѣвшій тыла,
Кромѣ своихъ могилъ.
Сквозь ледяныя рѣки
Шли переправы вбродъ —
Видимо въ каждомъ вѣкѣ —
Свой сумасшедшій годъ.
Только ружейный выстрѣлъ
Или въ упоръ картечь
Право давали, быстро,
Безъ приказанья лечь....
Перешагнувъ, живые
Шли соблюдать чередъ...
Только въ одной Россіи
Могъ быть такой походъ.

Князь Н. В. Кудашевъ

16-23 марта. Въ ст. Ново-Дмитріевской.

Съ 16 по 23 Добр. Армія оставалась въ ст. Ново-Дмитріевской, но отдыхъ не былъ полный. 16-го вошли въ станицу остальныя части Добр. Арміи, которыя ночевали передъ переправой черезъ р. Черную въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Весь день ушелъ на сушку одежды и бѣлья, на очищеніе станицы отъ остатковъ красныхъ, даже не знавшихъ, что станица занята Добровольцами. Артиллерійскія орудія, оставленныя за мостомъ и вмерзшія въ землю, вывезли на волахъ.

17-го изъ ст. Калужской пріѣхалъ Кубанскій атаманъ съ членами Кубанскаго правительства и съ ними былъ заключенъ договоръ.

Изъ Калужской же перешелъ санитарный обозъ. Нѣсколько раненыхъ замерзло во время «ледяного похода».

Пока въ Штабѣ г. Корнилова шло совѣщаніе съ Кубанскими представителями, красные повели наступленіе на станицу и часть ихъ даже ворвалась въ улицы, но была быстро уничтожена.

18 марта красные повели наступленіе съ трехъ сторонъ отъ ст. Григорьевской, Смоленской и Георгіе-Афипской. Ихъ снаряды ложились въ самомъ центрѣ станицы у штаба Арміи. Юнкера и партизаны опять отбили это наступленіе. Большевики въ послѣдующіе дни больше не наступали и добровольцы отдохнули и привели себя въ порядокъ, особенно

нуждаясь въ починкѣ обуви. Сапоги снимали съ убитыхъ и плѣнныхъ, такъ какъ купить сапоги было невозможно, а для починки не было времени.

19 марта прибылъ изъ Калужской Кубанскій отрядъ, и влился въ Добровольческую армію, которая послѣ этого получила слѣдующую организацію:

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ ПОСЛѢ СОЕДИНЕНІЯ СЪ КУБАНСКИМЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИМЪ ОТРЯДОМЪ.

Верховный Руководитель	Ген. Шт. ген. отъ инф. Алексѣевъ.
Командующій Арміей	Ген. Шт. ген. от инф. Корниловъ. Убитъ 31 марта, съ 31 марта — Ген. Шт. ген.-л. Деникинъ.
Начальникъ Штаба Арміи	Ген. Шт. ген.-м. Романовскій.
Весь составъ Штаба остался прежній, какъ въ таблицѣ 1.	
1-ая Бригада.	
Начальникъ бригады	Ген. Шт. ген.-л. Марковъ.
Начальникъ Штаба	Полк. Тимановскій.
1-ый Офицерскій («Марковскій») полк	Ген.-м. Боровскій.
1-ый Кубанскій Стрѣлковый полкъ	Полк. Туненбергъ.
1-ая батарея	Полк. Міончинскій.
4-ая батарея	Полк. Н. Третьяковъ.
1-ая инженерная рота	Полк. Банинъ.
2-ая Бригада.	
Начальникъ бригады	Ген. Шт. ген.-м. Богаевскій.
Начальникъ Штаба	Ротм. Чайковскій.
Корниловскій Ударный полкъ	Ген. Шт. Полк. Неженцевъ.
Партизанскій («Алексѣевскій») пѣшій полкъ	Ген. Шт. ген.-м. Казановичъ.
Кубанскій Пластунскій батальонъ	Полк. Улагай.
2-ая батарея	Пполк. Шмидтъ.
3-тья батарея	Полк. Ерогинъ.
5-ая Кубанская полевая батарея	Кап. Виноградовъ.
Кубанская инженерная сотня	Воен. инж. Полк. Поповъ.
Отдельная Конная Бригада.	
Начальникъ Бригады	Ген. Шт. ген. отъ кав. Эрдели.
Начальникъ Штаба	Ген. Шт. полк. Дрейлингъ.
1-ый конный полкъ	Полк. Глазенапъ.
Кубанскій конный полкъ	Пполк. Корниловъ.
Черкесскій конный полкъ	Ген.-м. Султанъ-Келечъ-Гирей.
Части, не входящія въ составъ бригадъ:	
Кубанская конная батарея	Ес. Крамаровъ.
Чехо-Словацкій инженерный батальонъ съ Галицко-Русскимъ	Кап. Неметчикъ.
взводомъ	Прап. Яцевъ.
Охранная рота	Полк. Дейло.
Конвой Командующаго Арміей (изъ Текинцевъ)	Полк. Григорьевъ.
Походный лазаретъ	Д-ръ Трейманъ.

Всего въ Арміи 6.000 бойцовъ, а съ ранеными, обозомъ и гражданскими лицами около 9.000 человѣкъ, 16 орудій, около 50 пулеметовъ и 1 радіо-станція.

Въ эти же дни былъ выработанъ планъ атаки Екатеринодара:

1. Разбить красныхъ у Георгіе-Афипской и захватить тамъ боевые припасы.
2. Стремительнымъ ударомъ захватить паромную переправу черезъ р. Кубань у ст. Елисаветинской и самую станицу и оттуда атаковать Екатеринодаръ.

Командиръ Офицерскаго (Марковскаго) полка ген. Боровскій съ чинами Штаба.

23 марта. Наступленіе 2-ой бригады ген. Богаевскаго на станицы Григорьевскую и Смоленскую и взятіе ихъ съ боя.

Во исполненіе намѣченнаго плана наступленія на Екатеринодаръ 2 ой бригадѣ г. Богаевскаго было приказано выбить красныхъ изъ станицъ Григорьевской и Смоленской, откуда красные могли ударить во флангъ и тылъ арміи при ея наступленіи на Георгіе-Афипскую.

Корниловцы, по колѣно въ грязи атаковали ст. Григорьевскую и послѣ жестокаго боя, понеся большія потери, ее заняли. Партизанскій полкъ въ это же время также съ

боемъ занялъ ст. Смоленскую и оба полка остались въ нихъ на ночлегъ.

24 марта. Наступленіе на ст. Георгіе-Афипскую. 20 верст. Тяжелый бой.

24-го марта бригадѣ ген. Маркова было приказано внезапнымъ налетомъ передъ разсвѣтомъ атаковать ст. Георгіе-Афипскую, гдѣ было сосредоточено до 5.000 красныхъ войскъ и находился большой складъ снарядовъ и патроновъ. Бригадѣ ген. Богаевскаго приказано было поддержать эту атаку обходомъ слѣва, а конной бригадѣ г. Эрдели, обойдя Георгіе-Афинскую захватить переправу у ст. Елисаветинской.

Наступленіе 1-ой бригады почему-то задержалось и, когда бригада подходила къ станицѣ стало уже свѣтло. Впереди разстилалось ровное поле, вдали виднѣлась ж. д.. насыпь а за ней въ легкомъ утреннемъ туманѣ виднѣлись крыши станицы.

Красные, замѣтивъ колонну пѣхоты, не успѣвшую еще развернуться, открыли по ней огонь. Ген. Корниловъ, обгонявшій со штабомъ колонну, едва успѣлъ отъѣхать въ сторону, но все же ружейной пулей былъ раненъ въ ногу начальникъ штаба арміи ген. Романовскій. Ген. Марковъ быстро развернулъ бригаду и укрылъ ее за ж. д. насыпью. Впереди, передъ станицей, — непроходимая въ бродъ рѣка Шелшъ съ единственнымъ черезъ нее мостомъ. За рѣкой — окраина станицы, занятая превосходными силами красныхъ, со стороны Екатеринодара подошли красные бронепоѣзда и открыли мѣткій артиллерійскій и пулеметный огонь. Наступленіе замерло. Ген. Корниловъ вышелъ на насыпь. Онъ былъ раздраженъ: «Сергѣй Леонидовичъ, я просилъ Васъ о ночномъ налетѣ, а Вы закатили дневной бой», съ упрекомъ сказалъ онъ Маркову, и послалъприказъ 2-ой бригадѣ поспѣшить съ наступленіемъ въ обходъ ст. Георгіе-Афивской и самъ переѣхалъ къ лѣвому флангу.

Только во второй половинѣ дня бригада ген. Богаевскаго, перейдя черезъ ж. д., вышла въ тылъ краснымъ и ворвалась въ станицу. Полки Корниловскій и Партизанскій соперничали въ доблести. Съ налета была захвачена ж. д. станція, на которой было найдено 700 артил. снарядовъ и много патроновъ. Юнкера, наступавшіе на правомъ флангѣ и имѣвшіе бронебойные пули, подбили красный бронепоѣздъ, захватили его и уничтожили находившихся тамъ матросовъ. Только къ вечеру всѣ части и обозъ стали на отдыхъ въ станицѣ. Потери, особенно въ 1-ой бригадѣ, были до 150 человѣкъ.

Въ Георгіе-Афипской мы видѣли маленькую героиню. Это была хорошенькая казачка, лѣтъ 18. Она вышла замужъ за молодого казака, который перешелъ къ большевикамъ и

занялся грабежомъ. Она бросила его и вернулась къ своимъ родителямъ. Станица Георгіе-Афипская была занята большевиками и торжествующій мужъ пришелъ предъявлять свои права. Она наотрѣзъ отказалась пустить его къ себѣ. Онъ сталъ угрожать расправой, но она забаррикадировалась въ своей комнатѣ и предупрадила его, что живой не дастся ему. Казакъ-большевикъ взломалъ дверь, но тутъ же былъ убитъ изъ винтовки своей женой.

Это была скромная маленькая женщина. Она принесла нѣкоторымъ изъ насъ бѣлье, въ которомъ мы такъ нуждались, и ни за что не соглашалась принять отъ насъ деньги. Какова могла быть ея судьба послѣ ухода Добровольческой Арміи изъ станицы?.

25 марта переходъ въ аулъ Панахесъ — 30 верстъ по разлившимся плавнямъ.

25 марта послѣ полудня Штабъ арміи, 2-ая бригада и обозъ выступили на аулъ Панахесъ. Конная бригада ген. Эрдели была выслана еще наканунѣ въ обходъ ст. Георгіе-Афипской для захвата паромной переправы у Елизаветинской. 1-ой бригадѣ было приказано остаться на мѣстѣ, выставить заслоны въ сторону Екатеринодара и Новороссійска и взорвать ж. д. мосты и полотно.

Этотъ переходъ былъ чрезвычайно труденъ. Проселочная дорога на Панахесъ и дальше къ Кубани проходила по плавнямъ, представлявшимъ въ это время года сплошное болото съ многочисленными ручьями. До наступленія темноты идти было легче, но въ темную и безлунную ночь пробираться среди кустовъ и ежеминутно попадать въ глубокіе протоки было мучительно. Лошади обоза выбивались изъ силъ, часть повозокъ даже была брошена. Стоны раненыхъ, крики возчиковъ, хлюпанье грязи и воды наполняли воздухъ. Было тяжко!

26 марта. Выходъ къ переправѣ у Елизаветинской. Начало переправы черезъ Кубань. Переходъ бригады ген. Маркова изъ Георгіе-Афипской къ аулу Панахесъ.

Переправа черезъ Кубань была трудна технически и чрезвычайно смѣла по замыслу и выполненію.

У ст. Елизаветинской былъ паромъ, подымавшій 4 повозки съ лошадьми, или 16 всадниковъ, или 50 человѣкъ. Чехо-Словацкая техническая рота, на долю которой выпала вся тяжесть руководства переправой, работала не покладая рукъ, она нашла нѣсколько ниже по теченію другой паромъ, но меньшей подъемной силы и не совсѣмъ исправный. Нашли десятокъ рыбачьихъ лодокъ, на которыхъ перевозили только людей. Часть лошадей была переправлена вплавь въ сопровожденіи лодокъ. Всего нужно было переправить око-

ло 9000 человѣкъ, 4000 лошадей и болѣе 500 орудій, зарядныхъ ящиковъ и повозокъ.

Большевики могли угрожать переправѣ какъ съ тыла, со стороны Георгіе-Афипской, такъ и съ фронта отъ Екатеринодара, въ направленіи на Елизаветинскую. Къ счастью переправа, шедшая непрерывно днемъ и ночью трое сутокъ, прошла спокойно, за исключеніемъ небольшой перестрѣлки 27 марта. Все же для охраны многочисленныхъ раненыхъ и остального обоза у переправы оставлена была 1-ая бригада ген. Маркова, онъ нервничалъ, боялся, что Екатеринодаръ будетъ взятъ безъ него, торопилъ переправу и наводилъ порядокъ въ походномъ поселкѣ, образовавшемся у переправы.

27-го марта. Наступленіе на Екатеринодаръ.

> «И у нашей арміи былъ свой маленькій «Іерусалимъ». Пока еще не тотъ — завѣтный, далекій съ золотыми маковками сорока сороковъ Божьихъ церквей... Болѣе близкій — Екатеринодаръ».
>
> Ген. Деникинъ.

27 марта конница ген. Эрдели и 2-ая бригада ген. Богаевскаго переправилась черезъ Кубань и сосредоточилась въ Елизаветинской. 1-ая бригада ген. Маркова была оставлена въ прикрытіе обоза съ ранеными, Это было вопреки стратегическому правилу сосредоточія всѣхъ силъ для удара, но во имя человѣколюбія, ради защиты раненыхъ и беззащитныхъ въ обозѣ отъ звѣрской расправы красныхъ, могущихъ напасть на обозъ съ тыла, ген. Корниловъ оставилъ треть своихъ силъ на другомъ берегу Кубани.

Утромъ 27-го отрядъ красныхъ повелъ наступленіе на Елизаветинскую со стороны Екатеринодара. Снаряды ложились въ станицѣ. Полк. Нѣженцевъ, несшій съ полкомъ охраненіе, едва сдерживалъ красныхъ. Ген. Богаевскій перешелъ въ наступленіе. Ген. Казановичъ — командиръ Партизанскаго полка, развернулъ свой полкъ и безъ выстрѣла двинулся въ атаку. Большевики не выдержали и бросились бѣжать къ Екатеринодару. Продвинувшись на полъ пути къ городу, ген. Казановичъ и полк. Нѣженцевъ остановились.

Этотъ успѣхъ и дошедшія до штаба арміи свѣдѣнія о паникѣ въ Екатеринодарѣ и о начавшейся будто бы эвакуаціи красныхъ изъ города, побудило ген. Корнилова поспѣшить съ нанесеніемъ рѣшительнаго удара и, отдавъ распоряженіе о переброскѣ изъ бригады ген. Маркова Кубанскаго стрѣлковаго полка, онъ рѣшилъ 28-го штурмовать Екатеринодаръ.

28, 29 и 30 марта. Штурмъ Екатеринодара.

Дни несбывшихся надеждъ,
Дни героическихъ подвиговъ.
Дни незамѣнимыхъ потерь.

28 марта начался штурмъ Екатеринодара. Ничтожное количество артиллеріи съ весьма ограниченнымъ количествомъ снарядовъ, добытыхъ съ боя у большевиковъ, каменныя постройки города и сосредоточенныя большевиками превосходныя силы, точное количество коихъ установить было невозможно, но, по даннымъ ген. Деникина въ «Очеркахъ Русской Смуты» до 18.000 бойцовъ съ большимъ количествомъ пулеметовъ при нѣсколькихъ бронепоѣздахъ, бронемашинахъ съ 14 орудіями (гаубицы и легкія орудія) съ неограниченнымъ количествомъ артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ патроновъ, а главное съ постояннымъ притокомъ новыхъ пополненій, — чрезвычайно затрудняли штурмъ города.

И не смотря на все это ген. Корниловъ повелъ на штурмъ свою армію, а армія ни минуты не сомнѣваясь въ успѣхѣ, вѣря въ своего вождя, пошла на этотъ штурмъ. Но слишкомъ неравны были условія боя, а топографически невыгодны для наступленія, несмотря на всю рѣшительность атакующихъ, на все ихъ презрѣніе къ ранамъ и смерти за эти три дня удалось овладѣть лишь частью предмѣстья города, кожевенными заводами, артиллерійскими казармами и черноморскимъ вокзаломъ. Въ ночь на 30-го ген. Казановичу удалось прорваться въ городъ и онъ дошелъ до Сѣнной площади, но по неизвѣстной причинѣ не поддержанный сосѣдями,оказался окруженнымъ красными. и былъ принужденъ вернуться назадъ.

А потери росли неимовѣрно. Почти половину состава потеряли полки. Особенно пострадалъ Корниловскій полкъ, у него въ строю осталось всего 67 штыковъ.

Ранены были: командиръ Партизанскаго полка ген. Казановичъ, командиръ Кубанскихъ пластуновъ полк. Улагай. 29-го днемъ, пытаясь поднять въ атаку Корниловцевъ, полк. Нѣженцевъ въ своей черной черкесскѣ съ георгіевскимъ крестикомъ на груди выскочилъ изъ окопа и пошелъ впередъ, но тутъ же былъ двумя пулями убитъ. Смерть его потрясла не только его Корниловцевъ, но и ген. Корнилова, искренне его любившаго.

Въ командованіе Корниловскимъ полкомъ вступилъ полк. Кутеповъ.

30 марта ген. Корниловъ собралъ военный совѣтъ. Добровольческая Армія въ бояхъ предыдущихъ двухъ дней понесла тяжкія потери. Въ лазаретахъ находилось полторы

Командиръ Корниловскаго полка полк. Кутеповъ съ офицерами Штаба

тысячи раненыхъ. (четверть всего состава арміи). Ощущался острый недостатокъ въ снарядахъ и патронахъ. Ген. Корниловъ однако рѣшилъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня всемъ фронтомъ атаковать и взять Екатеринодаръ. Послѣ рѣчи ген. Алексѣева рѣшено отложить штурмъ на одинъ день и атаковать 1-го апрѣля.

«А вотъ и послѣдній день боя подъ Екатеринодаромъ. День теплый, весенній, солнечный. Но солнца не видно. Сплошное облако пыли, песка, густого чернаго дыма виситъ надъ нами. Лица черныя, закопченныя, на зубахъ песокъ, шумъ, грохотъ, въ ушахъ звенитъ и кажется, что пухнетъ

голова. Человѣческаго голоса не слышно въ двухъ шагахъ... Для пулемета нужна вода. Степной, разбитый снарядами колодезь въ двадцати шагахъ, но двое уже не дошли. Одинъ здѣсь стонетъ на днѣ окопчика, другой тамъ, около колодца — неподвижный. Охотниковъ больше нѣтъ. Кому прикажутъ? «Оля пошла»! Кричитъ около меня юнкеръ. Сквозь облако пыли видно, какъ къ колодцу пробирается тоненькій силуэтъ въ солдатской шинели, туго перетянутой поясомъ. «Назадъ! Назадъ! Ложись!» Разрывъ и другой почти одновременно между нами и колодцемъ, черный дымъ, пыль, комья земли. Какой-то клубокъ катится по землѣ къ окопу. Лицо — кровавая маска, ногъ нѣтъ, бѣлые пальцы царапаютъ землю. Бѣдная Оля!»

31 марта. Смерть генерала Корнилова.

«Былъ убитъ богатырь въ непосильномъ бою
За свободу плѣненной Россіи
Отдалъ вѣру и жизнь молодую свою
Разъяренной и грубой стихіи...»

Штабъ арміи во всѣ дни штурма Екатеринодара находился на «фермѣ» въ трехъ верстахъ отъ окраины города и все время былъ подъ артиллерійскимъ обстрѣломъ.

31-го марта съ ранняго утра, какъ обычно начался артиллерійскій обстрѣлъ фермы. Ген. Корнилова просили перемѣстить штабъ, но онъ отвѣтилъ: «Теперь уже не стоитъ, завтра штурмъ» и остался въ домикѣ. Около восьми часовъ утра нѣсколько снарядовъ разорвались надъ фермой, одинъ цѣликомъ влетѣлъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ ген. Корниловъ. Когда бросились туда, то нашли ген. Корнилова лежащимъ на полу. Кровь сочилась изъ небольшой ранки въ вискѣ и текла изъ пробитаго праваго бедра. Онъ еще дышалъ. Его положили на носилки и вынесли на берегъ Кубани. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами. На лицѣ застыло выраженіе боли. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Корниловъ скончался.

Совѣтская граната лишила русскую контрреволюцію ея общепризнаннаго вождя. 31 марта слѣпой случай поставилъ подъ вопросъ дальнѣйшую судьбу начатой Корниловымъ вооруженной борьбы. Теряя Корнилова, русская контръ-революція теряла будущаго россійскаго диктатора. Съ арены борьбы 31-го марта сошла самая крупная и яркая фигура не признавшей большевиковъ Россіи. Смерть ген. Корнилова рѣшила участь штурма. Впечатлѣніе, проиведенное ею на армію, было такъ велико, что продолженіе штурма становилось безсмысленнымъ.

Ген. Деникинъ такъ описываетъ настроеніе арміи: «Впечатлѣніе потрясающее. Люди плакали навзрыдъ, говорили

между собой шопотомъ, какъ будто между ними незримо присутствовалъ властитель ихъ думъ. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось вѣдь все: идея борьбы, вѣра въ побѣду. надежда на спасеніе. И когда его не стало, въ сердцахъ храбрыхъ начали закрадываться страхъ и мучительное сомнѣніе. Ползли слухи, одинъ тревожнѣе другого, о новыхъ большевицкихъ силахъ, окружающихъ армію со всѣхъ сторонъ, о неизбѣжности плѣна и гибели. — Конецъ всему.»

Памяти Генерала Корнилова.

Давно ль лилася кровь... Ужели все забыто...
О, Родина, къ тебѣ несется мысль моя:
Все лучшее въ тебѣ поругано, разбито...
Любовь къ отечеству, и Церковь, и семья...
Печаленъ нашъ удѣлъ — справлять въ изгнаньи тризну
По тѣмъ, кто совѣстью своей не торговалъ;
Кто вѣренъ былъ себѣ; какъ мать, любилъ отчизну;
И смертью за нее примѣръ прекрасный далъ...
Онъ былъ ея мечомъ... Быть можетъ, тѣнь святая
Межъ нами, и велитъ намъ распри всѣ забыть,
И Родины позоръ зоветъ насъ искупить,
И до конца стоять, надежды не теряя...
Долой позорный миръ и злу непротивленье:
Безъ крови и безъ жертвъ не будетъ искупленья!..

Прибывшій на ферму ген. Алексѣевъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„«Непріятельскимъ снарядомъ, попавшимъ въ штабъ арміи, въ 7 ч. 30 м. сего марта убитъ ген. Корниловъ.

Палъ смертью храбрыхъ человѣкъ, любившій Россію больше себя и не могшій перенести ея позора.

Всѣ дѣла покойнаго свидѣтельствуютъ, съ какой непоколебимой настойчивостью, энергіей и вѣрой въ успѣхъ дѣла отдался онъ на служеніе Родинѣ.

Бѣгство изъ непріятельскаго плѣна. августовское выступленіе, Быховъ и выходъ изъ него, вступленіе въ Добровольческую армію и славное командованіе ею — извѣстны намъ.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабѣетъ воля къ дальнѣйшей борьбѣ. Каждому продолжать исполненіе своего долга, памятуя, что всѣ мы несемъ свою лепту на алтарь Отечества.

Вѣчная память Льву Георгіевичу Корнилову — нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Миръ праху его!

Въ командованіе арміей вступить генералу Деникину.

Генералъ отъ инфантеріи

Алексѣевъ.»

Тяжелое наслѣдство досталось г. Деникину.

При томъ тяжкомъ нравственномъ и физическомъ состояніи, въ коемъ находилась армія послѣ пятидневныхъ тяжкихъ боевъ и смерти ген. Корнилова, продолжать атаку Екатеринодара было невозможно и Деникинъ рѣшилъ ради спасенія арміи съ заходомъ солнца большими переходами вывести армію изъ-подъ удара екатеринодарской группы красныхъ войскъ.

1 апрѣль. Андреевская. Бой. Воронцовская. Переходъ 50 верстъ. Къ ночи переходъ въ нѣмецкую колонію Гначбау.

Въ ночь на 1 ое апрѣля отъ Екатеринодара въ полной тишинѣ потянулись куда-то на сѣверъ остатки Добровольческой арміи, а изъ Елизаветинской вышелъ огромный обозъ съ 1.500 ранеными и повозкой, на которой было два гроба съ тѣлами ген. Корнилова и полк. Нѣженцева. 64 тяжело раненыхъ было оставлено при врачѣ и сестрахъ милосердія въ станицѣ, въ надеждѣ, что красные ихъ не тронутъ. Увы! это была тщетная надежда. Большевики показали себя совершенными звѣрьми. Большая часть раненыхъ и медицинскій персоналъ были убиты.

Сестрамъ милосердія,
оставшимся съ ранеными въ ст. Елизаветинской.

Вмѣстѣ вы шли въ вашихъ бѣлыхъ косынкахъ
И умирали за ближнихъ своихъ...
Съ кровью въ сердцахъ, на кровавыхъ насилкахъ
Вы изъ-подъ пуль выносили больныхъ...
Вмѣстѣ терпѣли лишенья и голодъ...
Вмѣстѣ вы мерзли въ «Походъ Ледяной»...
И, не смотря на усталость и холодъ,
Вы отвергали права на покой:
Вы бинтовали въ минуты приваловъ,
Вы обходили «тяжелыхъ» въ пути,
Въ дневкахъ дежурили вы неустанно,
И ужъ съ зарею опять вамъ идти....
Въ бой вы ходили, любовью влекомыя,
Съ марлей въ рукахъ и крестомъ на груди,
И, не теряясь въ минуты тяжелыя,
Брали винтовки и шли впереди...
Все вы сносили съ улыбкою свѣтлой,
И лишь болѣзненно-дѣтскій упрекъ
Въ томъ, что не въ силахъ вы вырвать у смерти,
Грустною тѣнью на очи вамъ легъ...
Такъ отдохните хотя бы въ могилахъ,
Пусть будетъ легокъ покровъ вамъ земной.
Чистыя сердцемъ.... богатыя силой...

Въ жизни вамъ вѣчной — «Вѣчный покой».

Рѣдкой цѣпью по бокамъ повозокъ шли измученные физически и морально подавленные добровольцы. Такъ прошли всю ночь. На разсвѣтѣ изъ ст. Андреевской большевики повели наступленіе на голову колонны. Ген. Марковъ, шедшій въ авангардѣ съ Офицерскимъ полкомъ, быстро развернулъ састь полка и атаковалъ ихъ. — красные бросились на утекъ, попали подъ шашки черкесовъ и были быстро уничтожены. Передъ вечеромъ колонна прошла, брошенные жителями хутора, гдѣ немного передохнула и въ сумеркахъ вошла въ нѣмецкую колонію Гначбау.

До крайности утомленные и голодные люди заснули гдѣ пришлось. Конная бригада ген. Эрдели прикрывала отходъ арміи съ тыла, и днемъ еще вела бой въ районѣ Екатединодара и только ночью подошла къ колоніи.

2 апрѣля. Гначбау. Бой. Похороны ген. Корнилова и полк. Нѣженцева въ одной могилѣ. Вечеромъ переходъ къ ст. Медвѣдовской. 25 верстъ.

Нѣмецкая колонія Гначбау — образецъ чистоты и порядка — съ пивнымъ и колбаснымъ заводами и даже собственнымъ клубомъ, являлась оазисомъ среди грязи въ станицахъ, и здѣсь-то Добровольческой арміи пришлось пережить моральный кризисъ и кажущуюся неминуемую гибель.

Неудача подъ Екатеринодаромъ, — первая неудача за весь походъ, — гибель вождя, большія потери и усталость, усталость безъ конца, все сказывалось въ этотъ день. И пошли слухи о необходимости распылиться, куда-то бѣжать и быть можетъ скитаться бездомными бродягами среди большевицкаго краснаго моря.

Скученность въ небольшой колоніи, начавшійся обстрѣлъ красными усиливали это паническое настроеніе. Къ счастью не всѣ этому поддавались. Эта подавленность совершенно не коснулась возглавленія арміи. Ген. Деникинъ не былъ подверженъ ни паникѣ, ни растерянности. Его поддерживали ближайшіе помощники генералы Марковъ, Романовскій, Богаевскій и другіе.

Ген. Деникинъ рѣшилъ двинуться на востокъ, чтобы вырваться изъ густой сѣти желѣзныхъ дорогъ, идущихъ на Екатеринодаръ и на Кавказъ, остановиться затѣмъ на стыкѣ трехъ «республикъ» — Дона, Кубани и Ставрополя и оттуда, передохнувъ, въ зависимости отъ обстановки, начать новую операцію противъ большевиковъ.

Для большей подвижности приказано было уничтожить всѣ лишнія повозки, бросить часть орудій, т. к. не было снарядовъ и всѣхъ, кого можно, посадить на лошадей.

Чтобы скрыть направленіе движенія арміи пришлось,

несмотря на сильный обстрѣлъ и наступленіе большевиковъ, остаться въ колоніи до темноты.

Въ сумеркахъ санитарный обозъ выдвинулся изъ колоніи, а съ наступленіемъ темноты, во главѣ съ Офицерскимъ полкомъ армія быстро двинулась къ станицѣ Медвѣдковской.

Прахъ генерала Корнилова и полковника Нѣженцева было рѣшено временно предать землѣ въ скрытомъ мѣстѣ у колоніи. Оба гроба были опущены въ одну могилу въ присутствіи нѣсколькихъ старыхъ Корниловцевъ. Землю разровняли и кроки мѣстности дали тремъ участникамъ погребенія. Похороннымъ салютомъ были орудійные выстрѣлы большевицкой артиллеріи, обстрѣливавщей колонію.

Послѣ ухода добровольцевъ изъ колоніи мѣсто погребенія стало какъ-то извѣстно большевикамъ. Они вырыли и открыли гробы, узнали въ лицо ген. Корнилова и тѣло увезли въ Екатеринодаръ. Тамъ толпа издѣвалась надъ трупомъ, сначала повѣсила его на дерево, затѣмъ тѣло было вывезено за городъ и сожжено.

3 апрѣля. На разсвѣтѣ захватъ бронепоѣзда. Бой на станціи. Захватъ комиссаровъ станицы. Дальнѣйшее движеніе въ ст. Дядьковскую, переходъ 15 верстъ.

Въ полной тишинѣ. «Не разговаривать, не курить»! двигалась колонна. Черноземная пыль заглушаетъ стукъ колесъ. Даже усталые кони не ржутъ. Впереди что-то чернѣетъ. Желѣзнодорожная будка.

Ген. Марковъ со штабомъ входитъ въ будку. Сторожа сейчасъ же схватываютъ.

Телефонный звонокъ. Марковъ подходитъ къ телефону.

— Кто говоритъ? — спрашиваетъ генералъ.

— Ст. Медвѣдовская. Что, не видать кадетовъ?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Марковъ, — все тихо.

Въ полуверстѣ отъ будки находится станція Медвѣдовская, гдѣ по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ сторожа, стоятъ два броневыхъ поѣзда.

Безшумно, медленно, какъ бы нащупывая каждый шагъ, подходитъ поѣздъ. Въ классныхъ вагонахъ, зачѣмъ-то прицѣпленныхъ къ броневику, виденъ свѣтъ, слышны разговоры, смѣхъ.

Вдругъ все смолкло. Что-то замѣтили, и въ ночную темноту врываются столпы огня и грохотъ полеметовъ.

Ген. Марковъ выскакиваетъ къ паровозу и, грозя нагайкой, кричитъ:

— Стой, такіе-сякіе, не стрѣляй, — свои!

Большевики ошалѣваютъ.

Въ тотъ же моментъ снарядъ изъ добровольческаго ору-

дія попадаетъ въ колеса локомотива... и паровозъ садится на мѣстѣ..

Добровольцы бросаются къ поѣзду. Ихъ осыпаютъ непрерывнымъ огнемъ.

Ручныя гранаты летятъ въ вагоны. Одинъ загорѣлся. Красные выскакиваютъ, но ихъ встрѣчаютъ штыками.

Вмѣсто неминуемой, казалось, гибели, — огромная добыча: 800 снарядовъ и 100.000 патроновъ, уничтожены полтора броневыхъ поѣзда. Одинъ на переѣздѣ, а отъ другого, на станціи посланными двумя ротами захвачена была половина, другая половина съ паровозомъ успѣла отцѣпиться и ушла.

— Ай-да Марковъ — хохочутъ добровольцы — нагайкой броневикъ остановилъ.

На ряду съ Марковымъ у Медвѣдовской покрылъ себя славой и полк.Міончинскій. Этотъ доблестный офицеръ съ самаго начала арміи былъ въ ней. Это онъ вывелъ свое орудіе къ переѣзду и разбилъ гранатой паровозъ бронированнаго поѣзда, а потомъ отогналъ на разсвѣтѣ и другой бронепоѣздъ, подходившій къ Медвѣдовской. Онъ палъ въ 1919 г., командуя арт. бригадой Марковской дивизіи. Всѣ въ Добр. Арміи знали полк. Міончинскаго и не разъ видѣли его батарею. выскакивающую впереди нашихъ пѣхотныхъ цѣпей.

Въ то время когда ген. Марковъ захватилъ ж. д. переѣздъ въ станицу Медвѣдовскую, были посланы конныя команды штаба арміи подъ командой подполковника Г. Шт. Ряснянскаго для захвата станицы. Этотъ разъѣздъ захватилъ въ станицѣ группу комиссаровъ, готовившихся къ оборонѣ станицы, а въ станичномъ управленіи отобранное у казаковъ оружіе.

Бой у ст. Медвѣдовской является одной изъ самыхъ яркихъ страницъ исторіи 1-го похода Добровольческой Арміи. Потерявшая вождя, упавшая духомъ, бросившая половину своей артиллеріи, окруженная подавляющими силами большевиковъ армія, казалось, была на краю гибели. И въ эту минуту ей пришлось форсировать съ боемъ желѣзную дорогу, по которой ходили красные бронепоѣзда.

Уничтоженіе бронепоѣзда на ж. д. переправѣ ген. Марковымъ и полк. Міончинскимъ, атака станціи Офицерскимъ полкомъ и захватъ тамъ второго бронепоѣзда и боевыхъ припасовъ, уничтоженіе комиссарскаго гнѣзда въ самой станицѣ показало, что духъ добровольцевъ не сломленъ и они способны къ побѣдамъ подъ командой новаго Командующаго ген. Деникина.

Не останавливаясь въ Медвѣдковской, армія прошла еще 15 верстъ и остановилась для отдыха въ ст. Дядьковской.

4 апрѣля. Дневка въ ст. Дядьковской.

Станичники встрѣтили Добровольческую армію привѣтливо, съ хлѣбомъ-солью. Дневка прошла спокойно. Было и сытно и уютно.

Для ускоренія движенія ген. Деникинъ приказалъ всю пѣхоту посадить на повозки и въ дальнѣйшемъ движеніе арміи отъ Дядьковской къ ст. Успенской было прекрасно организованнымъ маршемъ для выхода изъ большевицкаго окруженія.

Въ Дядьковской выяснилось чрезвычайно тяжелое положеніе раненыхъ. На нѣкоторыхъ повозкахъ раненые не выгружались трое сутокъ, ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ матеріаловъ не было. Смертность усилилась. Ген. Деникинъ собралъ старшихъ офицеровъ и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, ѣхавшихъ съ арміей и на совѣщаніи было рѣшено, отчасти подъ вліяніемъ свѣдѣній, оказавшихся потомъ ложными, что оставленныхъ, безъ вѣдома ген. Деникина, въ Елисаветинской раненыхъ казаки спасли и отправили въ лазареты, — оставить раненыхъ, не могущихъ вынести перевозки, въ станицѣ. По составленному врачами списку было оставлено около 200 человѣкъ, при врачѣ и сестрахъ, и взятые еще въ Екатеринодарѣ заложники. Видный большевикъ Лиманскій далъ слово, что онъ обережетъ раненыхъ и свое обѣщаніе сдержалъ. Изъ оставшихся 119 человѣкъ двое были убиты, шестеро умерли и сто одинъ остались въ живыхъ и спаслись.

Ген. Деникинъ писалъ объ этомъ рѣшеніи: «Переживая мысленно минувшее, я помню свои душевныя терзанія. Подписать приказъ заставлялъ тяжелый долгъ начальника...»

5 апрѣля.

Армія двинулась дальше на востокъ. Въ приказѣ, отданномъ наканунѣ и, какъ оказалось, ставшемъ извѣстнымъ большевикамъ, ночлегъ для введенія въ обманъ большевиковъ, былъ назначенъ въ ст. Березанской. Въ пути армія свернула въ сторону и двинулась къ ст. Журавской, гдѣ былъ большой привалъ. Ночью армія благополучно перешла Владикавказскую желѣзную дорогу между ст. Выселки и Козырки.

«Вы представляете себѣ путешествіе больныхъ впятеромъ на одной телѣгѣ. Чьи-то ноги съѣзжаютъ вамъ въ голову, мои ноги мѣшали кому-то. Ѣхали мы рысью. Эта рысь была для раненых ужасна. Ноги мѣшавшіе мнѣ, били офицера, тяжело болѣвшаго почками. Другой былъ въ тифу, я метался въ маляріи. Степныя дороги, воспѣтыя Гоголемъ, были ужасны и мы, то останавливаясь, то съ грохотомъ стремясь дальше, среди пыли не могли оцѣнить ихъ прелести. А ночью временами мы слышимъ взрывы. Это гдѣ-то взрывали полот-

но желѣзной дороги. Обозъ переходитъ черезъ ж. д., мелькаетъ пустая желѣзнодорожная будка и тихая ночь освѣщаетъ этотъ станный потокъ людей, ищущихъ Родину. Господи, кто не испыталъ радостей и горестей похода, пойметъ ли онъ все его величіе и трагизмъ!»

6 апрѣля. Ночлегъ въ ст. Бейсугской. Переходъ въ 65 верстъ.

Переход черезъ ж. д., казалась бы, — операція совершенно простая. Но для Добровольческой арміи онъ осложнялся наличіемъ обоза, который въ пути растягивался на 8-10 верстъ. Этотъ переходъ черезъ ж. д. переѣздъ требовалъ нѣсколькихъ часовъ времени. Поэтому всегда необходимо было подрывать ж. д. полотно по обѣ стороны перехода, чтобы большевицкіе броневые поѣзда не помѣшали переходу. Это было сдѣлано и въ этотъ разъ. Ген. Деникинъ оставался на ж. д. переѣздѣ, пока не прошла послѣдняя повозка обоза.

7 апрѣля. Переходъ въ х. Владимірскій и ночной переходъ черезъ ж. дорогу.

Утромъ армія, произведя демонстрацію въ южномъ направленіи къ ст. Тифлисской, двинулась быстрымъ маршемъ къ хутору Владимірскому, гдѣ стала на большой привалъ. Ночью предстояло перейти ж. дорогу въ очень опасномъ мѣстѣ между станціями Тихорѣцкой и Кавказской, которыхъ отдѣляетъ всего 60 верстъ, и можно было ожидать нападенія съ двухъ сторонъ.

Выставивъ конные заслоны противъ этихъ станцій, армія ночью въ третій разъ благополучно перешла ж. д. между станціями Малороссійской и Мирской. Къ концу перехода черезъ переѣздъ, уже на разсвѣтѣ, со стороны Кавказской появился поѣздъ. Онъ былъ обстрѣлянъ и подбитъ артиллеріей. Онъ оказался товарнымъ и съ него сгрузили лошадей, перевязочный матеріалъ и другое нужное имущество.

Ген. Марковъ, удостовѣрившись, что «хвостъ» арміи уже перешелъ черезъ ж. дорогу, «изъ озорства» протелефонировалъ изъ ж. д. будки на ближайшія станціи, что армія благополучно перешла ж. дорогу.

8 апрѣля. Продолженіе ночного марша въ 45 верстъ. Остановка въ Хоперскихъ хуторахъ.

Въ Хоперскихъ хуторахъ армія пробыла недолго, т. к. обнаружилось наступленіе большевиковъ со стороны желѣзной дороги. Принимать бой въ 7 верстахъ отъ нея ген. Деникинъ не хотѣлъ и ночнымъ маршемъ армія двинулась на станицу Ильинскую.

9 апрѣля. Переходъ въ станицу Ильинскую — 23 версты.

70 верстный переходъ съ небольшими перерывами силь-

но утомилъ и здоровыхъ и, особенно, больныхъ, большинство которыхъ провели весь этотъ переходъ, не сходя съ повозокъ.

День прошелъ спокойно. Наступила теплая весенняя погода. Сады въ цвѣту, поля покрыты молодыми всходами.

10 и 11 апрѣля. Станица Ильинская.

10 апрѣля большевики наступали небольшими силами со стороны Дмитріевской, но были легко отбиты 2-ой бригадой.

11 апрѣля день прошелъ спокойно.

12 апрѣля. Переходъ въ станицу Успенскую. 28 верстъ. 13, 14 и 15 апрѣля. Стоянка въ Успенской.

Переходъ изъ Ильинской въ Успенскую прошелъ спокойно и легко. Въ Успенской были разгружены всѣ повозки съ ранеными и они могли спокойно и болѣе удобно отдохнуть. Здоровые занялись освобожденіемъ себя отъ «посторонняго населенія». Все бѣлье и платье было переполнено насѣкомыми и освободиться отъ нихъ во время боевъ и большихъ переходовъ не было возможности. Здѣсь люди помылись въ банѣ, надѣли чистое бѣлье и сколько возможно привели въ порядокъ одежду и обувь.

Для обезпеченія арміи были высланы заслоны къ Дмитріевской, Расшеватской и посада Наволокинскаго. У послѣдняго пришлось дать бой краснымъ, имѣвшимъ тамъ штабъ мѣстныхъ большевицкихъ войскъ. Батальонъ Корниловцевъ и конница ген. Эрдели разбили скопище большевиковъ, но сами потеряли около 60 человѣкъ.

Въ Успенской узнали о начавшемся возстаніи на Дону. Туда былъ посланъ разъѣздъ подъ командой подп. Барцевича, 14 апрѣля онъ вернулся въ сопровожденіи сотни Донскихъ казаковъ, подтвердившихъ это извѣстіе.

Дальнѣйшій путь арміи становился яснымъ. Нужно идти на Донъ.

Въ Успенской ген. Деникинъ сдѣлалъ первый смотръ арміи.

Полки постарались себя привести въ порядокъ къ смотру новаго Командующаго, къ которому уже прониклись довѣріемъ и глубокимъ уваженіемъ, ибо для всѣхъ было ясно, что онъ вывелъ армію изъ тягчайшаго положенія, спасъ ее отъ распыленія и вдохнулъ бодрость въ утомленныхъ бойцовъ.

Все же передъ ген. Деникинымъ, подъѣхавшимъ къ частямъ съ развѣвающимся національнымъ флагомъ, предстали худые, съ обвѣтренными лицами добровольцы одѣтые въ самые разнообразные шинели и тулупы, съ нарисованными химическимъ карандашомъ погонами и въ изношенной

обуви. Объѣхавъ фронтъ ген. Деникинъ громкимъ голосомъ обратился къ частямъ со слѣдующими словами:

«Земной поклонъ Вамъ, русскіе чудо-богатыри. Вы совершили одинъ изъ важнѣйшихъ походовъ Русской арміи. Родина не забудетъ васъ.»

Далѣе онъ сказалъ, что борьба начатая Добровольческой арміей за освобожденіе Россіи отъ большевиковъ расширяется. На Дону вспыхнуло большое возстаніе и армія выступитъ на помощь донскимъ казакамъ.. Слова Командующаго были покрыты громкимъ «ура». Отъ прежнихъ сомнѣній и угнетеннаго настроенія не осталось и слѣда «Теперь пробьемся и выйдемъ на большую дорогу»!

16 апрѣля. Послѣ полудня выступленіе на село Горькая Балка.

Ген. Деникинъ, на основаніи свѣдѣній привезенныхъ полк. Барцевичемъ и показаній прибывшихъ казаковъ, рѣшилъ идти на Донъ и поддержать возстаніе Донцовъ.

Выступленіе было назначено съ такимъ рассчетомъ, чтобы ночью перейти желѣзную дорогу между станціями Ея и Бѣлая Глина.

Выходить пришлось подъ прикрытіемъ арьергарда, вступившаго въ бой съ наступающими съ юга ставропольскими красногвардейцами.

Колонна арміи двинулась сначала на сѣверо-востокъ, для введенія въ обманъ большевиковъ, а затѣмъ, уже въ сумеркахъ повернула на Горькую Балку.

Въ Успенской не нашлось проводника къ нужному намъ переѣзду и пришлось его искать ночью у казаковъ станицы Мирской, сторожившихъ въ степи лошадей и скотъ.

Дорога шла по равнинѣ, нигдѣ не видно было человѣческаго жилья. Ночь была темная, луна взошла поздно, теплая, звѣздная. Въ тиши раздавался лишь шумъ колесъ многочисленнаго обоза и топотъ коней. Къ разсвѣту, въ налетѣвшемъ туманѣ подходила армія къ ж. д. переѣзду. Обозъ сталъ, ожидая донесенія отъ передового разъѣзда. Стало тихо, какъ будто бы не было ни души на дорогѣ, лишь лягушки въ ближайшемъ болотѣ иступленно пѣли свои пѣсни. Вдругъ въ тишинѣ послышалось тяжелое пыхтѣніе паровоза, все ближе и ближе, какъ будто бы остановился на мѣстѣ. Нашъ обострившійся слухъ, казалось слышитъ даже стукъ колесъ буксующихъ на подъемѣ ж. д. полотна. Томительное ожиданіе — откроетъ насъ или нѣтъ?

Пыхтѣніе паровоза усилилось, ясно слышно было громыханіе цѣпей и шумъ колесъ, все дальше и тише пыхтеніе... поѣздъ прошелъ дальше. Армія стала быстро переходить черезъ ж. д. полотно. Туманъ расходился. На разсвѣтѣ бро-

непоѣздъ обнаружилъ хвостъ нашего обоза и пытался его обстрѣлять, но былъ отогнанъ, не причинивъ намъ вреда.

Послѣдняя ж. д. передъ Донской областью была перейдена!

17 апрѣля. Бой авангарда передъ селомъ Горькая Балка. Большой привалъ въ немъ и дальнѣйшій переходъ въ станицу Плоскую..

Авангардъ, подходя къ Горькой Балкѣ, былъ обстрѣлянъ мѣстными большевиками, быстро смятыми и разбѣжавшимися. Большой привалъ въ селѣ прошелъ спокойно и армія перешла въ станицу Плоскую безъ нажима большевиковъ, сдѣлавъ за ночь и день 79-верстный переходъ.

Въ Плоскую пришелъ Донской разъѣздъ и донесъ, что на Задонскія степи большевики ведутъ наступленіе и казаки просятъ помощи. Эта помощь имъ была на слѣдующій день выслана.

«Вора помиловать — добраго погубить». Русская пословица.

Въ с. Горькая Балка была разстрѣляна единственная за весь Кубанскій походъ женщина. Когда въ Горькую Балку, наканунѣ прохода черезъ нее Добровольческой Арміи вошло четыре развѣдчика и зашли въ первый у околицы домъ отдохнуть, то хозяйка, вдова убитаго въ бою съ Добровольцами рьянаго большевика, приняла развѣдчиковъ, накормила ихъ. а потомъ. когда они заснули, сбѣгала, какъ она сама сказала за «товарищами» и выдала ихъ. Объ этомъ своемъ «подвигѣ» она разсказала на другой день утромъ вошедшимъ къ ней нѣсколькимъ добровольцамъ, которыхъ она приняла за большевиковъ. «Вотъ поглядите, они тамъ въ канавѣ такъ и валяются». Когда эта женщина увидѣла свою ошибку и поняла, что она погибла, то не смирилась, а кричала, «убивайте, убивайте!»

Разстрѣлъ этой женщины не былъ послѣдствіемъ злобности добровольцевъ, а былъ только актомъ справедливаго возмездія. Въ той же Горькой Балкѣ, въ другомъ домѣ, произошла слѣдующая сцена:

Въ одну изъ хатъ зашли добровольцы закусить. Хозяйка была непривѣтлива и запугана. Хозяинъ, длинный и несуразный мужикъ, все время кланялся и старался услужить. Онъ старался быть любезнымъ и называлъ добровольцевъ по ошибкѣ «товарищами», на грозный окрикъ одного изъ офицеровъ, онъ совсѣмъ растерялся и залепеталъ о томъ, что онъ не хочетъ обидѣть «господина товарища». Когда онъ вышелъ, его маленькій сынъ, лѣтъ пяти-шести гордо заявилъ: «а мой батя большевикъ»... Въ томъ озлобленіи, которое охватило тогда наши войска, этого было бы доста-

точно, чтобы мужикъ былъ разстрѣлянъ. но къ счастью для него среди находившихся въ его хатѣ не было ни одного кровожаднаго человѣка, и добровольцы, заплативъ ему за ѣду, уходя посовѣтывали не учить своихъ дѣтей восхвалять его «доблесть».

18 апрѣля. Переходъ въ Лежанку. I-ый Конный полк полк. Глазенапа въ станицу Егорлыцкую.

Ген. Деникинъ для оказанія помощи донцамъ выслалъ изъ Плоской прямо въ Егорлыцкую конный полкъ полк. Глазенапа. Остальныя части и обозъ спокойно перешли въ Лежанку, на этотъ разъ встрѣтившую добровольцевъ совершенно мирно.

По своему богатству Лежанка мало чѣмъ отличалась отъ сосѣднихъ казачьихъ станицъ. Вотъ описаніе одного изъ домовъ села:

Мы пришли въ Лежанку, вѣрно, послѣдними, большевики не тревожили насъ въ ту ночь, поэтому мы не спѣша осмотрѣлись и во второмъ ряду домовъ нашли отличный помѣстительный домъ, куда вселилась вся рота.

И откуда такое богатство? Огромная столовая, три большія спальни, двѣ обширныхъ стеклянныхъ веранды, огромная кухня во дворѣ, полномъ пристроекъ, кладовыхъ, конюшня, коровникъ, сарай съ сѣноваломъ, куда устремились наши новобранцы — кубанскіе казаки и еще огромный сарай полный телѣгъ, фургоновъ, саней, молотилокъ, плуговъ, сѣновязалка и въ томъ же сараѣ штукъ восемь огромныхъ сѣрыхъ воловъ съ рогами прямо неимовѣрной величины..

19, 20 и 21 апрѣля. Въ Лежанкѣ. 20-го 2-ая бригада ген. Богаевскаго выслана въ Гуляй Борисовку.

19-го день прошелъ спокойно. 20-го 2-ой бригадѣ ген. Богаевскаго приказано идти въ Гуляй Борисовку въ тылъ большевикамъ, наступающимъ на донскія станицы Егорлыцкую и Мечетинскую, полк. Глазенапу посланъ приказъ, послѣ освобожденія Егорлыцкой наступать на сѣверъ, къ станицѣ Мечетинской, объединивъ командованіе надъ донскими ополченіями этихъ станицъ.

Большевики. замѣтивъ выходъ изъ Лежанки большой колонны. повели на село энергичное наступленіе, съ трудомъ отбиваемое 1-ой бригадой ген. Маркова и конницей. Особенно усилилось наступленіе и обстрѣлъ села 21-го и попытки его перерѣзать дорогу на Егорлыцкую.

Съ наблюдательнаго пункта видно было движеніе непріятельскихъ колоннъ по направленію къ Егорлыцкой дорогѣ.

Между тѣмъ въ резервѣ оставалось лишь двѣ роты Офи-

церскаго полка, т. е. около 200 штыковъ.

Быстрымъ шагомъ вышли офицеры изъ Лежанки, разсыпались въ цѣпи и залегли недалеко отъ дороги.

Густыя непріятельскія цѣпи подошли уже на полторы тысячи шаговъ къ дорогѣ и открыли бѣглый огонь. Пулеметы трещали, не смолкая. Надъ залегшими добровольцами непрерывно рвалась шрапнель.

Офицеры лежали, какъ мертвые, — ни одного выстрѣла въ отвѣтъ.

Движеніе непріятеля замедлилось, цѣпи его залегли. Лишь какіе-то всадники, какъ потомъ говорили, матросы, носились по цѣпямъ и стегали солдатъ плетьми.

Большевики поднялись и быстро двинулись впередъ.

Опять никакого отвѣта.

Непріятель опять залегъ.

Еще и еще разъ — то же самое: все тоже молчаніе.

Наконецъ, когда красные подошли къ офицерамъ шаговъ на 500, тѣ встали и молча двинулись впередъ.

Гдѣ же врагъ?

Только пятки сверкали въ воздухѣ. Все долой. Винтовки, шапки, шинели, пулеметы, сапоги, — вотъ все, что осталось отъ нѣсколькихъ красныхъ батальоновъ.

Пустили конницу въ догонку, и 500 труповъ показывали дорогу отступленія

Въ двухъ офицерскихъ ротахъ ни одной потери.

Такъ второй разъ подъ Лежанкой полкъ показалъ, какъ дерутся офицеры.

Въ этихъ бояхъ впервые было испробовано «новое изобрѣтеніе», получившее во время гражданской войны широкое примѣненіе на обѣихъ сторонахъ, — пулеметы на тачанкахъ. Ихъ первое появленіе произвело потрясающее впечатлѣніе на красныхъ.

Шла страстная недѣля, многіе хотѣли бы побывать въ церкви «на страстяхъ» и на выносѣ плащаницы, но обстрѣлъ и наступленіе мѣшали, хотя служба въ церкви шла своимъ чередомъ. Это наступленіе мѣшало и хозяйственнымъ частямъ въ ихъ подготовкѣ къ празднику. Продуктовъ было въ изобиліи и къ пасхальному столу готовились окорока, колбасы, пасхи и куличи.

22 апрѣля. Страстная суббота. Переходъ штаба арміи, санитарнаго обоза и вспомогательныхъ частей и части конницы въ Егорлыцкую. Бой І-ой бригады въ Лежанкѣ.

Въ страстную субботу наступленіе большевиковъ на Лежанку было особенно жестокимъ. Снаряды все время ложились въ станицѣ, нѣсколько снарядовъ разорвалось надъ штабомъ арміи и лазаретомъ, гдѣ было переранено еще

нѣсколько человѣкъ.

Бригада ген. Маркова съ трудомъ сдерживала наступленіе превосходныхъ силъ большевиковъ. Къ вечеру пришло донесеніе отъ полк. Глазенапа, что станица Егорлыцкая свободна. Немедленно было приказано санитарному обозу съ прикрытіемъ идти туда кружнымъ путемъ. Съ наступлеінемъ темноты туда же выступилъ штабъ арміи съ небольшимъ конвоемъ. А ген. Марковъ не боясь уже за судьбу санитарнаго обоза, перешелъ въ рѣшительную контръ-атаку, использовавъ пулеметы на тачанкахъ и опрокинулъ большевиковъ, а наша конница ихъ доконала.

Ночь съ 22 на 23 апрѣля. Пасхальное богослуженіе. Переходъ изъ Лежанки въ Егорлыцкую.

Этотъ переходъ былъ очень легкій. Была тихая, теплая ночь. Дорога была сухая. Большевики отъ дороги были отогнаны. Добровольцы спѣшили къ Святой Заутрени въ Егорлыцкую.

Подходя къ станицѣ заслышали благовѣстъ и усилили аллюръ. Всѣхъ потянуло къ церкви. Она уже была ярко освѣщена и полна народу. Въ ней было жарко и отъ свѣчей и отъ людей, потъ лилъ градомъ, но объ этомъ никто не думалъ; все напряглось въ слухѣ услышать наше великое и радостное: «Христосъ Воскресе», общимъ гуломъ понеслось въ отвѣтъ: «Воистину Воскресе» отъ наполнявшихъ церковь добровольцевъ, чьи одухотверенныя лица были полны радости слышать этотъ великій возгласъ, возгласъ радости Воскресенія Христова и надежды на наше воскресенье и спасеніе Россіи отъ враговъ Христа. Эта радость соединялась съ благодарностью за наше спасеніе во время похода, за сохраненіе нашихъ силъ и здоровья, за выходъ въ свободный отъ большевиковъ край, за нахожденіе среди доброжелательныхъ и празднующихъ съ нами Воскресеніе Христова людей, хозяевъ этой станицы.

Первымъ христосуется со священникомъ ген. Алексѣевъ, за нимъ ген. Деникинъ и добровольцы вперемѣжку со станичниками-донцами. А на паперти и около церкви уже шло взаимное христосованіе. Объятія были искреннія. Все старое забыто. Угощали казаки на славу. Явились и водочка, и винцо. Столы трещали подъ окороками, заливными поросятами, пасхами, куличами и пр. снѣдью. Забыли про большевиковъ и разговѣлись по-настоящему. Но глаза слипались. Хозяева разостлали тулупы и попоны на полу, накрыли чистыми простынями и оставили гостей въ покоѣ.

Въ первый разъ послѣ трехъ мѣсяцевъ удалось раздѣться и лечь на чистое бѣлье.

23 апрѣля. Первый день Св. Пасхи.

1-ая бригада выступила изъ Лежанки, сдѣлавъ кругъ, взорвала ж. д. полотно у разъѣзда Прощальнаго и ст. Цѣлина и, продѣлавъ 50-ти верстный переходъ, къ вечеру пришла въ Егорлыцкую.

2-ая бригада осталась въ Гуляй Борисовкѣ.

24 апрѣля въ Егорлыцкой былъ смотръ находившихся въ ней частей.

Ген. Марковъ, проходя вдоль фронта Офицерскаго полка, вспомнилъ о «дѣтяхъ» ген. Боровскаго и вызвалъ изъ строя оставшихся въ живыхъ. Отчетливо стукнувъ каблуками, изъ строя вышло и стало смирно нѣсколько юношей... ихъ было тринадцать. А вышло изъ Ростова 200. Эти «дѣти», въ составѣ юнкерскаго батальона, участвовали во всѣхъ бояхъ въ походѣ. Къ концу похода они превратились въ молодцеватыхъ обстрѣлянныхъ солдатъ, для которыхъ приказъ начальника святъ, а любимое оружіе — штыкъ. Нельзя было узнать недавнихъ гимназистовъ и студентовъ.

Вспомнилъ ген. Марковъ и стоявшихъ въ строю участниковъ его Батайскаго отряда моряковъ, положившихъ начало участія офицеровъ флота въ Бѣлой борьбѣ, доблестный командиръ коихъ капитанъ 2-го ранга Потемкинъ потерялъ у Батайска глазъ, а его замѣститель ст. лейтенантъ Ильвовъ повелъ морскую роту въ походъ и совершилъ его въ составѣ офицерскаго полка, потерявъ въ бояхъ половину своего состава.

Весь этотъ второй день Пасхи добровольцы гостили у хлѣбосольныхъ казаковъ и казачекъ. По всей станицѣ въ этотъ день раздавалось: «Христосъ Воскресе! — Воистину Воскресе!»

Спокойно прошелъ этотъ день и во 2-ой бригадѣ у ген. Богаевскаго въ с. Гуляй Борисовкѣ.

25-30 апрѣля. Набѣгъ на Сосыку.

Находясь въ Егорлыцкой штабъ арміи точно узналъ о занятіи нѣмцами Ростова, Батайска и станицы Ольгинской и объ огромномъ движеніи большевицкихъ эшелоновъ по ж. д. линіямъ Ростовъ-Тихорѣцкая-Царицынъ. Перевозилась масса военныхъ матеріаловъ, въ частности боевыхъ припасовъ, въ которыхъ сильно нуждалась Добровольческая Армія. И ген. Деникинъ рѣшилъ произвести набѣгъ на узловую станцію Сосыка и ближайшія къ ней станціи Крыловскую и Ново-Леушковскую, чтобы захватить боевые метеріалы.

Выславъ въ ночь на 25-ое подрывную команду съ конвоемъ черкесовъ для взрыва полотна желѣзной дороги между Сосыкой и Ейскомъ и уничтоженія телеграфныхъ и те-

лефонныхъ проводовъ, чтобы все находящееся на ст. Сосыка не могло ускользнуть при наступленіи Добровольцевъ, ген.Деникинъ приказалъ утромъ 25-го двинуться на подводахъ къ Сосыкѣ.

Очень не хотѣлось идти въ этотъ набѣгъ. Былъ заманчивъ отдыхъ и возможность повидать своихъ родныхъ и друзей въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, но... приказъ есть приказъ, и 25-го апрѣля ген. Богаевскій выступилъ изъ Гуляй-Борисовки и взялъ съ боя станицу Екатериновскую, а главная колонна — I-ая бригада и конница ген. Эрдели (сдѣлавъ переходъ въ 65 верстъ) заночевали вмѣстѣ со штабомъ арміи въ Незамаевской.

26-го апрѣля 2 ая бригада выступила изъ станицы Екатериновской на ж. д. ст. Крыловскую. 1-ая бригада изъ Незамаевской двинулась на ст. Сосыка, а конница ген. Эрдедели была направлена на ж. д. ст. Ново-Леушковскую. Атака этихъ ж. д. станцій была назначена на разсвѣтѣ 27-го апрѣля.

27 апрѣля всѣ три бригады съ разсвѣтомъ перешли въ наступленіе на фронтѣ въ 30 верстъ, атакуя красныхъ на ж. д. станціяхъ Крыловская, Сосыка и Ново-Леушковская.

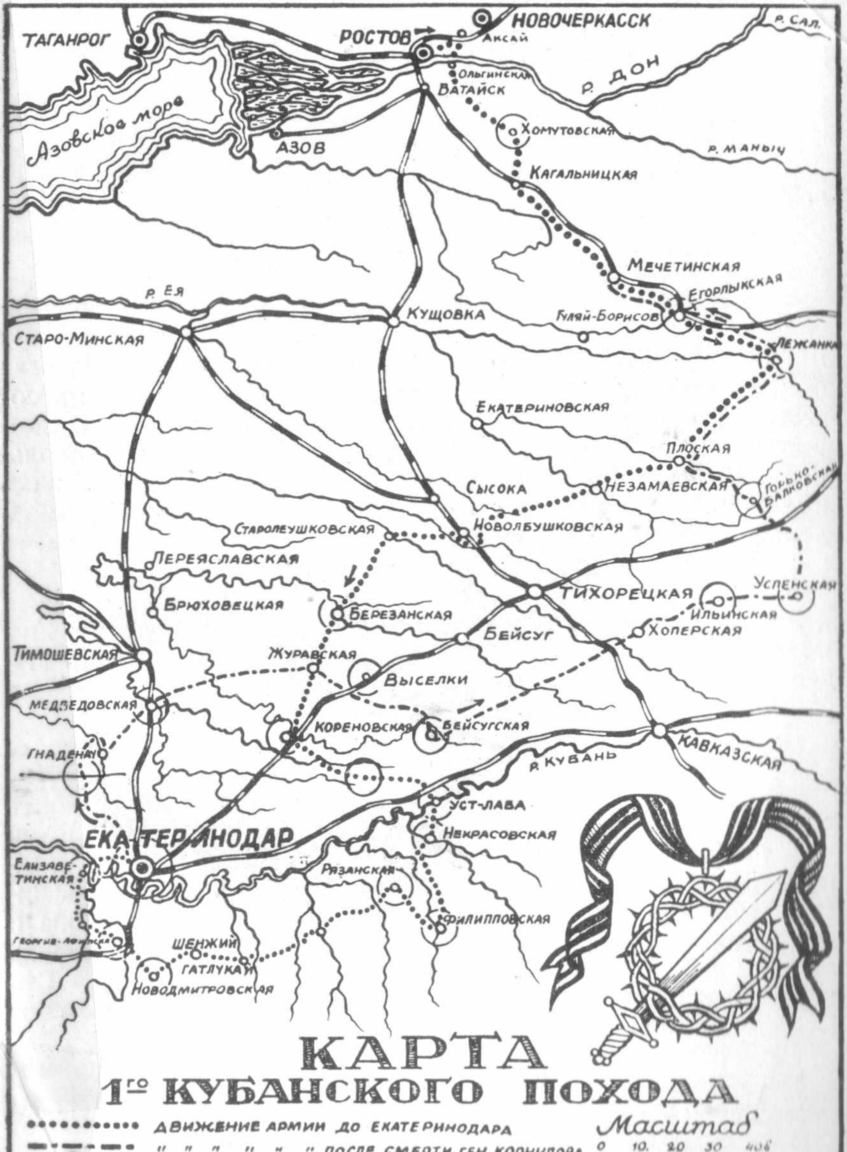
Особенно упорно красные сопротивлялись у ст. Крыловской и Сосыка. Нѣсколько бронепоѣздовъ поддерживали пѣхоту красныхъ и сильно задерживали наступленіе добровольческихъ частей. Особенно трудно пришлось I-ой бригадѣ, усиленной конной батареей и дивизіономъ конницы, т. к. ей пришлось брать не одну станцію, а весь ж. д. узелъ изъ 2-хъ станцій — Сосыка Владик. и Сосыка Ейская.

Только къ вечеру всѣ три станціи были заняты. Благодаря удачнымъ взрывамъ, произведеннымъ нашими подрывниками ни одинъ поѣздъ не ускользнулъ и Добровольческой арміи досталась богатая «боевая провизія». Подошедшіе изъ станицы Незамаевской 500 казаковъ сразу же были вооружены захваченными винтовками.

28 апрѣля ген. Деникинъ предполагалъ расширить наступленіе еще больше къ сѣверу, но красные, получивъ крупное подкрѣпленіе, оказывали настолько упорное сопротивленіе, что этотъ планъ былъ отставленъ во избѣжаніе напрасныхъ потерь и армія двинулась обратно къ донскимъ станицамъ, увозя на 400 подводахъ захваченную военную добычу: снаряды, патроны, пулеметы, обмундированіе, бѣлье и въ запряжкѣ 2 орудія.

На ночь части остановились въ станицахъ Екатериновской и Ново Леушковской.

29 апрѣля Добровольческая армія по высохшей дорогѣ спокойно перешла въ Гуляй Борисовку. Въ этотъ прекрасный



КАРТА
1го КУБАНСКОГО ПОХОДА

весенній день въ степи, при громкомъ пѣніи многочисленныхъ жаворонковъ, заглушившихъ даже шумъ колесъ, добровольцы забыли о недавнемъ упорномъ боѣ.

30 апрѣля 1-ая бригада и конница перешли въ станицу Егорлыцкую, а Штабъ арміи и 2-ая бригада въ станицу Мечетинскую. Переходъ прошелъ совершенно спокойно.

Части стали по широкимъ квартирамъ. Раненые отправлены въ госпиталя Новочеркасска.

1-ЫЙ КУБАНСКІЙ ПОХОДЪ ОКОНЧЕНЪ.

Кубанскій походъ продолжался 80 дней, отъ 9-го февраля и до 30-го апрѣля 1918 года. Пройдено, по основному маршруту, 1050 верстъ. Изъ 80 дней — 44 дня Армія вела бои. Вышла въ составѣ четырехъ тысячъ, вернулась въ составѣ пяти тысячъ, пополненная кубанскими казаками. Схоронила въ кубанской землѣ вождя и четыреста добровольцевъ. Вывезла болѣе полуторы тысячи раненыхъ, изъ нихъ нѣкоторыхъ по нѣсколько разъ. Въ память похода установленъ знакъ, показанный на обложкѣ этой книги — «мечъ въ терновомъ вѣнцѣ на георгіевской лентѣ».

Но не окончена борьба за РОССІЮ. Добровольческая Армія, отдыхая, стала пополняться и готовиться къ новымъ походамъ. Что же далъ для дальнѣйшей борьбы нашъ Ледяной походъ?

Приведемъ нѣсколько отзывовъ о томъ:

***

Двухъ съ половиной мѣсячный походъ по кубанскимъ степямъ не далъ Добровольческой Арміи ни территоріи, ни «организаціоннаго центра» въ видѣ Екатеринодара, ни поднялъ поголовнаго возстанія Кубанскаго казачества. Ольгинскія мечты не сбылись. Походъ стоилъ Россіи Корнилова и взбудоражилъ и способствовалъ организаціи, изъ-за страха за свое существованіе, большевицкаго муравейника на Сѣверномъ Кавказѣ. Безпристрастный итогъ актива и пассива Перваго похода не склоняется въ пользу актива.

Но всѣ эти недочеты, вѣрные математически, непримѣнимы въ военномъ искусствѣ. Весь пассивъ Перваго похода меркнетъ передъ тѣми нематеріальными цѣнностями, которыя Добровольческая Армія пронесла и вынесла изъ своего Кубанскаго похода. Она первая, безъ надежды на помощь, открыто пошла на вооруженную борьбу съ большевизмомъ до конца. Окунувшись въ совѣтское море, она его бороздила въ теченіе 80 дней, расчищая себѣ путь среди красныхъ бандъ. Ничтожная по численности, она сбивала на своемъ пути все преграждавшее ей дорогу, не считаясь съ числомъ

враговъ.

Вернувшись на Донъ, она принесла съ собою вѣру въ возможность успѣшной борьбы и эту вѣру вливала и въ серрца всѣхъ тѣхъ, кто ее потерялъ.

Горсть добровольцевъ, вернувшихся съ Кубани, завоевала себѣ право стать выразительницей чаяній не хотѣвшей сдаваться большевикамъ Россіи.

Кубанскій походъ Алексѣевскихъ и Корниловскихъ добровольцевъ зимой 1918 года превратилъ ихъ въ кадръ будущей Русской Арміи. Духовная сила, которую принесли съ собою Добровольческая Армія изъ Кубанскихъ степей, создала ей ореолъ надежды Россіи.

Полк. Зайцевъ

Нужно было имѣть необычайную смѣлость и увѣренность въ духѣ своихъ бойцовъ, чтобы совершить этотъ, ни съ чѣмъ несравнимый, походъ среди большевицкаго океана, и будущій военный историкъ, когда начнутъ изучать этотъ русскій Анабазисъ, не разъ преклонится передъ рѣшимостью, талантомъ, находчивостью вождей и непреодолимымъ духомъ маленькой арміи, бывшимъ сильнѣе всѣхъ разочарованій, которыя неумолимая судьба готовила добровольцамъ на каждомъ шагу.

Б. Суворинъ

Добровольцы дѣйствительно проявили невѣроятное мужество и выносливость, а вожди ихъ оказались на полной высотѣ военнаго искусства. Однако, противъ одного стояло сто. Такое несоразмѣримое численное превосходство и громадное преобладаніе въ средствахъ борьбы, конечно, должны были дать немедленную побѣду большевикамъ.

Отчего же произошло обратное.

Отвѣтъ можетъ быть одинъ.

У большевиковъ тогда не было опытныхъ руководителей, и организація ихъ только еще нарождалась.

Вотъ почему и можно съ полной увѣренностью сказать, что, если бы вначалѣ въ армію пришла хотя бы половина того, что впослѣдствіи пристало къ добровольцамъ, и, если бы въ ея кассу поступила бы хотя четвертая часть того, что было взыскано съ мѣстной буржуазіи въ видѣ большевицкихъ контрибуцій, — при такихъ условіяхъ большевицкая организація была бы уничтожена въ самомъ зародышѣ.

Порукой въ этомъ былъ Ледяной походъ.

Л. Половцевъ

ЗАПОВѢДЬ.

Сорокъ лѣтъ. Срокъ немалый. Отстучали боевые шаги бѣлыхъ солдатъ, ушли подъ цѣлину и въ вѣчную память наши соратники, по-солдатски и по-христіански донеся свои лавры и терніи.

А мы, живые, еще идемъ и за себя и за нихъ, и грѣетъ насъ еще общее солнце, и лежитъ на насъ еще общій долгъ Родинѣ.

Первый Кубанскій Генерала Корнилова походъ знаютъ и даже помнятъ многіе, но немногіе все же уясняютъ его значеніе.

Бѣлое дѣло вынесено и утверждено именно Первымъ Походомъ. Свѣточъ надъ русской землей былъ зажженъ въ Первомъ Походѣ, свѣточъ, которому суждено разгорѣться и озарить нашу Родину и потемнѣвшій ликъ человѣчества... Первый Походъ обозначилъ новую эру — массовую добровольную борьбу кровью и любовью за Добро и Правду. Своимъ свѣтлымъ жертвеннымъ путемъ онъ засвидѣтельствовалъ, что человѣку безъ идеаловъ невозможно и не должно жить!

Первый Походъ, наконецъ, показалъ, что не только нужно понять и обличать насиліе и зло, не только противиться имъ, но и лично бороться за ихъ уничтоженіе! Какъ это было правильно тогда и какъ справедливо теперь! И это теперь понимаютъ многіе, а послѣдующія поколѣнія на этомъ будутъ расти, если, конечно, будутъ понимать и любить свободу.

Молодость большинства изъ насъ началась войной, созрѣли мы въ гражданской войнѣ, умудрились жизнью, поняли ея назначеніе и цѣнность въ долгіе годы изгнанія. И надо сказать, что стержнемъ и маякомъ этихъ лѣтъ всегда былъ и есть Первый Походъ. Не было бы его, не было бы смысла и силъ для жизни. Мы бы растворились въ матеріалистическомъ водоворотѣ, насъ бы унесъ общій мутный потокъ. Не было бы лица, ведущей линіи. И вотъ, выходитъ, что мы и сорокъ лѣтъ тому назадъ знали эту линію. Знали тогда по наитію Святаго Духа, теперь — по опыту. разсудку и жизненному опыту. Тогда насъ захватило и вело: «коль жить нельзя достойно, то надо честно умереть». Теперь намъ представляется, что на землѣ нашей ничего не было столь праведнаго и достойнаго, какъ этотъ Первый Походъ.

И. Эйхенбаумъ.

Группа первопоходниковъ-быховцевъ и офицеровъ Текинскаго конвоя. Слѣва направо сидятъ: пполк. Ряснянскій, ген. Романовскій, ген. Деникинъ, ген. Эльснеръ, ген. Плющикъ-Плющевскій; стоятъ: шт.-р. Сомовъ, рот. кн. Крапоткинъ, в. чин. Будиловичъ, прап. Гришинъ, подп. Эргардъ, сот. Сеоевъ, шт.-р. Толстовъ, полк. Аронъ, рот. Бекъ-Узаровъ.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОДЪ.

Кубанскихъ дорогъ черноземный разбѣгъ,
И степей предвесеннихъ просторы...
Мы штыками себѣ добывали ночлегъ,
На пути въ Андыгейскія горы...
Подъ Кубанской станицей въ крутыхъ берегахъ,
Бились горной рѣки перекаты...
Марковъ внизъ соскользнулъ. Стоя въ мерзлыхъ волнахъ,
Обернулся и крикнулъ: «Вода — мокровата!»
А за нимъ добровольцы, за взводами взводъ,
Шли на приступъ съ упорствомъ суровымъ...
Ихъ одежды худыя ломались, какъ ледъ.
И Походъ былъ весь названъ: «Ледовымъ».

М. Н. Залѣсскій.

ПЕРВОПОХОДНИКАМЪ.

Была большая семья и крѣпкій просторный домъ. На домъ напали разбойники. Старшій сынъ защищался, но разбойниковъ было много, другіе члены семьи какъ-то быстро сдали, покорились, были связаны, а старшій сынъ, окровав-

ленный, израненный въ разодранной одеждѣ ушелъ и, слышно, скитается по чужимъ людямъ, въ батракахъ служитъ, но все грозится отобрать назадъ отчій домъ, выгнать изъ него разбойниковъ, отомстить имъ.

Разбойники поселились въ домѣ. Содрали со стѣнъ иконы, испакостили запоганили чистые покои, помыкаютъ членами семьи, ругаются надъ дѣвушками, нехорошему учатъ дѣтей. По крутому распоряжаются въ домѣ, убили старика хозяина, молчать заставили старуху, ведутъ себя, какъ хозяева... а все оглядываются, все свербитъ у нихъ что-то по хребту. Кажись, всѣхъ, кто хотя взглядъ косой бросилъ на нихъ, перебили, такъ приструнили, что уже не знаютъ, какъ имъ и угодить, а имъ все не по себѣ. Скитается гдѣ-то старшій сынъ и знаютъ разбойники: — придетъ!

Начнутъ издеваться надъ вѣрою православной. Мы-де — вамъ Бога уничтожили и нигдѣ Его нѣту и ослабѣла ваша вѣра... — И встрѣтятъ нѣмой, полный укоризны взглядъ, сказать то громко не смѣютъ: — «Есть Богъ! Со старшимъ сыномъ ушелъ Онъ, у него хранятся наши святыни и тверда, крѣпка и нерушима у него вѣра Русская Православная!»

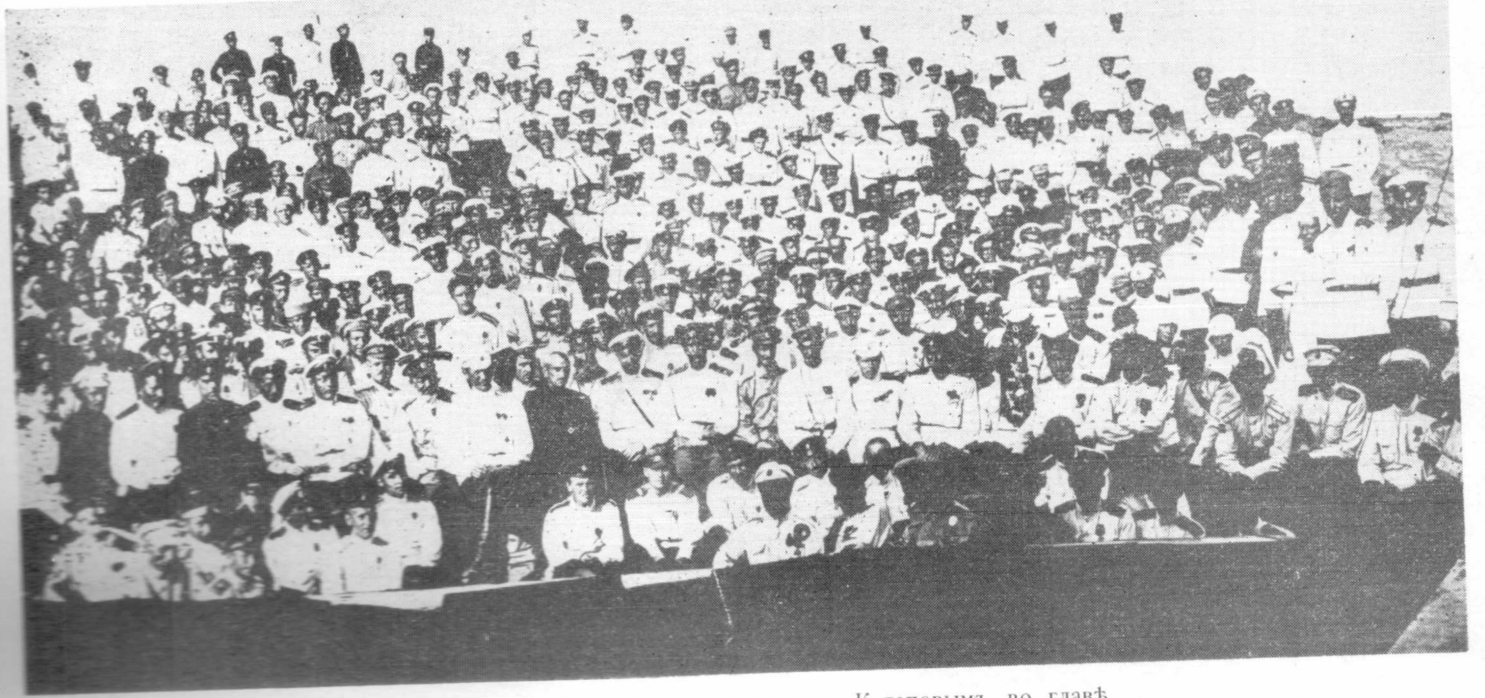
Станутъ издѣваться надъ порабощенными. — Лишили мы васъ и самого имени вашего — прозвища и живете вы подъ нашею кличкою, все одно, какъ собаки.. И замнутся: — Знаютъ: свято хранится у старшаго сына семейное имя и ничѣмъ не поступился онъ противъ обычаевъ и обрядовъ старины.

Станутъ говорить: — «мы вашихъ дѣтей такому научимъ, что путнаго отъ нихъ ничего не ждите. Растутъ они безбожниками, слабыми духомъ и больными тѣломъ — изничтожимъ мы весь вашъ родъ православный».

А въ глазахъ забитой, истерзанной семьи читаютъ: — Неправда и это. Знаемъ: — растутъ у старшаго сына на чужбинѣ, здоровыя, крѣпкія дѣти. Помнятъ отца съ матерью, объ одномъ думаютъ: — вернуться домой, прогнать разбойниковъ, вычистить и краше прежняго поставить родную избу,

Смѣются разбойники: — «мы вашъ языкъ запоганили. вы-де у насъ и грамоту позабыли».. И запнутся. Знаютъ — идутъ тайныя граматки отъ старшаго сына, цѣлыя книги идутъ и все писаны по старинному, по Родному, по Русскому...

И скверно становится разбойнику. Пропадаетъ у него чувство, что онъ-де хозяинъ тутъ. Оглядывается, ждетъ, прислушивается, пуще свирѣпствуетъ, крѣпче издѣвается, но знаетъ — будетъ конецъ его насиліямъ, не избѣжать ему кары лютой, висѣть ему на веревкѣ... И когда смотритъ въ ту сторону, куда ушелъ старшій сынъ, когда стоитъ подъ



Первопоходники въ Галлиполи, съ ген. Кутеповымъ во главѣ.

воротами пугливо косится на перекладину, поджимаетъ шею и чувствуетъ липкое прикосновеніе веревки на холкѣ...

Въ этомъ смыслъ и значеніе того хмураго февральскаго дня, когда ушли Русскіе, вѣрные долгу офицеры и солдаты изъ Ростова и пошли въ тяжелый ледяной походъ.

Ибо когда ликующей, пьяной бандой ворвались на югъ Россіи насильники и протянулъ грязный башмакъ для поцѣлуя хамъ и сталъ орать: — Всѣ поклонились мнѣ! Всѣ признали меня!... Всѣ, даже генералы, вотъ какъ меня уважаютъ!

А Корниловъ?... А Алексѣевъ... А Деникинъ... Марковъ, Нѣжинцевъ?... А тысячи храбрыхъ, что длинной колонной-змѣею въ сумерки тусклаго февральскаго дня уползали по степи къ Ольгинской станицѣ?

И когда пошли бои подъ Лежанкой и Ново-Дмитріевской, когда отдались отголоски пушечныхъ громовъ о дома Екатеринодара — пробудились Донскіе и Кубанскіе казаки и крѣпка стала защита родного дома по всему краю Русской земли.

Если-бы не было этихъ именъ, если-бы не было ни Дутова, ни Анненкова, ни Колчака, ни Юденича, ни Миллера, ни Дроздовскаго, если-бы три года пожарнымъ пламенемъ не полыхалась оборона Русской Земли, — что же за гадкое, подлое племя былъ-бы Русскій народъ?

Въ крови и смерти выросъ великій духъ. Онъ закалился въ леденящихъ кровь эвакуаціяхъ — Новороссійской и Крымской, онъ выросъ въ Галлиполи и на Лемносѣ и онъ остался грознымъ предупрежденіемъ насильникамъ и ворамъ и крѣпкой надеждой Россіи на ея воскресеніе.

Если бы Христосъ, снятый съ креста, не оставилъ бы своего человѣческаго тѣла, похороненный въ гробницѣ каменной — не ждали-бы люди Его святого воскресенія!

Если-бы не осталась, — пускай бродячая, пускай нищая и убогая, пускай у чужихъ людей и въ немилости — Россія съ ея православной вѣрою, съ Русскимъ ея языкомъ, со всемъ Рускимъ укладомъ и обычаемъ, — какъ страшно было-бы жить имъ, порабощеннымъ и забитымъ, хамскими сапогами притоптаннымъ, потерявшимъ Русское имя людямъ!

Ибо не было бы вѣры въ возрожденіе Россіи, не было бы надежды это возрожденіе Россіи увидать.

Въ этомъ великая святость и необходимость родныхъ могилъ, разбросанныхъ по всей Россіи отъ Ростова и Екатеринодара до Иркутска и Нарвы. Въ этомъ родная прелесть мученій Ледяного похода, подвига добровольцевъ и спасенія Арміи изъ Крыма. Въ этомъ утѣшеніе въ нашей заграничной душевной тоскѣ и тѣлесной нищетѣ!

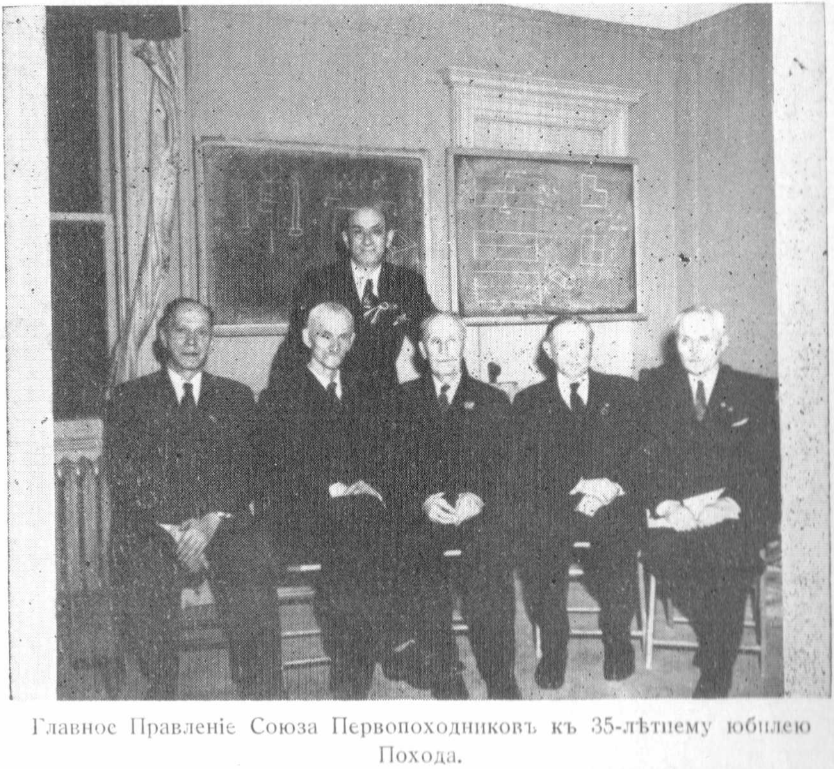
Будетъ часъ, когда мы вернемся въ родной домъ хозя-

евами и бѣгутъ отъ лица нашего ненавидящіе Россію! Будетъ день, когда придутъ къ намъ забывшіе Бога, или незнающіе Его святого Имени и скажутъ: — «научите насъ святой вашей вѣрѣ»... Придутъ тѣ, кто забылъ въ тюремномъ плѣну про Россію и волю, и скажутъ: — «орлы степные! герои ледяного похода, гордые духомъ и сильные сердцемъ — разскажите намъ про матушку Русь, научите насъ любить ее такъ, какъ вы ее любите!

Будемъ готовы къ этому часу! Пусть ни на минуту не угасаютъ свѣтильники нашей вѣры и не истощается масло нашей любви къ Родинѣ.

П. Красновъ

Santeny
14 декабря 1925 г.



Главное Правленіе Союза Первопоходниковъ къ 35-лѣтнему юбилею Похода.
Слѣва направо: полк. Трескинъ, ген. Науменко, ген. Череповъ, полк. Ряснянскій, полк. Третьяковъ. Сзади в. старш. Ткачевъ:

РЫЦАРЯМЪ ЛЕДЯНОГО ПОХОДА.

Къ вамъ, братья мои по духд и сердцу, къ вамъ, рыцари Ледяного Похода, къ вашей славной годовщинѣ стремится моя мысль.

Не дала мнѣ судьба быть съ вами, когда всѣми оставленные, всѣми отвергнутые, среди враждебно или безучастнаго океана народнаго уходили вы изъ Ростова въ холодную мглистую даль навстрѣчу невѣдомому будущему, прикрывая стынущими отъ стужи руками, послѣднiй, задуваемый вѣтромъ трепетный огонекъ Русской свободы.

Далеко я былъ тогда отъ васъ, маялъ долгие годы въ плѣну, куда попалъ, истекающiй кровью, съ тяжелой раной въ голову. Кипѣла тогда уже цѣлый годъ въ красномъ пожарѣ Россiя, и до насъ сидѣвшихъ въ плѣну, сквозь богровый, окутавшiй ее дымъ, только смутныя прорывались вѣсти.

Но и мы знали священное имя Корнилова, и слышали мы, что гдѣ-то далеко на Дону съ горстью храбрецовъ сталъ онъ грудью противъ краснаго шквала. И когда мы, утѣшая другъ друга, говорили это имя, намъ было не такъ стыдно смотрѣть другъ другу въ глаза. «Все погибло, — думали мы, — но честь не погибла».

Волками смотрѣли тогда на насъ офицеры союзныхъ войскъ, наши сотоварищи по плѣну. Говорили открыто: — «Измѣнила намъ Россiя». Въ ихъ глазахъ Совнаркомъ былъ правительствомъ Россiи, и не хотѣли, либо не могли они понять нашей Русской трагедiи, нашего русскаго горя. Нѣмцы, наши тогдашнiе враги, ближе знающiе Россiю, больше понимали насъ. Тогда имъ было выгодно то, что случилось съ Россiей.. «Война есть война, — говорили они. — Мы послали вамъ Ленина, это тотъ же ядовитый газъ». Но и нѣмецкiе офицеры съ удивленiемъ произносили имя Корнилова. «У васъ есть Корниловъ, вамъ нечего стыдиться». И мы видѣли какъ исчезала куда-то ихъ обычная суровость и они глядѣли на насъ съ сочувствiемъ и, не скрывая, высказывали его. Тогдашнимъ врагамъ, знавшимъ русскихъ въ бою, было больше понятно наше горе, чѣмъ тогдашнимъ союзникамъ.

Немногое зналъ я, какъ видите, о васъ, когда вы совершали свой Ледяной Походъ. Только много спустя, почти черезъ годъ, когда кончился плѣнъ и черезъ тысячи красныхъ преградъ удалось мнѣ, какъ и многимъ изъ бывшихъ со мною, пробиться на Югъ Россiи, чтобы тамъ служить Русскому дѣлу, узналъ я подробно всѣ героическiя страницы, сложившiя святую книгу Корниловскаго похода.

Я помню, какъ горѣло сердце и какъ волненiе перехватило мнѣ дыханiе, когда слушалъ я разсказы участниковъ

Група первопоходниковъ въ день 35-лѣтія Похода, въ Нью Іоркѣ, съ вдовой ген. Деникина — Ксеніей Васильевной.

о знаменитомъ Марковскомъ «Сыровато!» или о томъ горестномъ днѣ, когда наши отходили отъ Екатеринодара, везя съ собой на повозкѣ, покрытое шинелью, тѣло убитаго Вождя. Слушая все это, чувствовалъ я тогда, что, какъ бы не повернулась судьба и какія бы новыя бури не свалились на Русскую голову, та чудесная эпопея, что называется «Ледянымъ Походомъ», есть то, что не предастся забвенію и чему суждено перейти въ исторію.

Много съ тѣхъ поръ воды утекло. Много видѣли мои глаза. Былъ я въ бѣломъ Екатеринодарѣ, по чьимъ улицамъ за годъ передъ тѣмъ озвѣрѣлая толпа влачила вырытое изъ могилы обезображенное тѣло героя, а теперь шли съ церковнаго парада казачьи полки и стройныя добровольческія роты, и былъ я въ бѣломъ Ростовѣ и вновь уходилъ изъ него пѣшкомъ, по колѣно въ непролазной грязи, въ хмурый декабрьскій день, и лежалъ въ обмерзлыхъ Новороссійскихъ вагонахъ, обдуваемыхъ пронзительнымъ нордостомъ... Но ни то, что я видѣлъ за долгіе годы зарубежнаго изгнанничества, не стерло изъ моей памяти тѣхъ чувствъ, какіе пареживалъ я, когда впервые услышалъ горькую, грозную и славную повѣсть Ледяного Похода.

Тѣмъ изъ участниковъ его, кому въ день славной годовщины дана будетъ судьбою радость собраться вмѣстѣ и вспомнить старое, и тѣмъ одинокимъ, кому вдали отъ семьи боевыхъ товарищей, будетъ не съ кѣмъ встрѣтить этотъ день и придется помянуть его наединѣ съ собой, въ этихъ строкамъ крѣпко я жму руку и шлю мой горячій, братскій привѣтъ. Въ ихъ боевую годовщину мыслью и сердцемъ я буду съ ними.

Какъ хотѣлъ бы я быть въ этотъ день въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ будутъ они, собравшіеся дружной семьей или одинокіе, чтобы высоко поднять въ ихъ честь мою чару и сказать имъ: —

«Мужайтесь братья! Борется сатана со Христомъ. Но не дано сатанѣ побѣдить Христа! Что наши земныя испытанія? Что наши земные сроки? Знаетъ Богъ куда Онъ ведетъ насъ. Есть Богъ, и Россія будетъ. Не погибнетъ ваше единожды поднятое, святое, бѣлое, снѣжное, вьюжное Знамя, что Божіи ангелы несли надъ вашими головами въ Ледяномъ Походѣ. Оно еще взовьется надъ Россіей. Вѣрую всѣмъ существомъ моимъ, что вы сами увидите это! Будемъ ждать этотъ часъ, нашъ Русскій долгожданный часъ. Онъ придетъ. Если же кто изъ насъ не увидитъ его и умретъ на чужбинѣ, пусть твердо знаетъ, умирая, — будетъ Россія и **никогда, никогда, никогда** память о славномъ Ледяномъ Походѣ не порастетъ забвенной травою.

За васъ поднимаю чару! За вашу небеснымъ блескомъ осіянную славу!

Сергѣй Кречетовъ

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло 40 лѣтъ со дня окончанія І-го Кубанскаго похода. Немного осталось въ живыхъ его участниковъ. Быть можетъ 300-400 человѣкъ, разбросанныхъ по всему земному шару. Въ Европѣ, Америкѣ, въ далекой Австраліи и Ново-Зеландіи ихъ можно встрѣтить. Ослабѣла связь между ними, ибо часто тяжка жизнь и отъ непосильнаго труда или безработицы и связанной съ ней голодовкой, отъ боли въ старыхъ ранахъ, отъ тоски по родинѣ у многихъ апатія и уныніе. Насъ не цѣнятъ въ изгнаніи и помнятъ ли на родинѣ?

А что же на родинѣ?

Многое перемѣнилось тамъ. Извѣрился народъ въ большевизмѣ-коммунизмѣ, и теперь Лежанка, Кореновская, Филипповская не встрѣтили бы насъ огнемъ, но въ тяжкомъ плѣну у коммунистовъ народъ. Мѣняются главари — Ленинъ, Сталинъ, Хрущевъ, но не «стало лучше жить, не стало веселѣй». Ежегодно коммунисты обѣщаютъ населенію улучшеніе его питанія, снабженіе его предметами первой необходимости, предоставленіемъ хорошихъ квартиръ, но все это ложь и ложь безъ конца, ибо не объ улучшеніи жизни россіянъ они заботятся, а о всемірной революціи. 40 лѣтъ тому назадъ большевизмъ былъ страшенъ въ Россіи, теперь, лишивъ свободы нашу Родину, коммунисты распространяютъ свою власть на другія страны Европы и Азіи, стремятся къ захвату власти въ Африкѣ. Они являются угрозой уже всему міру. Ихъ боятся и съ ними ведутъ политику сосуществованія страны свободнаго міра, только ради предотвращенія страшной атомной войны. Опасность можетъ быть предотвращена только уничтоженіемъ коммунистической диктатуры. Возможно ли это? Сталинъ, Ленинъ, а теперь и Хрущевъ утверждали, что совѣтская власть непобѣдима и что ее побѣда во всемъ мірѣ обусловлена естественнымъ ходомъ исторіи.

Такъ ли это? Исторія показываетъ, что ни одна диктатура, партіи ли, человѣка ли, не бываетъ вѣчной. Исторія показываетъ, что долговѣчной можетъ быть только власть, устремленія которой совпадаютъ съ волею и чаяніями народа. Безбожная жестокая совѣтская власть не выражаетъ воли народа и не отвѣчаетъ его чаяніямъ. Ея крушеніе неизбѣжно. Коммунистовъ постигнетъ судьба всѣхъ поработителей и тирановъ.

Настанетъ день, сброситъ народъ иго коммунистовъ, возродится РОССІЯ и вспомнитъ тогда русскій народъ тѣхъ, кто первыми поднялись на зищиту Дома Пресвятой Богородицы отъ красной нечисти.

Да дастъ намъ Милостивый Господь дожить до этого часа!

С. Ряснянскій

—о—

Приложеніе.

ТЕКСТЪ СОГЛАШЕНІЯ КОМАНДОВАНІЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ СЪ КУБАНСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

17-го марта, въ станицѣ Ново-Дмитріевской состоялось вѣщаніе, на которомъ присутствовали: генералы Корниловъ, Алексѣевъ, Деникинъ, Эрдели, Романовскій Покровскій, Гулыга, полк. Филимоновъ, Бычъ, Рябоволъ, Султанъ Тахимъ-Гирей (представитель горцевъ). На этомъ совѣщаніи было подписано слѣдующее соглашеніе: 1) Ввиду прибытія Добр. Арміи въ Кубанскую обл. и осуществленіе ею тѣхъ же задачъ, которыя поставлены Кубанскому Правительственному отряду, для объединенія всѣхъ силъ и средствъ, признается необходимымъ переходъ Кубан. Правит. отряда въ полное подчиненіе ген. Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряды, какъ это будетъ признано необходимымъ. 2) Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Войсковой Атаманъ продолжаютъ свою дѣятельность, всемѣрно способствуя мѣропріятіямъ Командующаго Арміей. 3) Командующій Войсками Кубанскаго Края съ Нач. Штаба отзывается въ составъ Правительства для дальнѣйшаго формированія Кубанской Арміи.

Такъ произошло соединеніе, о которомъ мечтали всѣ поднявшіе знамя борьбы на Кубани. И, ставъ плечомъ къ плечу съ Добровольцами, Кубанцы двинулись «за Родиной» въ степи Кубани.

***

ИСТОЧНИКИ.

Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки Русской Смуты». Т. 2-ой.
Корниловскій ударный полкъ — сборникъ.
Борисъ Суворинъ — «За Родиной».
Л. В. Половцевъ — «Рыцари терноваго вѣнца».
Сборникъ Марковцевъ «Первый походъ Добр. арміи».
М. А. Голубовъ. «Сильные духомъ».
В. Н. Биркинъ. «Повѣсть минувшихъ лѣтъ».
Письма отдѣльныхъ участниковъ похода.
Личныя воспоминанія.

…NTAL RE…
PARTNE…

Цѣна $ 1.75

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ ВЪ ТЕКСТѢ КНИГИ

Стр.	Строчка	Напечатано:	Нужно читать:
11	22 сверху	Порода	Похода
16	15 сверху	часто сознавая	часто не сознавая
20	19 сверху	вяятъ	взятъ
24	2 снизу	фарма	ферма
26	4 снизу	Жертвы вечерние	Жертвы вечернія
26	6 снизу	Вы Ростовѣ	Въ Ростовѣ
29	4 снизу	ккоторый	который
30	19 сверху	слусай	случай
44	29 сверху	всю строку вычеркнуть	
54	25 сверху	офицеркихъ	офицерскихъ
64	6 сверху	шамахъ	шагахъ
72	10-12 снизу	весь текстъ не точенъ	Всего въ отрядѣ: 2500 чел. пѣхоты, 800 человѣкъ конницы, 12 орудій, 24 пулемета и одна радіо-станція, а всего съ ранеными, обозомъ, гражданскими лицами около 4000 человѣкъ.
76	13 снизу	Кубанская конная батарея входила въ составъ Отдѣльной конной бригады.	
84	6 снизу	Льву	Лавру
86	7 сверху	састь	часть
111	16 сверху	Фч-	Фи-